

VK.COM/FALLING_KINGDOMS

КЕНДАРИ БЛЭЙК

ТРИ

ТЕМНЫЕ

КОРОНЫ

Annotation

На острове Феннбёрн каждое поколение рождаются тройняшки, три королевы, имеющие равные права на трон и обладающие заветной магией. Мирабелла - элементаль, способна зажечь на кончиках пламя и швырнуть взмахом руки в людей шторм. Катарина - отравительница, способная есть смертоносный яд, не ощутив и лёгкой боли в животе. И Арсиноя, природа, может заставить цвести самый красивый цветок на свете... и контролировать самого свирепого льва. Но коронация королевы - это дело не только королевского происхождения. Сёстры должны бороться. Это не игра на победу, а игра на жизнь или смерть. В ту ночь, когда сёстрам исполнится шестнадцать, начнётся бой. И королева, которая выстоит, получит корону. Если б всё было так просто! Катарина не может выпить и самый слабый яд, а Арсиноя, независимо от стараний, не вырастит и сорняк... Две королевы позорно притворяются, пытаются удержаться на острове, а их могучая сестра Мирабелла не намного мудрее. Но альянсы и без того заключаются, предательства ждут за каждым углом, месть скользит за королевами, и одно понятно: последняя королева может не быть самой сильной... но будет самой тёмной.

•

VK.COM/FALLING_KINGDOMS

КЕНДАРИ БЛЭЙК

ТРИ

ТЕМНЫЕ

КОРОНЫ

ВНИМАНИЕ!

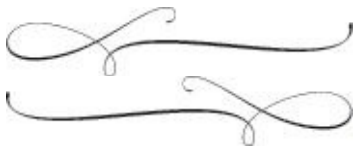
Данный файл предназначен для
ознакомления,
поэтому просим после прочтения удалить
его.

Над переводом работали:

Переводчик: Габриэла Полонская и
Владислава

Редактор: Виталина Селезнёва

Перевод предоставлен группой
Falling Knngdoms | Translation books

*Три королевы тьмы
Рождаются в лощине.
Тройняшек милых мы
Друзьями не увидим.*

*Три тёмные сестры,
Да справедливость судит...
И две поглощены,
И королева будет!*

*Шестнадцатилетие королев
Декабрь, 21
Четыре месяца до костров*

Грэйвисдрейк-Мэнор
Молодая королева стояла босиком на деревянном полу,
подняв руки. На ней было только её скудное бельё, ну и
собственные длинные чёрные волосы, покрывающие спину,
скрывая всё. Каждая унция силы нужна была, чтобы держать
голову гордо, а плечи расправленными.
Две высокие женщины окружили её. Их пальцы
барабанили по собственным сложенным на груди рукам, а шаги
по холодному паркету отражались эхом.
- Она тонка в талии... - Женестьева провела пальцем по
рёбрам, словно пытаясь их спугнуть. – Но так хрупка...
Маленькие королевы не внушают доверие. Остальные на
совете постоянно об этом шепчут.
Она изучала королеву с неприязнью, взгляд отмечал
каждое несовершенство – впалые щёки, бледную кожу. Струпья
из-за яда дуба пятнали правую руку. Но никаких шрамов. Они
всегда в этом осторожны.
- Опустите руки, - промолвила Женестьева, поворачиваясь
на каблуках.
Королева Катарина бросила взгляд на Натали, повыше и

старше из двух сестёр Аррон, прежде чем сделала это. Натали кивнула, и кровь вновь прильнула к пальцам Катарины.

- Сегодня она будет в перчатках, - проронила Женевьева.

Тон был критичен. Но Натали определяет готовность королевы, а не она, и если Натали хочет натирать руки Катарины ядовитым дубом за неделю до дня рождения, то сделает это...

Женевьева подняла прядь волос Катарины и потянула.

Катарина моргнула. Руки Женевьевы толкнули её, и она попыталась защититься. Это было так грубо, что порой казалось, будто Женевьева хотела, дабы она упала так, чтобы её можно было отругать.

Женевьева вновь потянула её за волосы.

- Ну, хоть не выпадают. Но как чёрные волосы могут быть так скучны? И она ещё так мала...

- Она самая маленькая и молодая из тройни, - глубоким, спокойным голосом проронила Натали. – Некоторые вещи, сестра, не изменить.

Когда Натали выходит вперёд, Катарине трудно следить за нею. Наталья Аррон близка к матери, но неузнаваемая. Это в её шелковые юбки Катарина зарылась в шестилетнем возрасте во время долгого пути из Чёрного Коттеджа в Грейвисдрэйк-Мэнор, всхлипывающая из-за расставания с сёстрами. Ничего царственного для Катарины. Но Натали потакала ей. Позволила Катарине плакать, разрушить платье. Гладила её волосы. Это было самое первое воспоминание Катарины. Единственный раз, когда Натали позволила ей вести себя, как ребёнку.

Косы из-за непрямого света в гостиной у ледяной пышноватой Натали казались почти серебристыми. Но она не стареет. Натали не стареет. У неё слишком много работы и обязанностей, чтобы позволить этому случиться. Она глава семьи Аррон-отравителей, самый сильный член Совета Тьмы. Она взрастит новую королеву.

Женевьева схватила отравленную руку Катарины.

Большой палец скользнул по струпьям, пока она не нашла самый большой и не надавливала, пока не пошла кровь.

- Женевьева, - прошипела Натали, - хватит.

- Перчатки прекрасно подойдут, думаю, - Женевьева всё

ещё казалась сердитой. – Перчатки до локтей придадут рукам форму.

Она отпустила руку Катарины, и та упала на бедро. Катарина стояла на подмостке уже час, и ещё долгий день впереди. Всю дорогу до ночи и до Черноты. Праздник отравителей. От одной мысли желудок сжался, и она содрогнулась.

Наталья нахмурилась.

- Ты отдыхала? – спросила она.

- Да, Натали, - отозвалась Катарина.

- Ничего, кроме воды и разбавленной каши?

- Ничего.

Ничего не есть несколько дней, и этого может не хватить.

Ей понадобится выпить много яду, это может победить обучение Натали. Конечно, ещё и ничего не сделать, если дар Катарины действительно силён.

Стоя на подмостке, она чувствовала тяжесть стен гостиной. Они давили, учитывая множество Арронов внутри. Они приходили со всех частей острова. Шестнадцатилетие королев.

Грэйвисдрэйк

обычно

казался

большим

и

молчаливым, пустым, если не считать Натали и слуг, брата и сестры Женеьевы и Антонина, и... Да, Лукиан и Аллегра, когда они не в городских домах. Сегодня они тут с нарядами. И всё готово для отравителей. Если б дом мог улыбаться, он бы коварно ухмылялся.

- Она должна быть готова, - сказала Женеьева. – Каждый уголок острова услышит, что сегодня случится.

Натали склонила голову к сестре. Этот жест передавал сразу и спокойствие Натали, и беспокойство Женеьевы, и усталость от послушания.

Натали повернулась, чтобы посмотреть в окно, на дорогу через холмы в столицу Индрид-Даун. Двойные чёрные шпиль Волроя, дворца, где царствует королева, где живёт Совет Тьмы,

и чёрная труба дыма.

- Женестьева, ты слишком нервная.

- Слишком нервная? – спросила Женестьева. – Мы входим в Год Вознесения со слабой королевой. Если мы проиграем... Я не вернусь в Принн!

Голос сестры был столь пронзителен, что Натали засмеялась. Принн. В прошлом город отравителей, но теперь там жили лишь слабые. Весь капитан Индрид-Даун их. Прошло сто лет.

- Женестьева, ты никогда не была в Принн.

- Не смейся надо мной.

- Тогда не смейся. Не знаю, почему ты туда собралась.

Она смотрела в окно на чёрные шпили Волроя. Пять Арронов в совете Тьмы. Пятеро и больше уже трёх поколений, для правления королевы-отравительницы.

- Я только говорю, что, может быть, ты пропустила многие дела совета, нянчась с нашей королевой.

- Я ничего не пропустила, - сказала Натали, и Женестьева отвела взгляд.

- Конечно. Прости, сестра. Просто совет насторожен, храм открыто поддерживает элементы...

Натали насмешливо улыбнулась.

- Храм для праздника и молитв над больными, - она повернулась и провела по подбородку Катарини. – В остальные дни люди верят совету.

- Почему бы тебе не пойти в конюшню и не уехать, Женестьева? – предложила она. – Это решит твоё волнение. Вернись в Волрой. Дела требуют внимания.

Женестьева закрыла рот. На мгновение показалось, что она могла послушаться или ударить Катарину по лицу, чтобы снять напряжение.

- Это хорошая идея, - сказала Женестьева. – Увидимся вечером, сестра.

После того, как Женестьева ушла, Натали кивнула Катарине.

- Можешь сойти.

Колени тощей девушки дрожали, когда она сходила с

возвышения, стараясь не споткнуться.

- Иди в свои комнаты, - сказала Натали и отвернулась к куче бумаг на столе. – Я пошлю Жизель с миской каши. И ничего другого, кроме пары глотков воды.

Катарина склонила голову и упала в полуреверансе, который Натали поймала б лишь углом глаза. Но задержалась.

- Это... - замялась Катарина. – Всё так плохо, как говорит Женестьева?

Натали на мгновение задумалась, словно решая, стоит ли ответить.

- Женестьева беспокоится, - наконец-то сказала она, - ещё с нашего детства. Нет, Катарина. Всё не так плохо, - она протянула руку, чтобы заправить пряди волос девушке за ухо. Натали часто так делала, радуясь. – Королевские отравители были у трона задолго до моего рождения и будут там ещё после нашей смерти, - она положила руки на плечи Катарине. Высокая, холодная красавица Натали. Её слова не лишали места для аргументов и сомнений. Если б Катарина была похожа на неё, то Арроны могли бы ничего не бояться.

- Сегодня это партия, - сказала Натали. – И твой день рождения. Наслаждайся, королева Катарина. Позволь мне побеспокоиться об остальном.

Сидя перед туалетным зеркалом, королева Катарина изучала своё отражение, пока Жизель расчёсывала её длинные чёрные волосы, сильно проводя по прядям. На Катарине до сих пор был халат и нижнее бельё, и холод сковал её. Замок был прорезан сквозняками, что цеплялись за тени. Казалось, она всю жизнь провела во тьме и дрожала.

По правой стороне от неё была стеклянная клеть. В ней отдыхали коралловая змея, пожирая сверчков. Катарина

получила их девочкой и была единственной, кого та не боялась. Она знала вибрацию голоса Катарины и запах кожи. И ни разу её не кусала.

Катарина наденет её на вечеринку, та обернётся вокруг запястья тёплым браслетом. У Натали чёрная мамба.

Небольшой змеиный браслет не так прекрасен, как на плечах, но Катарина не любила украшения. Она похорошела – красный,

жёлтый, чёрный. Токсичные цвета, они говорят. Прекрасно для королевы Отравителей.

Катарина коснулась стекла, и змея подняла округлую голову. Катарине было дано указание не давать ей имя, ещё и ещё раз повторяли, что это не домашнее животное. Но Катарина называла змею Возлюбленной.

- Не пейте слишком много шампанского, - промолвила Жизель, собирая волосы Катарины. – Оно будет отравлено или окрашено ядовитым соком. Я слышала на кухне о розовых ягодах омелы.

- Я должна буду пить, - промолвила Катарина. – Это тосты за мой день рождения, в конце концов.

Её день рождения и день рождения сестёр. Весь остров празднует шестнадцатилетие тройняшек-королев.

- Только мокните губы, - сказала Жизель, - и всё. Это не только яд, а и напиток. Вы слишком малы, чтобы справиться, и опьянеете.

Жизель заплетала волосы Катарины в косы и закручивала их на затылке в странную конструкцию. Прикосновения были нежны. Она не дёргалась. Она знала, что годы отравления ослабили кожу головы.

Катарина
потянулась

к
косметике,

но
Жизель

прищёлкнула языком. Порошок королевы был слишком бел, они пытались скрыть торчащие плечевые кости. Она была отравлена тонка. Ночи рвоты сделали кожу хрупкой и полупрозрачной, как влажную бумагу.

- Хватит, довольно, - Жизель улыбнулась отражению, - глаза большой куклы Тьмы.

Жизель была любимой горничной Грэйвисдрэйка. Но даже она была красивее королевы, с полными бёдрами, цветом лица, светлыми волосами, что светились, вопреки тому, что она не стала ледяной блондинкой, как Натали.

- Глаза куклы, - повторила Катарина.

Возможно. Но они не прекрасны. Большие, чёрные шары с болезненным макияжем. Глядя в зеркало, она разделяла тело на куски. Кости. Кожа. Малокровие. Её просто сломать и стереть скудные мышцы, вытащить органы, высушить на солнце. Она спрашивала, часто ли этим занимались сёстры... Они одинаковы

под
кожей?

Отравительница,
естествоиспытательница, элементарь.

- Женевьева думает, я не смогу, - сказала Катарина. – Я мала и слаба.

- Вы отравительница, - сказала Жизель. – Что ещё важно? К тому же, не так и малы. Не так слабы. Я видела похуже. Натали заглянула в комнату в чёрных тканях. Они должны были услышать её приход – каблуки звенели при столкновении с полом. Но слишком отвлеклись.

- Она готова? – спросила Натали, и Катарина встала. Одета главой семьи Аррон, честь этого праздника... День рождения. Жизель взяла платье Катарина, чёрное, пышное, тяжёлое. Оно было без рукавов, но струпья от ядовитого дуба прикрывали атласные перчатки.

Катарина шагнула в платье, и Натали принялась закреплять его. Желудок Катарина сжался. По лестнице поднимались звуки сборов. Натали и Жизель надели перчатки на руки. Жизель открыла змеиную клетку. Катарина выудила Возлюбленную, и змея послушно свернулась вокруг её запястья.

- Наркотики или алкоголь? – спросила Натали. – Может быть...

- Всё будет хорошо, - промолвила Катарина, поглаживая змею по чешуйкам. – Она хорошо воспитана.

- Как скажешь, - Натали повернула Катарину к зеркалу и положила руки ей на плечи.

Никогда прежде три королевы с таким даром не правили подряд. Сильвия, Никола и Камилла были последними. Все отравители, поднятые Арронами. Ещё одна и, возможно, династия состоится. Может быть, только королеве-

отравительнице позволят расти, и её сестёр утопят при рождении.

- В Черноте не будет ничего особо странного, - сказала Натали. – Ничего из того, что ты не видела. Но не ешь много. Пользуйся умениями. Как мы учились.

- Было бы хорошим предзнаменованием, - начала Катарина, - если бы сегодня вечером пришёл мой подарок, как у королевы Хадли...

- Ты вновь была в историческом отделе библиотеки, - Натали брызнула жасминовыми духами на шею Катарины, коснулась к косам на затылке. Светлые волосы цвета льда у Натали были заплетены почти так же, как ради солидарности. – Королева Хадли не отравительница. Она воительница. Это другое.

Катарина кивнула, повернула головой направо и налево, словно кукла, а не человек, глина, из которой Натали могла сотворить яд с помощью своего ремесла.

- Ты немного тощая, - сказала Натали. – Камилла никогда не была худа. Почти пухлая. Она ждала Черноты, как праздника. Упоминание Камиллы резало слух Катарины. Натали, несмотря на то, что подняла её, почти никогда не говорила о прошлой королеве. Мать Катарины, хотя та о ней никогда так не думала. Храм предписывал, что у Королев нет родителей.

Они дочери Богини. Кроме того, королева Камилла покинула остров со своим эскортом сразу после родов, как все королевы. Богиня послала новых Королев, и правление старой закончилось.

Тем не менее, Катарине нравилось слушать рассказы о прошлом. Больше всего рассказ о Камилле, что говорила Натали, как та получила корону. Как отравила сестёр хитро и тихо, и те умерли. Как всё закончилось, и они были спокойными настолько, что если б не пена на губах, то казалось бы, что они спали...

Натали видела эти мирные, отравленные лица перед глазами. Если Катарина будет успешна, она увидит ещё двоих.

- Ты похожа на Камиллу, хотя немного другая, - Натали вздохнула. – Она тоже любила библиотечную пыль. И казалась такой молодой... И была так молода! Она правила лишь

шестнадцать лет после коронации. Богиня слишком рано послала тройняшек.

Тройня Королевы Камиллы была послана рано, потому что та слаба. Так шептались люди. Катарина представляла порой, как должно будет с ней. Сколько лет поведёт народ, прежде чем Богиня решит сменить её. Она думала, что Арроны об этом не беспокоились. Чёрный совет управляет островом во время промежутков, и когда её коронуют, они всё равно останутся при своём.

- Камилла была мне как маленькой сестрой, наверное, - сказала Натали.

- Тогда я твоя племянница?

Натали сжала её подбородок.

- Не будь столь сентиментальна, - сказала она и позволила Катарине отступить. – Такая молодая, Камилла убила её сестёр при равновесии. Она была хорошей отравительницей, её дар рано проявился.

Катарина нахмурилась. Одна из её сестёр тоже рано показала дар. Мирабелла. Дар стихии.

- Я убью своих сестёр так же легко, Натали, - сказала Катарина. – Обещаю. Хотя, может быть, когда я закончу, они не будут казаться спящими.

Бал был заполнен отравителями. Казалось, все, кто мог претендовать на кровь Арронов, да и многие другие из Принна прибыли в Идрид-даун. Катарина изучала их с верхней части главной лестницы. Хрусталь, серебро, драгоценности, сверкающие башни фиолетовых ягод белладонны в сетях сахара...

Гости слишком рафинированы – женщины в чёрном жемчуге и алмазах, мужчины с чёрными шёлковыми галстуками. Слишком много мяса на костях. Слишком много сил в руках. Они будут судить её и засудят. Они рассмеются. Она смотрела, как женщина с тёмно-красными волосами запрокинула голову. На мгновение казалось, что её челюсть нынче оторвётся, и показалось горло. В ушах Катарины болтовня обратилась в вопли, а бал был переполнен сверкающими монстрами.

- Я не могу сделать это, Жизель, - прошептала она, и горничная прекратила поправлять её пышные юбки за спиной.

- Можешь, - возразила та.

- Тут больше ступенек, чем прежде.

- Нет, - Жизель рассмеялась. – Королева Катарина, вы будете совершенны.

В бальном зале затихла музыка. Натали приняла руку.

- Вы готовы, - Жизель проверила платье ещё раз.

- Спасибо всем, - обратилась Натали к гостям, и раздался её глубокий, зычный голос, - за то, что прибыли сюда для празднования такой важной даты. В любом году. Но в этом году важнее всего! Нашей Катарине исполнилось шестнадцать! –

гости зааплодировали. – А по весне фестиваль Костров станет чем-то большим. Это будет начало года вознесения! Во время костров остров увидит силу отравителей во время животворящей церемонии! И когда всё закончится, мы увидим нашу королеву, отравившую её сестёр!

Натали сделала жест в сторону лестницы.

- В этом году фестиваль начнётся, а в следующем будет королева! – опять аплодисменты, смех, согласные крики. Они считают, что это просто. Один год – отравить двух королев. Сильная Королева сделает это за месяц, но Катарина не сильная.

- Сегодня, однако, - сказала Натали, - вы просто насладитесь её компанией.

Натали повернулась к лестнице, покрытой бордовым ковром. Блестящие чёрные нити кружились вокруг. Может, всё ради того, чтобы Катарина упала?

- Это платье тяжелее, чем казалось в шкафу, - тихо промолвила Катарина, и Жизель хихикнула.

Когда Катарина выходит из тени на лестницу, она чувствует
каждый
взгляд.

Отравители

серьёзны

и

требовательны. Они могут резать словами так легко, как

ножом. Жители острова Финнбайрн становятся сильнее с королевой. Природа более подвержена природе, элементарии – чистая стихия. После трёх отравительниц-королев они сильнее всего, а Арронам нет равных.

Катарина не знала, должна ли улыбаться. Только не дрожать, не спотыкаться. Она едва не забыла дышать. Видит, что Женевьева стоит справа от Натали, и её сиреневые глаза похожи на камни. Она кажется яростной и испуганной, словно Катарина сделала ошибку. Словно смакует перспективу ударить её по лицу.

Когда Катарина оказывается посреди зала, взгляды поднимаются и вспыхивают улыбки. Сердце бьётся в горле. Сейчас станет легче.

Слуга протягивает бокал шампанского, она принимает его и вдыхает аромат – шампанское пахнет дубом и немного яблоками. Если оно отравлено, то не розовыми ягодами омелы, как подозревала Жизель. Тем не менее, она делает лишь глоток, чтобы промочить губы.

Когда она вошла, музыка вновь заиграла, а болтовня ожила. Отравители в своих лучших чёрных нарядах походят на ворон, и так же быстро разговаривают. Столько вежливых поклонов и реверансов, столько имён, но имеет значение только имя Аррон. Через несколько минут начинает давить тревога. Платье сжимает сильнее, в комнате жарко. Она ищет Натали, но не может найти.

- Вы в порядке, королева Катарина?

Катарина смотрит на женщину перед собой и не может вспомнить её слова.

- Да, - отвечает она. – Конечно.

- Как вы думаете, праздники ваших сестёр столь же славны?

- Ну, почему же... - отвечает Катарина. – Природолюбцы запекают рыбу на палочках, - отравители засмеялись, - и Мирабелла... Мирабелла...

- Плещется босиком в дождевых лужах.

Катарина повернулась. Красивый парень-отравитель улыбается ей – с голубыми глазами и ледовыми волосами Натали. И протягивает руку.

- Что ещё нравится делать элементам? – спрашивает он.

– Моя королева, вы танцуете?

Катарина позволяет ему вести её в зал и притянуть к себе.

Красивый сине-зелёный ядовитый скорпион в правой петлице.

Он ещё жив. Лапки корчатся, а орнамент гротескно красив.

Катарина немного отклоняется. Яд Тёмного Путешественника мучителен. Её жалили и исцеляли семь раз, но она ещё чувствовала на себе его последствия.

- Ты спас меня, - проронила она. – Ещё одна шарада слов, и я б сбежала...

Его улыбка достаточно внимательна, чтобы заставить её покраснеть. Она кружится и рассматривает его резкие черты.

- Как тебя зовут? – спросила Катарина. – Ты Аррон, у тебя их взгляд. И их волосы. Если они не крашенные, конечно.

Он смеётся.

- Что? Как слуги? О, тётя Натали и её выступление...

- Тётя Натали? Итак, ты Аррон.

- Да, - кивнул он. – Меня зовут Пьетр Ренар. Мать – Паулина Ренар, а отец – брат Натали, Кристоф, - он кружит её. – Вы хорошо танцуете.

Его рука скользнула по её спине, и она напряглась, когда он был слишком близко к руке и мог почувствовать следы предыдущего отравления на коже.

- Это удивительно, - промолвила она. – Учитывая тяжесть мантии. Кажется, ремни собираются пустить кровь.

- Ну, не стоит допускать. Говорят, что у самых сильных отравительниц и кровь ядовита. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то украл тебя, воспользовавшись этим, эти стервятники...

Яд в крови. Как они бы разочаровались, если б попробовали её...

- Стервятники? – проронила она. – Тут столько твоей семьи...

- Именно.

Катарина рассмеялась и остановилась только тогда, когда оказалась слишком близко к Тёмному Путешественнику. Пьетр был высок, выше почти на голову. Она легко могла танцевать и следить за скорпионом.

- У вас прекрасный смех, - сказал Пьетр. – Так странно. Я ждал от вас нервозности.

- Я нервничаю. Чернота...

- Не из-за Черноты. Год. Фестиваль Костров. Самое начало...

- Начало всего, - кивнула она.

Натали много раз говорила принять вещи такими, как они есть. Не перегружаться. Это прежде было просто. Но у Натали всегда всё просто.

- Я буду смотреть правде в глаза, как должна, - сказала Катарина, и Пьетр рассмеялся.

- Так много страха в голосе. Надеюсь, будет больше энтузиазма при виде ваших женихов...

- Это не имеет значения. Какого бы короля-консорта я б не выбрала, он будет любить королеву.

- А до этого? – спросил он. – Я думаю, все хотят, чтобы любили его, а не его положение.

Она собиралась заявить, что Королева – это не положение.

Не каждый может быть Королевой. Только она или одна из сестёр, как сказала Богиня. Только они приведут следующее поколение тройняшек. Но она понимала, что имел в виду Пьетр.

- И разве не достаточно, чтобы все любили тебя, - сказал он, - вместо одного?

- Пьетр Ренард, должно быть, вы приехали издалека и не слышали шёпот. Все на острове знают, к кому благосклонны женихи. Моя сестра Мирабелла прекрасна, как звёзды. Никто и в половину обо мне такого не говорил.

- Но, может быть, это лишь лесть. И говорят, Мирабелла ещё и безумна. Склонна к приступам. Она фанатик и раб храма.

- И достаточно сильна, чтобы всех остановить.

Он закатил глаза, и Катарина улыбнулась. Она не остановит Грэйвисдрэйк. Никто не является столь сильным, чтобы разорвать его. Натали не допустит.

- А как же сестра Арсиноя, природная? – спросил Пьетр, и они рассмеялись. Никто не говорил об Арсиное.

Пьетр вновь закружил Катарину. Они долго танцевали, и люди видели это.

Песня заканчивалась. Третья или четвёртая? Пьетр

остановил танец и поцеловал кончики пальцев сквозь перчатки королевы.

- Надеюсь вновь увидеть вас, королева Катарина, - сказал он.

Катарина кивнула. Она не заметила, как все остановились, пока он не исчез, и болтовня вернулась, отражаясь от южных зеркал и повторяясь, пока не достигнет резных плит.

Натали бросалась в глаза в центре черноты платьев. Она должна с кем-то танцевать. Но длинные, чёрные одеяния уже привлекли слуг, как муравьёв, и те ставили подносы для пира. Чернота. Иногда – "чёрное пресыщение". Это ритуальный праздник яда, для отравительниц почти такой же важный, как и высокий фестиваль. Слаб дар или силен, Катарина должна это сделать. Должна выпить яд до последнего глотка, пока её не доведут благополучно до её комнат. Ни один из приезжих отравителей не имеет права увидеть того, что будет после. Пот, судороги, кровь.

Когда виолончели заиграют, она почти сбежит. Слишком рано. У неё должно быть больше времени.

Каждый отравитель важен. Каждый Аррон от Чёрного Совета – Лукиана и Женестьева, Аллегра и Антонин. Натали. Она не может разочаровать Натали.

Гости подошли к накрытому столу. Толпа прижималась волной черноты, толкая её вперёд.

Натали поручила слугам снять серебряные заслонки.

Груды сверкающих ягод. Куры в соусе из болиголова. Цукаты из скорпионов и сладкий сок из олеандра. Пикантная тушёная

птица с красным и чёрным горохом. Во рту Катарины пересохло. И змея на запястье, и платье сжимали одинаково.

- Вы голодны, королева Катарина? – спросила Натали.

Катарина скользнула пальцем по тёплой чешуе Возлюбленной. Она знала, что должна сказать. Есть один чёткий сценарий.

- Я голодна.

- Пусть смерть других питает вас, - продолжила Натали, - а Богиня угощает. Вы довольны?

Катарина сглотнула.

- Это кажется неплохим.

Традиция предписывает вид Натали. Она выглядит неестественно, словно превращается в глину.

Катарина кладёт руки на стол. Остальной праздник – развитие, длительность и скорость. Она может сидеть или стоять, как хочет. Не нужно есть всё, но чем больше, тем лучше. Натали посоветовала игнорировать столовые приборы и пользоваться руками. Чтобы сок стекал по подбородку. Если бы она была сильна так в отравках, как Мирабелла в стихиях, то поглотила бы всё...

Еда пахла вкусно, но желудок больше не введёт Катарину в заблуждение. Он предвкушает боль.

- Курица, - проронила она. Слуга ставит её перед нею. В комнате душно, столько ожидания... Они будут запихивать ей это в рот, если понадобится.

Катарина расправляет плечи. Семь из девяти членов совета близко. Пять Арронов, как и Лукиан Марлоу, и Паола Венд. Два оставшихся члена отправлены на праздновании сестёр.

Только три жрицы исполняют обязанности, но Натали говорит, что жрицы не имеют значения. Верховная жрица Лука всегда предана Мирабелле, храм отказался от нейтралитета в её пользу, чтобы Мирабелла отобрала власть у Чёрного Совета.

Но Чёрный Совет на острове, и жрицы лишь реликвии и няньки.

Катарина взяла слёзно-белое мясо из верхней части груди, самое далёкое от токсичной начинки. Протолкнула сквозь зубы и жевала. На мгновение стало страшно, что она не проглотит, но вышло, и толпа расслабилась.

После она просит засахаренных скорпионов. Они легки. Такие себе игристые конфетки, погребённые в золотистом сахаре. Весь яд в хвосте. Катарина ест четыре штучки пинцетом, а после призывает тушёную оленину с горохом. Она должна отложить рагу до последнего. Яд обойти не удастся. Яд от гороха всюду, в каждом кусочке мяса и капле соуса.

Сердце Катарины колотится. Где-то в зале Женевьева проклиная её, беспробудную дуру. Но ничего не поделать. Она должна съесть это и даже облизать пальцы. Она отпивает

испорченный сок, после очищает вкус холодной, прозрачной водой. Голова начинает болеть, зор меняется, зрачки расширяются.

Совсем мало времени до того, как станет плохо. До того, как она заболит. Она чувствует тяжесть взглядов. Вес ожиданий. Они требуют окончания. Их желание почти слышно. Дикие грибы совсем рядом, и она поедает их быстро. Пульс уже неровен, но она не уверена, виноват яд или просто нервы. То, что она ест быстро, создаёт хорошее впечатление, и Арроны аплодируют. Они приветствуют её. Это выглядит небрежно, и она глотает больше грибов, чем намерена. Последние куски кажутся ей знакомыми, но это не они. Те слишком опасны. Живот скручивает. Токсин вступает в действие.

- Ягоды.

Она запихивает их за обе щеки, тянется за вином. Большая часть течёт по шее и скапывает на платье, но это неважно. Чернота закончена. Она кладёт две руки на стол.

Отравители ревут.

- Это лишь предвкушение, - заявила Натали. – Чернота для королевы будет чем-то вроде легенды...

- Натали, мне нужно уйти, - говорит она и хватается за рукав Натали.

Толпа утихла. Натали свободно выпрямилась.

- Что? – переспросила она.

Её желудок сжимается. Это происходит так быстро, что нет времени отвернуться. Она сгибается пополам и вырывает съеденное на скатерть.

- Всё в порядке, - она борется с тошнотой. – Я просто приболела...

Живот вновь ворчит. Громче звучат звуки отвращения.

Шелестят платья отравителей при отступлении.

Катарина увидела хмурые выражения, покрасневшие глаза и следы слёз. Её отражение нашло место в каждом зоре.

- Пожалуйста, - Катарина ахнула от боли, - кто-нибудь, проводите меня в мои комнаты.

Никто не подошёл. Колени ударились о мраморный пол.

Это не лёгкий яд. Она мокра от пота, на щеках лопнули кровеносные сосуды.

- Натали, - прошептала она, - прости.

Натали ничего не сказала. Катарина может видеть только как сжимается её кулаки, движение рук, когда она молча и яростно прогоняет гостей из банкетного зала. Вокруг все спешат уйти, оказаться так далеко от Катарины, как только можно. Ей вновь становится плохо, и она скрывается под скатертью.

Бальный зал пустеет. Слуги начинают очищать столы, а судороги ещё пробивают её маленькое тело.

Она в опале, и никто не шевельнётся даже, чтобы помочь ей.

Волчья зима

Камдэн караулит мышей на снегу. По центру поляны оказалась коричневая мышка, и, независимо от того, как она быстра, огромные лапы Камдэн едва касаются земли, даже когда снега хватает до колена.

Джулс весело наблюдает за развлечением. Мышка ужасается, но она решительна. Камдэн нависает над нею, такая возбуждённая, словно это олень или огромный кусок баранины, который сразу в рот не запихнёшь. Камдэн – горная кошка, в свои три года она уже полностью выросла. Она далека от того детёныша, что провожал Джулс домой из леса, такого маленького, что в пятнах больше пуха, чем шерсти. Теперь она гладкая и медово-золотая, единственные чёрные пятнышка украшают уши, пальцы и кончик хвоста.

Снег вырывается из-под лап, когда она бросается на мышь и бьёт лапой. Несмотря на то, что видел это, Джулс не знает, пощадят мышку или съедят. Она надеется, что ту съедят, и всё это скоро закончится. Но для бедной мышки ещё стоит много побегать, прежде чем она доберётся до норки, и погоня начинает походить на пытку.

- Джулс, это не работает.

Королева Арсиноя стоит в центре поляны, одетая во всё чёрное, словно карточка Роршаха на снегу. Она пытается распустить розу из бутона, но в ладонях побег остаётся зелёным и плотно закрытым.

- Молись, - промолвила Джулс.

Они уже много лет это говорили, и Джулс прекрасно знала,

что будет дальше.

Арсиноя протянула руку.

- Почему бы тебе не помочь?

Для Джулс бутон розы выглядит полным возможностей. Она чувствует запах каждой капельки духов, спрятанных внутри. Даже оттенок красного...

Эта задача должна быть лёгкой для каждого из Природы. Особенно для королевы. Арсиноя должна распускать целые кусты, заставляя созревать огромные поля. Но её дар не приходил. Из-за этой слабости никто не верил, что Арсиноя переживёт год Вознесения. Но Джулс не сдастся. Нет, даже если сегодня шестнадцатилетие королев, и тень Вознесения падет на них через четыре месяца.

Арсиноя шевельнула пальцами, и бутон покачнулся из стороны в сторону.

- Просто маленький толчок, - промолвила она. – Чтобы заставить меня начать...

Джулс вздохнула. Был соблазн отказаться. Она обязана отказаться! Но цветок отцветёт, так или иначе, ведь он мёртв, отрезан от своего корня. Она не может позволить ему засохнуть и сморщиться ещё зелёным.

- Ладно, - промолвила она. – Присоединяйся ко мне.

- Угу, - закивала Арсиноя.

Это не требует много времени, лишь мысль. Шепоток.

Бутон раскрывается, словно фасоль в горячем масле, и прекрасная красная роза раскручивается в руках Арсинои.

Яркая, как кровь, пахнувшая летом.

- Готово, - заявила Арсиноя и положила розу в снег. – Не так уж плохо. Мне кажется, я сотворила большинство этих лепестков в центре.

- Давай ещё раз, - Джулс была практически уверена, что сделала это сама. Может быть, им стоит попробовать что-то другое. Она слышала скворцов по пути от дома. Они могли призвать их, пока те не заполонят голые ветки вокруг поляны.

Тысячи, пока ни одного скворца больше не останется нигде в Волчьей весне, а деревья закипят чёрными крапинками их тел. Снежный ком Арсинои ударил Камдэн по лицу, но Джулс

тоже это почувствовала – удивление и проблеск раздражения, когда кошка стряхивала хлопья их меха. Второй комок попал Джулс по плечу, достаточно высоко ударив, чтобы коснуться шеи под пальто, и Арсиноя рассмеялась.

- Да ты ребёнок! – сердито вскричала Джулс, и Камдэн зарычала и прыгнула.

Арсиноя едва увернулась от атаки. Она закрыла лицо, а когти пумы скользнули по спине.

- Арсиноя!

Камдэн, пристыдившись, ускользнула. Но это не её вина.

Она чувствует себя, как и Джулс. Она просто повторяет то, что желает совершить та.

Джулс устремила к королеве и быстро осмотрела её.

Крови не было. Когти не впились в пальто Арсинои.

- Прости!

- Всё в порядке, Джулс, - Арсиноя успокаивающе положила руку на предплечье Джулс, но её пальцы дрожали. – Ничего такого. Сколько раз мы детьми сталкивали друг друга с деревьев?

- Это не одно и то же. То были игры, - Джулс с сожалением покосилась на пуму. – Кэм больше не детёныш. Её когти и зубы быстры и остры. Я должна быть осторожнее с этого момента.

Обещаю, - её глаза расширились. – Это кровь на ухе?

Арсиноя сняла свою чёрную шапку и одёрнула короткие, лохматые чёрные волосы.

- Нет. Видишь? Она не была близко. Я знаю, что ты никогда не навредишь мне, Джулс. Никто.

Она взяла её за руку, и Кэм скользнула рядом. Глубокое урчание казалось извинением со стороны пумы

- Я правда не хотела, - промолвила Джулс.

- Я знаю. Мы все напряжены. Не думай об этом, - Арсиноя вновь натянула чёрную шапку на уши. – И не говори бабушке Каит, ей есть о чём беспокоиться.

Джулс кивнула. Ей не нужно говорить бабушке Каит, чтобы знать, что она скажет. Или представить себе разочарование и беспокойство на её лице.

После полянки Джулс и Арсиноя прошли мимо доков через площадь, в сторону зимнего рынка. Когда они проходили бухту,

Дэулс подняла руку к Милнеру, что стоял на задней части своей лодки, чтобы тот вернулся. Он приветственно кивнул и продемонстрировал большую коричневую рыбёшку. Его знакомая чайка гордо махала крыльями, хотя девушка сомневалась в том, что это птица поймала рыбу.

- Надеюсь, я не получу вот это, - Арсиноя кивнула на чайку. Утром она призывала к её знакомым. Как и каждое утро после того, как ушла ребёнком из Чёрного Замка. Но ничего не вышло.

Они всё ещё шли через площадь, Арсиноя ступала ногами по лужам, а Камдэн скользила сзади, недовольно оставляя лес и идя в каменный город. Зима уродовала Волчью Весну. Месяцы морозов и оттепелей покрывали булыжники порохом. Туман охватывал окна, снег становился коричневым под ногами. Облака тяжело висели над головой, город, казалось, был виден сквозь грязное стекло.

- Берегись, - пробормотала Джулс, когда они проходили мимо бакалеи Мартинсонов. Она кивнула в сторону пустых фруктовых ящиков, за которыми таилась тройка беспокойных детишек. Среди них и Полли Николс в старой твидовой шапке отца, и две незнакомых мальчишки. Но Джулс знала, что они задумали.

У каждого в руке был камень.

Камдэн перешла на сторону Джулс и громко зарычала.

Дети услышали. Они посмотрели на Джулс и пригнулись. Двое

мальчиков присели, но Полли Николс немного сузила глаза.

Казалось, веснушки на её лице появлялись после каждого проступка, и даже её мать знала об этом.

- Не бросай, Полли, - сказала Арсиноя, но это только ухудшило положение. Маленькие губки Полли сжались так плотно, что почти пропали. Она выпрыгнула из-за ящиков и бросила тяжёлый камень. Арсиноя вскинула ладонь, но камень пролетел мимо и ударил её в голову.

- Ай!

Арсиноя прижала руку к месту удара. Джулс стиснула кулаки и позволила Камдэн зарычать, когда дети утянули Полли Николс на блусчатку.

- Я в порядке, позови её, - промолвила Арсиноя, пытаюсь

унять кровь, что сбегала по подбородку. – Маленькие бестии...

- Бестии! Да это исчадия! – прошипела Джулс. – Их надо выбить! Пусть Кэм раздерёт эту шляпу, по крайней мере!

Арсиноя рассмеялась.

- Позови её, - сказала она, и Камдэн остановилась на углу улицы, шипя в спину убегающей Полли.

- Джулианна Милон!

Джулс и Арсиноя обернулись. Это был Лука, владелец книжного магазина Киллеспи, в новой коричневой куртке, с жёлтыми волосами, зачёсанными назад, с красивым лицом.

- Маленький ростом, но большой смелости, - засмеялся он.

– Прошу на чай.

Когда они вошли в магазин, Джулс поднялась на цыпочки, чтобы унять медный колокольчик над дверью. Она следила за Лукой и Арсиной, что шли мимо высоких сине-зелёных книжных полок вверх по лестнице на площадку, где на столе было множество бутербродов, поднос с жёлтыми ломтиками пирога.

- Садитесь, - Лука отправился на кухню за чайником.

- Как ты узнал, что мы придём? – спросила Арсиноя.

- У меня хороший обзор... Будьте осторожны, Хэнк линяет.

Хэнк был красивым чёрно-зелёным петухом. Арсиноя сдула перо со стола и потянулась к тарелке с кексами. Она взяла один и всмотрелась в него.

- А это чёрные коготки? – спросила Джулс.

- Ага, - кивнула Арсиноя. Кексы помогали взрастить Хэнку новые перья. – Птицы... - она положила булку на место.

- Ты раньше хотела ворону, как Ева, - напомнила ей Джулс.

Ева была фамелиаром бабушки Джулс Каит, красивым чёрным вороном. Мама Джулс тоже имела ворону по имени Арья. Это была птица хрупче, чем Ева, и более сварливая, как и сама Мадригал. Долгое время Джулс была уверена, что и у неё будет ворона. Она часто наблюдала за гнёздами, ожидая, как птенец свалится в раскрытые руки. А тайно она мечтала о собаке, как белый сеттер дедушки Эллиса Дейк. Или как у тёти Сэрэф, шоколадная гончая. Теперь, конечно, она ни на что не променяет Камдэн.

- Мне кажется, я бы хотела зайца, - промолвила Арсиноя. –

Или умного чёрного енота, что может украсть из Мэдж жареных моллюсков.

- У тебя будет что-то куда более великое, чем кролик или енот. Ты королева, - промолвил Лука.

Они с Арсиной покосились на Камдэн, такую высокую, что её голова и плечи были видны над столешницей. Королева или нет, не бывает ничего величественнее горной кошки.

- Может, волк, как у королевы Бернадины, - протянул Лука, наливая чай Джулс и добавляя сливки и четыре кусочка сахара. Детский чай, как она любит, но не может пить дома.

- Ещё один волк в Волчьей Весне, - Арсиноя набила полный рот пирогом. – Я бы хотела... Один из жуков в кексе Хэнка.

- Не будь пессимисткой, у моего отца не было ничего до двадцати.

- Лука, - Арсиноя рассмеялась, - бездарные королевы не доживают до двадцати.

Она потянулась через стол за бутербродом.

- Может быть, потому ко мне никто и не пришёл, - сказала она. – Фамилиар знает, что я умру раньше, чем через год. Ай! Кровь капала на тарелку, из-за брошенного Полли камня всё ещё прячась в волосах. Ещё одна капля упала на скатерть Луки. Хэнк наклонился над нею.

- Я всё уберу, - промолвила Арсиноя. – Мне так жаль, Лука, я...

- Не вздумай даже, - Лука провёл её в ванную. Он положил подбородок на руки и выражал сожаление. – Её коронуют в Белтейне следующей весной, Джулс. Просто жди и смотри. Джулс смотрела в свой чай, полный крема, почти белый.

- Мы должны пройти через это первыми, - промолвила она. Лука только улыбался. Он был так уверен! Но три поколения куда более сильные королевы Природы, чем Арсиноя, умирали. Арроны сильны. Яд всегда побеждает. И даже если это не случится, ещё есть Миррабелла, которую надо победить. Каждое судно, что прибывает на северо-восток от острова, рассказывает о бурях, что осаждают город Роланс, где поселились элементали.

- Только надейся, знаешь... - промолвила Джулс. – Как и я. Ты не хочешь смерти Арсиной, ты её любишь.

- Конечно, люблю, - кивнул Лука, - но думаю ещё, что она избранная королева.

- С чего ты взял?

- Я просто знаю. Иначе зачем Богиня сделала такого сильного из Природы, как ты, для её защиты?

Празднование дня рождения Арсиной проводилось на городской площади под большими чёрно-белыми палатками. Ежегодно там грелась еда и было слишком много тепла, пока

створки не раскрывались, впуская зимний воздух. Каждый год большинство присутствующих пьянело до захода солнца. Пока Арсиноя проделывала свой путь, Джулс и Камдэн внимательно смотрели. Все веселились, но это имело мало значения.

- Это была долгая зима, - услышала Джулс чьи-то слова. – Но мягкая до безумия. Удивительно, столько рыбаков выжило, добрались по ту сторону...

Джулс следила за Арсиной, а не за разговором. Со столькими людьми надо повидаться, прежде чем можно будет приняться за еду!

- Это прекрасно, - промолвила Арсиноя, наклоняясь над вазой с высокими полевыми цветами. Там было множество гвоздик и пурпурной прекрасной крапивы, а ещё какой-то прелестной травы. Так прекрасно, как и свадебный торт, что рано расцвело стараниями людей Природы. Каждая семья принесла что-то своё, а многие – даже по несколько, дабы украсить столы в зале.

- Наша Бетти сделала их в этом году, - проронил мужчина возле Арсиной. Он подмигнул через стол крохотной застенчивой девчужке лет восьми, одетой в большой трикотажный чёрный свитер и кожаную курточку с плетёным ожерельем.

- Вы Бетти? О, это лучшее в году, что я видела! – Арсиноя улыбнулась, и Бетти поблагодарила её, а кто-то отметил, что маленькая девочка может сделать такие прелестные цветы, когда королева неспособна распустить розу, но никто не позволил этому продолжиться.

Глаза Бетти загорелись при виде Камдэн, и огромная

кошка прошлась рядом туда и обратно. Отец девчонки наблюдал за нею и почтительно кивнул Джулс, когда они прошли мимо.

Милоны были самыми важными людьми Природы в Волчьей Зиме. Их поля были богаты, прекрасными фруктовые сады. В лесах полно дичи. А теперь у них есть Джулс, самая сильная посланница Природы за последние шестьдесят лет, как говорили они. Именно потому их выбрали для того, чтобы следить за королевой Природы, и они должны были принять на себя все обязанности, в том числе посещение членов совета. Что-то пошло не так.

Внутри главной палатки были бабушка и дедушка Джулс, что сидели по обе стороны от почётного гостя Ренату Харгрув, члена Чёрного Совета, что проделал долгий путь из столицы Индрид-даун. Мадригал, пожалуй, должна быть там, но её место пустовало. Исчезла, как обычно. Бедные Каит и Эллис. Застрявшие в креслах... Щёки дедушки Эллиса потом будут болеть от фальшивых улыбок. На его коленях скрутился маленький спаниель, Джейк, и он тоже улыбался, но не так уж дружелюбно, и это походило на оскал.

- Они послали только одного представителя в этом году, - пробормотала себе под нос Арсиноя. – Одного из девяти. И подарок один, да... Как думаешь, что совет хочет сказать? Она хихикнула, а после потянула жареного в масле краба в рот. Арсиноя скрывала всё за дружелюбной улыбкой. Она покосилась на Ренату, и та склонила голову. Не так уж и много для подтверждения. Всего лишь чуть-чуть склониться, и Джулс поднялась.

- Каждый знает, что её место в совете куплено за подарки её семьи, - прорычала она. – Она бы слизывала яд из туфель Натали Аррон, если б та попросила.

Джулс бросила взгляд на жриц замка Волчьей Весны, что оказались тут. Отправить одного члена совета оскорбительно, но это всё же лучше подачки от Храма. Верховная жрица вновь не пришла на её день рождения. Она отправлялась к Катарине в

первые годы. А теперь это только Мирабелла, Мирабелла, Мирабелла...

- Эти жрицы не должны показывать свои лица, - проворчала Джулс. – Храм не имеет права принимать какую-то одну из сторон.

- Успокойся, Джулс, - промолвила Арсиноя, погладила её руку и попыталась сменить тему. – Морской улов сегодня просто впечатляет.

Джулс бросила взгляд на рыбный стол, наполненный всевозможными сортами рыбы и крабов. Её улов оказался по центру – огромная чёрная треска в сопровождении таких же двух больших серебряных рыбёшек. Она вызывала их из глубин рано утром, перед тем, как проснулась Арсиноя. Теперь они лежали на горах картофеля, лука и бледной зимней капусты. И большинство кусочков уже успели съесть.

- Ты не должна ничего откладывать, - предупредила Джулс. – Это неуважение.

- Неуважение? – с фырканьем переспросила Арсиноя. – Ну нет, - она потянулась за вторым крабом. – Ты знаешь, скоро год Вознесения, и мне так хочется акулу по центру...

- Акулу?

- Большую и белую. Это дорого, но речь о моей коронации, Джулс.

Джулс рассмеялась.

- Когда ты пройдёшь вознесение, ты сможешь притянуть свою большую и белую, - сказала она.

Она усмехнулась. Арсиноя очень резко выглядела как королева. Её волосы были грубы, и их ничто не могло удержать. Чёрные брюки были теми же, что она носила каждый день, и тот же чёрный пиджак. Только часть нарядов казались новыми – шарф, что Мадригал нашла у Пирсона, из прекрасной шерсти вислоухих кроликов. Но это к лучшему. Волчья Весна – не место для нарядов. Тут есть рыбаки и фермеры, народ на причале, и

никто не надевает разнообразные оттенки чёрного, только на Костры.

Арсиноя изучала гобелен за главным столом и хмурилась.

Как правило, он висел в ратуше, но его каждый раз притаскивали на её день рождения. Там изображалась коронация последней великой королевы Природы. Бернадина, что украшала фруктовые сады огромными фруктами, проходя

мимо, и у неё был огромный серый волк. Бернадина была вышита под деревом, сгибающимся от яблок, и волк стоял рядом. В пасти его была рука одной из сестёр, чьё тело лежало у ног Бернадины.

- Ненавижу это, - выдохнула Арсиноя.ш

- Почему?

- Это напоминает мне о том, что я не такая.

Джулс бросила через плечо взгляд на королеву.

- Там, в десертной палатке, есть тыквенный пирог. И белый торт с клубникой... Давай найдём Луку и отправимся туда.

- Прекрасно.

По пути Арсиноя останавливалась, чтобы поговорить с людьми и погладить их фамилиаров. Большинство были собаками и птицами, стандартными для людей Природы. У Томаса Минца, лучшего рыболова острова, был морской лев, что держал на носу яблоко для Арсинои.

- Вы уезжаете? – спросила Рената Харгрув.

Джулс

и

Арсиноя

удивлённо

посмотрели

на

удосужившуюся спуститься Ренату.

- Мы за сладостями, - сказала Арсиноя. – Может быть, вам что-нибудь принести?

Она неуверенно посмотрела на Джулс. Никто из Чёрного Совета не проявлял интереса к Арсиное, вопреки тому, что они должны были присутствовать на каждом дне рождения. Они ели, обменивались любезностями с Милонами и удалялись,

ворча из-за качества пищи и размеров комнат в Волвертон-Инн. А Рената словно радовалась встрече.

- Если вы уйдёте, то пропустите моё объявление, - Рената улыбнулась.

- Какое объявление? – спросила Джулс.

- Я собираюсь сообщить, что высылка Джозефа Сандрин окончена. Он освобождён и через два дня вернётся на остров.

Казалось, зазвенели цепи на скамье подсудимых.

Заскрипели заброшенные серые доски от ветра, рябь прошла по лунному порю, отражая тяжёлое дыхание Джулс.

Джозеф Сандрин возвращается домой.

- Джулс, подожди, - шаги Арсиной гремели, когда она следовала к Джулс, и Камдэн неохотно стелилась рядом. Кошка ненавидела воду, и изогнутые деревянные доски казались не самым надёжным барьером.

- Ты в порядке? – по привычке спросила Джулс.

- Это ты меня спрашиваешь? – Арсиноя завернула шею в тёплый шарф.

- Я не должна была тебя оставлять.

- Ты должна, - сказала Арсиноя. – Он возвращается. После всего этого...

- Думаешь, это правда?

- Лгать об этом в день моего рождения – это куда наглее, чем позволят даже Арроны.

Они смотрели на потемневшую воду через бухту мимо косы, что защищала их от волн и глубоких течений.

Прошло больше пяти лет с тех пор, как они пытались бежать с острова. Как Джозеф украл одну из лодок отца и попытался им помочь.

Джулс опёрлась о плечо Арсиной. Это был самый обнадеживающий жест их детства. Независимо от того, чего им

стоила эта попытка, Джулс не жалела. Она бы попробовала ещё раз, если б только был шанс.

Но его нет. Море шептало у дока, словно выступало против лодки, держал их в плену туман острова. Независимо от того, как они ставили паруса, как били вёслами по воде, ничего не случилось.

Их

нашли,

испуганных

и

замёрзших,

покачивающихся в гавани. Рыбаки сказали, что надо было готовиться лучше. Что Джулс и Джозеф могли потеряться в

море и найти материк. Но Арсиноя королева. А остров её не отпустил.

- Как думаешь, на кого он теперь похож? – спросила Арсиноя.

Скорее всего, нет мальчишки с грязной шеей и ногтями.

Он больше не ребёнок. Он вырос. Вот что они знали.

- Я боюсь его увидеть, - сказала Джулс.

- Ты ничего не боишься.

- Что, если он изменился?

- А если нет? – Арсиноя полезла в карман и попыталась бросить плоский камень, чтобы тот отбивался от воды, но было слишком много волн.

- Это хорошо, - кивнула она. – что он вернулся. Да, и в прошлом году... Я чувствовала, так должно быть.

- Как распорядилась Богиня? – спросила Джулс.

- Этого я не говорила.

Арсиноя смотрела вниз и улыбалась. Она почесала Камдэн за ухом.

- Пошли, - сказала Джулс. – От простуды легче не будет.

- Конечно, нет, если глаза покраснеют, а нос опухнет.

Джулс толкнула Арсиною вперёд, к пристани, по длинной извилистой дороге к дому Милонов.

Камдэн прыгала вперёд, ударилась спиной в колени

Арсинои. Ни Джулс, ни кошка сегодня не уснут. Благодаря

Ренате Харгроув каждое воспоминание о Джозефе мелькнёт в голове.

Когда они проходили последний док, Камдэн замерла, уши повернулись в сторону города. Арсиноя в нескольких шагах жаловалась, что не попробовала клубничный торт. Она не слышала, Джулс тоже, но Камдэн показывала, что что-то не так.

- Что такое? – Арсиноя зевнула.

- Не знаю. Думаю, драка.

- Кто-то напился после моего дня рождения, уверена.

Они повернули к площади. Чем ближе они подходили, тем быстрее двигалась кошка. Они миновали книжный магазин Гиллесли, и Джулс приказала Арсиное постучать и зайти.

- Но ты... - начала Арсиноя, но Джулс и Кэм уже ушли, побежали вниз по улице, мимо пустой палатки к алее позади

кухни.

Джулс не узнала голоса. Но узнала звук кулаков, когда те начали драться.

- Стойте! – она впрыгнула в середину схватки. – Остановитесь!

Люди отскакивали от Камдэн. Двое мужчин и женщина.

Причина не имела смысла. Она потеряет значение утром, когда пройдёт эль.

- Милон... - протянул мужчина. – Какая милая пума. Но ты не закон.

- Верно, - кивнула Джулс. – Чёрный совет – закон, и если вы продолжите, я вас сдам. Пусть отравляют вас до смерти, или убьют в Индрид-даун.

- Джулс... - Арсиноя вышла из тени. – Всё в порядке.

- Да, - кивнула Джулс. – Просто драка.

Драка, одно ранение – небольшой синяк у выпившей.

- Почему б тебе не позаботиться о королеве? – протянула она. – Иди отсюда.

Женина поднялась. Джулс отскочила назад, но всё ещё болезненно скривилась от удара в плечо. Камдэн зашипела, и Джулс сжала кулаки.

- Идиотка! – закричала Арсиноя. Она встала между Джулс и женщиной. – Ну, толкни меня!

- Тебя? – пьяно рассмеялся мужчина. – Когда придёт настоящая королева, она насадит твою голову на пику!

Джулс оцетинилась и рванулась вперёд. Она ударила его в челюсть прежде, чем Арсиноя схватила её за руку.

- Отправь его в Индрид-даун! – закричала Джулс. – Он угрожал тебе!

- Да пусть, - отмахнулась Арсиноя. Она повернулась и толкнула человека, что держался за кровоточившую челюсть. Камдэн зашипела, и остальные отступили. – Убирайся отсюда! – закричала она. – Если хочешь мою месть – получишь. Как только Костры подойдут к концу!

Роланс

Паломники собрались под куполом северного храма

Роланса, и их губы были липкими от карамельного пирога или

сладкого цыплёнка с лимоном, а на плечах наброшены развевающиеся чёрные плащи.

Королева Мирабелла стояла у алтаря богини. Потела, но не от жары. Элементали не боялись температуру, и внутри никто не жаловался на тепло. Храм Роланса, храм королевы элементарей, открытый с востока и запада, с крышей, что поддерживались балками и мраморными колоннами... Тут гулял воздух вне зависимости от времени года, и кроме жриц, никто не дрожал.

Мирабелла наполняла воздух молниями. Великолепные яркие вспышки трещали в небе и обрушивались со всех сторон. Длинные удары, освещающие мир, будто днём. Она чувствовала себя хорошо. Молнии она любила. Молнии и бури, электричество пронизывало кровь, она вибрировала – от крови до костей.

Но по взглядам народа можно было подумать, что она ничего не сделала. В оранжевом свете свечей виднелось ожидание в их широко раскрытых глазах. И они всё увидят. Огонь, ветер, воду. Она будет сотрясать землю, пока не рухнет храм. Может быть, они хотят, чтобы она сбросила всю чёрную скалу и швырнула её в море, и храм поплывёт в бухту... Мирабелла фыркнула. Когда-нибудь, возможно, но сейчас столько надо сделать...

Она призвала ветер. Он погасил половину факелов, послал оранжевые искры из углей жаровни. Крик восторга заполнил уши, толпа радостно кричала.

Она даже не ждала, пока отступит ветер, прежде чем подняла пламя на последнем факеле так высоко, чтобы опалить фреску с королевой Эло, огненной, что стояла на

позолоченной барже, сжигала атакующий флот кораблей с материка.

И у них будет больше. Собравшись вместе, они стали легкомысленны, словно дети. Так ожидали. Больше, чем она когда-либо видела, набились в храм и давили на дворец снаружи. Верховная жрица Лука сказала ей до начала церемонии, что дорога в храм пылала от свеч сторонников. Не все элементали. Её дар вдохновил многих, и природных, и воителей. Многие вообще были без дара. Они

пришли увидеть, правдивы ли слухи, что Мирабелла – следующая королева Фенбёрна, что долгое правление отравителей подошло к концу.

Руки Мирабеллы дрожали. Она так долго не держала дар... Может, с тех пор, как она впервые пришла в Роланс и Западные Леса, когда отделилась от сестёр в шесть лет и попыталась сбить молнией и ветром Вествуд-хаус. Она смотрела на море справа, освещённое плавающими свечами...

Нет, не вода. С водой ей туго. Труднее всего. Она должна сделать самое лучшее. Она и сделала бы, если от волнения не тряслась бы.

Мирабелла посмотрела на толпу за спиной, где напротив южной стены ютилась жрица Лука в своих тёплых одеждах. Мирабелла кивнула ей, и Верховная Жрица поняла, её ясный взгляд прорезал пустоту.

- Ещё один.

Толпа от этого возгласа только одобрительно загудела.

Ещё. Ещё один элемент, и всё.

Мирабелла спустилась вниз, молча благодаря Богиню за дар. Но это только учение храма. Мирабелле не нужны молитвы. Её элементарии крутились в груди. Она вздохнула и выпустила их. Ударная волна прошла под ногами. Храм загремел. Где-то упала ваза, рассыпалась вдребезги. Люди снаружи почувствовали вибрацию и духоту.

Внутри храма люди заревели.

Она рисовала кровью сестёр серебряными ножницами.

Просто отрезать волосы, а не уши.

- Это детский стишок, сестра? – спросили её. – Сказка?

- Я слышала раньше, - Мирабелла смотрела на малиновое пятно. Она опустила ухо на колени сестры и пробежалась пальцем по острым краям ножниц.

- Не порежься. Наша царственная кожа хрупка. И мои птицы хотят тебя целиком. Глаза и уши прилагаются. Не пей. Она превратила наше вино в кровь.

- Кто? – спросила Мирабелла, хотя знала.

- Вино и кровь, и назад, наши жилы как чаши...

Где-то через башню слышался голос маленькой девочки,

что пела, поднимаясь по лестнице, и удавка затягивалась.

- Она не моя сестра.

Её сестра пожала плечами. Кровь текла водопадом из раны на её голове.

- Она и я. Мы.

Ножницы открывались и закрывались. Второе ухо упало на колени её сестры.

Мирабелла проснулась утром с привкусом крови на губах.

Это лишь сон, но как он ярок... Она почти ожидала, что посмотрит вниз и увидит части своей сестры в кулаках.

Ухо Арсиной так тихо падало на колени... но это ведь не настоящая Арсиноя. Столько лет прошло, и Мирабелла даже не знала, как Арсиноя выглядит. Люди говорили, что Арсиноя некрасива, с короткими соломенными волосами и простым лицом. Но Мирабелла не верила. Они думают, что вот это она жаждет услышать.

- Ты проснулась.

Мирабелла повернулась к открытой двери и слабо улыбнулась миниатюрной жрице, что ступила в комнату. Так хрупка и молода. Чёрные браслеты на запястьях – всё ещё браслеты, а не татуировки.

- Да, - кивнула Мирабелла. – Уже.

Девушка прошла внутрь, чтобы дать платье, а лицо до второй инициации скрывалось в темноте.

- Хорошо спалось?

- Очень, - Мирабелла лгала. Сны ухудшились в последнее время. Лука говорила, стоит того ожидать. Это путь королевы, после смерти сестёр станет явью.

Мирабелла лежала неподвижно, пока жрица расплетала волосы, доставала платье. Потом она шагнула в тень. Они всегда такие, жрицы. Даже в Вествуд-хаус. С тех пор, как Верховная Жрица увидела силу её дара, она под охраной храма. Иногда так хочется, чтобы они пропали...

Она прошла мимо дяди Майлза в коридоре, что шагал на кухню, положив холодный компресс на лоб.

- Вино? – спросила она.

- Всё, - он неумело улыбнулся, прежде чем продолжить путь.

- Где Сара?

- В гостиной, - ответил он через плечо. – Она не выходила оттуда с самого завтрака.

Сара Вествуд. Её приёмная мать. Набожная женщина, столь склонная к беспокойству...

Она хорошо заботилась о Мирабелле, а ещё одарена в стихии воды. Когда Мирабелла спускалась к чаю, стоны Сары достигали лестницы – вероятно, она валялась на диване. Это всё имеет свою цену.

Но ночь была успешной. Так сказала Лука. Все жрицы. Люди Фенбёрна будут говорить об этом много лет. Они говорят, что так становятся королевами.

Мирабелла забралась с ногами в бархатное зелёное кресло. Всё уходило. Дар казался резиной в животе, шаткий и трудный... но он вернётся.

- Это было чудно, моя королева.

Бри прислонилась к двери, а после лениво скользнула внутрь. Она плюхнулась рядом с Мирабеллой на диван.

Блестящие каштаново-золотые волосы были не в косе, и пусть она выглядела чуть истощённой, это лучшее, что можно ждать.

- Ненавижу, когда ты меня зовёшь так, - Мирабелла улыбнулась. – Где была?

- Фенн Векстон показывал мне конюшни своей матушки.

- Фенн Векстон... - фыркнула Мирабелла. – Он глупо смеётся.

- Но ты видела его руки? – спросила Бри. – И он не смеялся прошлой ночью. Там были Тильда и Аннабет... Мы взяли кувшин с медовым вином, отнесли его на сарай крыши под звёздами. Он почти упал от этого...

Мирабелла смотрела в потолок.

- Возможно, мы могли б принести тебе, - сказала Бри, и Мирабелла рассмеялась. – И украсть тебя.

- Бри, они привязывают ко мне колокола. Маленькие колокольчики, как кошке. Думали, что я улизну.

- Это не так, ведь ты прежде не пропадала, - сказала Бри и усмехнулась.

- Это неважно! – запротестовала Мирабелла. – Я всегда была послушна, когда это казалось важным. Но они хотят

знать, где я, постоянно. Что делаю. Что думают.

- Теперь будет ещё хуже, - ответила Бри. – Ведь эти охранницы-жрицы... - она перевернулась на живот. – Мира, ты когда-то была свободна?

Мирабелла смотрела на неё с косой улыбкой.

- Всё не так плохо, - ответила она. – Теперь тебе надо переодеться. Есть платье на вторую половину дня.

Плохая ступенька на лестнице скрипнула шесть раз, а потом шесть высоких жриц прошли в комнату. Бри недовольно скривилась и томно улыбнулась.

- Моя королева, - промолвила ближайшая девушка, - верховная жрица Лука хочет вас видеть.

- Хорошо, - Мирабелла встала. Она думала, что это будет менее приятное поручение, но Луку посещать приятно.

- Будьте уверены, она должна вернуться ко второй половине дня, - сказала Бри, и её пальцы лениво щёлкнули.

Мирабелла сомневалась, что сегодня ещё увидит Бри. Бал или нет, её ничто не удержит. Бри делает то, что хочет, и как любимая единственная дочь Сары Вествуд, она не была остановлена никем. Было бы легко ненавидеть Бри за её свободу, если б Мирабелла не любила её так сильно.

Снаружи Мирабелла шла так же быстро, как и её тонкие хранительницы жрицы, что оказались так рядом. Большинство из них страдали от похмелья после вчерашнего, как и Сара, и прогулка делала их немного зеленоватыми.

Но это не жестоко. Вествуд-Хаус ведь рядом с храмом.

Когда Мирабелла была младше и могла улизнуть от стражниц, она иногда навещала Луку одна или бегала по территории храма у тёмных бальзатовых скал. Она была там одна. Никому не говорила. Она могла сутулиться, бросать камни в деревья.

Могла быть дикой, как королева Стихии.

А теперь она в окружении белых одежд. Она могла видеть город только мельком и через плечо. Роланс, город элементарей, камень и вода, что стекала по вечнозелёным холмам. Каналы проходили между зданиями, как артерии, что переправляли людей и грузы внутрь страны через море и замки. С этой высоты почти все здания были горды и белы. Каналы почти синие. Она могла легко представить себе, как

светился город, когда был богат и укреплен. До тех пор, как отравители заняли трон, и Совет отказался уходить.

- Это прекрасный день, - Мирабелла нарушила тишину.

- Благодаря Богине, - сказала одна из жриц.

Они больше не говорили. Мирабелла не знала никого из своего эскорта по имени. Многие жрицы пришли в храм Роланса поздно, и она не могла с ними познакомиться. Лука говорила, что храмы по всему острову такие же. Сила Дара Мирабеллы возобновила веру в остров. Иногда Мирабелле хотелось, чтобы Лука объясняла её даром чуточку меньше. Лука встретила её в храме, а не наверху в своих покоях.

Старая женщина обняла Мирабеллу и поцеловала её в щёку.

- Ты выглядишь усталой, - сказала она. – Может быть, следовало бы учесть, что ты трудилась над водой всю прошлую ночь, да...

- Если б я не пришла, вы б ничего не увидели, - ответила Мирабелла. – Может, я кого-то случайно полила?

- Случайно, - криво улыбнулась Лука. Когда она впервые встретилась с Лукой, то пыталась её утопить, вызвав элементаря воды из озера Звездапада, направив его в горло главной жрицы... Но это было так давно.

Лука спрятала руки под слоями мантии и меха. Мирабелла не знала, какой была Лука до того, как превратилась в жрицу, но не стихийницей. Она слишком мёрзнет.

Жрица рядом почти упала, и руки Луки взметнулись, чтобы успокоить её.

- Будь осторожна, дитя, - сказала Лука, и девушка кивнула.

– Эти одежды слишком длинны. Ты себе навредишь. Попроси кого-то их подшить.

- Да, Лука, - прошептала она.

Девочку только посвятили. Она ещё может не попасть в храм, передумать и вернуться домой.

Девушка медленнее прошла к южной стене, где трое восстанавливали фреску с королевой Шеннон. Художник сотворил королеву прекрасной. Её чёрные глаза смотрели со

стены целенаправленно и уверенно, несмотря на дождь и шторм, затемнивший нижнюю половину её лица.

- Она всегда была моей любимицей, - сказала Мирабелла. – Королева Шеннон и её штормы.

- Одна из самых сильных до тебя. Однажды твоё лицо украсит эту стену.

- Стоит надеяться, - отметила Мирабелла. – Но эти росписи не отражают правду.

Лука вздохнула.

- Времена теперь не так спокойны, после десятилетий отравителей в столице. И Богиня не сделала бы тебя столь сильной, если б ты не нуждалась в этом, Лука взяла её за руку и повела вокруг южного купола.

- Однажды, - промолвила она, - может, после коронации, я отведу тебя в Храм Войны к королевам. Там не только фрески, а статуя Эммелины, с кровавым копьем над головой, и стрелами под потолком...

- Под потолком? – спросила Мирабелла.

- Давно, когда Война была сильна, королева могла передвигать вещи по воздуху, одной только силой воли. Глаза Мирабеллы расширились, и Верховная Жрица рассмеялась.

- Или так говорят.

- Почему вы хотели меня видеть, Верховная Жрица?

- Возникла трудность, - Лука отвернулась от фрески и сжала её руки. Она пошла на север, к алтарю Богини, и Мирабелла двинулась следом.

- Я хотела подождать, - продолжила она. – Я знала, как ты устала после всего этого. Но пойми, ты молода, я не могу держать тебя в таком тихом месте с собой. Ты выросла. Ты королева, и если б ты могла остановить время... Всё проходит. Больше нельзя откладывать то, что надо делать. Она мягко коснулась рукой щеки Мирабеллы.

- Но если ты не готова, мы подождём.

Мирабелла сжала руку жрицы. Она поцеловала старушку в голову. Ни одна жрица не благоволила королеву так, как Лука. Это такой скандал – покинуть свои палаты в Индрид-даун и вернуться ближе к любимице.

- Я готова, - кивнула Мирабелла. – Я сделаю всё, что надо.

- Хорошо, - Лука погладила её по голове. – Хорошо.

Жрицы проводили Мирабеллу за храм, по вечнозелёным лесам мимо скал над морем. Мирабелла всегда любила солёный воздух и лёгкий ветерок, и он умудрялся щекотать ноги сквозь юбки.

Когда они пришли, чтобы увести её в храм, не сказали, что хотели. Жрица Ро вела конвой, поэтому Мирабелла считала, что это будет охота. Ро всегда вела на охоту. Все в храме боялись её. Она могла ударить тех, кто её злил. Чтобы стать жрицей, надо забыть прошлое, но Мирабелла думала, что у Ро дар войны. Однако, сегодня Ро была мрачна и трезва. Жрицы несли свои охотничьи принадлежности, но не взяли гончих. И всё время углублялись в лес.

Они достигли скалы, а потом шли дальше на север, туда, куда Мирабелла прежде не заходила.

- Куда мы идём? – спросила Мирабелла.

- Ещё немного, моя королева, - сказала Ро. – Не слишком далеко, - она потянула одну из жриц в сторону. – Иди вперёд, проверь, всё ли готово.

Жрица кивнула, а после помчалась вперёд и пропала.

- Ро? Что происходит? Что мне делать?

- Отдать Богине долг, королева. Разве что-то ещё? – она посмотрела через плечо на Мирабеллу и подло улыбнулась, а волосы кровью лились из-под капюшона.

Сапоги гулко ступали по камню и гравию, но она устояла.

Никто, кроме девушки, отправленной на разведку, не шёл

быстрее, независимо от попыток Мирабеллы изменить темп.

Она быстро сорвала попытки, чувствуя себя глупой птицей, что трепетала в клетке из мантий.

Впереди дорога поворачивала, а за углом они двинулись в ущелье. Мирабелла впервые увидела причину своего прихода. Так много... Жрицы в чёрно-белых одеждах. Высокие жаровни что-то сжигали, но не курились вообще. И когда группа услышала об их приходе, они повернулись к ним и встали в ряд. Никто не был непосвящённым. Только два послушника.

Один странно одет – в простом чёрном, но с одеялом на плече.

Каштановые волосы спадали, вопреки одеялу, кожа казалась холодной и бледной. Она смотрела на Мирабеллу благодарно,

словно та пришла её спасти.

- Ты должна была сказать мне, - сказала Мирабелла. –
Сказать мне, Ро!

- Зачем? – спросила Ро. – Разве что-то изменится? – она
кивнула девушке, и та выскользнула из-под одеяла, шла вперёд
босиком, дрожа.

- Она приносит жертву для тебя, - шепнула Ро. – Не позорь
её.

Молодая жрица встала на колени перед Мирабеллой и
посмотрела вверх. Глаза были ясны. Она не была пьяна болью.
Она протянула руку, и Мирабелла неохотно приняла её, стояла,
онемев, пока девочка молилась. А когда закончила – встала и
пошла к скале.

Это всё. Вода. Пожар в жаровне. Ветер и Молнии под
кончиками пальцев. Скалы тряслись и хоронили её. Может
быть, это будет безболезненно.

Девушка, что стала жертвой, улыбнулась Мирабелле,
закрыла глаза, чтобы было проще, но легче не стало.

Ро нетерпеливо кивнула жрице рядом с мангалом, и та
зажгла факел.

- Если это не сделаете вы, моя королева, то сделаем мы, и
это будет куда медленнее, чем у вас.

Грэйвисдрейк-Мэнор

Жизель лила тёплую воду на волдыри на коже королевы
Катарины. Блестящие, заполненные красной жидкостью
волдыри тянулись полосами по всей спине, плечам,
предплечьям. Пузыри от крапивы. Натали била ими Катарину в
то утро, словно оставляя картину.

- Она была неосторожна, - пробормотала Жизель. –

Шрамы... Не двигайтесь, Катарина, - она касалась её мягко, и
слёзы текли по щекам молодой королевы.

Натали никогда не делала настойку столь сильной. Не она
её делала. Женевьева.

- Когда она увидит, что сделала, как они поднялись, она
уничтожит сестру.

Катарина улыбнулась. Хотелось бы видеть! Но нет. Натали
будет недовольна, увидев следы. Но все ответы Женевьевы

будут молчаливыми.

Она дышала, пока Жизель нежно лила воду на плечи.

Горничная наливала в ванну ромашку, чтобы уменьшить отёки, но всё равно пройдут дни, пока Катарина сможет одеваться, не опасаясь волдырей.

- Наклонись вперёд, Катарина.

Она наклонилась и вновь расплакалась. Через открытую дверь своей ванной она видела спальню, туалетный столик и пустую клетку Возлюбленной. Её маленькая змея испугалась, упала во время Черноты. Сползла с запястья Катарина и пропала. Вероятно, она мертва или потерялась навеки в холодных стенах Грэйвисдрейк.

Отравление крапивой не было наказанием. Натали спокойно заверила её, что воспользовалась бы им всё равно. Но Катарина лучше знала. Цена за провал Арронов, даже королеве надо платить.

Может быть и хуже. Зная Женевьеву, она могла использоваться паучьим ядом, и от некроза навеки остались бы шрамы.

- Как она может так поступать? – спросила Жизель, прикладывая тёплую ткань к шее Катарина.

- Ты знаешь, - сказала Катарина. – Она пытается сделать меня сильной. Спасти мне жизнь.

Комнаты и залы в замке были удивительно тихи. Наконец-то, после стольких гостей прошлых дней, дом был тих, и Натали могла отдохнуть в одиночестве, с комфортом, в кожаном кресле. Но кто-то постучал.

Когда дворецкий вошёл с пустыми руками, она помрачнела.

- Я надеялась на чашку мангрового чая.

- Да, госпожа. И чашку для вашего гостя?

Она повернулась, чтобы увидеть фигуру в зале, раздражённо кивнула, и гость вошёл.

- Тридцать лет, и мой дворецкий не знает, что я не желаю гостей, - сказала Натали, встав.

- Мне было интересно, куда все ушли. Даже слуги как призраки.

- Я их всех отправила, - она так устала от самодовольных и обвиняющих лиц! – Как ты, Пьетр?

Её племянник поцеловал её в щёку. Она столько лет не видела его, единственного сына Кристофа. Он был ребёнком, когда брат ушёл из совета в пользу светской жизни. Но у него больше не было детей, а этот столь красив...

- Всё хорошо, тётя.

- Чем обязана? Думала, ты дома, вернулся с моим братом и Марго.

Он нахмурился, услышав имя мачехи. Натали не винила.

Первая жена Кристофа была выше. Она не тянула его в храм.

- Ага, - кивнул Пьетр. – Надеюсь, расскажешь мне, и я туда не вернусь.

Он прошёл мимо неё, не дожидаясь приглашения, налил себе в рюмку испорченное бренди. Когда он увидел её ошеломлённое выражение, то проронил?

- Я сожалею. Не хочешь? Но ты просила чай...

Натали скрестила руки на груди. Теперь она поняла, почему любила Пьетра больше всех остальных. Единственный с голубыми глазами и высокими скулами... И такой же нерв.

- Если ты не намерен возвращаться, то что делать?

Хочешь, чтобы я помогла найти тебе призвание в столице?

- Нет, - он улыбнулся. – Хочу остаться тут и помочь королеве.

- Это с тобой она так долго танцевала?

- Да.

- И ты думаешь, что знаешь, как ей помочь.

- Я знаю, что это нужно. Я был утром, когда её отравляли, слышал крики.

- Её дар всё так же слаб, но он придёт.

- Да? От иммунитета? Но дело ли в даре или в твоей... - его голос стал звучать тише, - практике?

- Не имеет значения. Она хорошо отравляет.

- Рад слышать.

Но Натали знала, что Катари надо больше. Ни одна королева Арронов не сталкивалась с таким одарённым соперником, как Мирабелла. Это было поколение, когда островная королева и в половину не была настолько сильна.

Даже в Индрид-даун шептались, что каждая королева Арронов слабее прежнего. Они говорили, что Николу тошнило от грибов, а Камилла не выдерживала змеиный яд. Они говорили, что Камилла не хороша в ядах, а Натали убила её сестёр за неё.

Но что с того? Только дар имеет значения, и королевы не побеждали политикой и союзами. Ни одна семья не имела положения выше, чем Арроны.

- Конечно, Вествуды всё ещё рядом, - сказал Пьетр. – Думают, что выберут Мирабеллу. Что она неприкосновенна. Но если будет править Мирабелла, будет править храм.

- Да, - кивнула Натали. – Лука оказала Вествудам услугу, окрутила их вокруг пальца.

Дураки. Но это не означает, что они не страшны. Если Мирабелла победит, она воспользуется правом королевы, чтобы отравителей в совете сменили Вествуды. И с Вествудами в совете остров будет достаточно слаб и падёт.

- Если у тебя есть предложение, племянник, говори.

- У Катарини есть ещё активы. Другая сила, - Пьетр поднял бокал и посмотрел сквозь него. Конечно, не то бренди, как у Маргариты. – После окончания Белтейн, - он продолжил, - женихи будут так близко... Они могут отравить, а наши руки будут чисты.

- Делегаты женихов знают правило, их не обнаружить.

- Ну... если они любят Катарину...

- Да, - признала Натали. Парни сделают всё для возлюбленной. Увы, Катарина не так хороша для этого. Сладкая, но слишком кроткая. И Женестьева права, когда называет её слишком худой.

- Ты можешь сделать её краше? – спросила она.

- Могу. К тому времени, как я закончу, она станет драгоценным камнем, и все забудут о политике и союзах. Они будут думать сердцем.

Натали фыркнула.

- Было б хорошо, если б они думали тем, что у них между ног.

- И это тоже.

Её дворецкий вернулся с настойкой мандрагоры, но

Натали отослала его. Лучше бренди. Даже если женихи не подойдут отравителям, это будет плохо для Мирабеллы.

- Что ты хочешь взамен? – спросила она.

- Не так уж и много, - его синие глаза сверкнули. – Только никогда не возвращаться к своему слабому отцу и его глупой жёнушке. После венчания Катарина я хочу занять место в Чёрном Совете.

Катарина тихо стояла в халате, пока Жизель и Луиза перестеляли кровать. После Черноты и утренней боли они были покрыты кровью. Или, может быть, их ещё можно спасти, простыни? Луиза многое умела, отмывала всё. Она убирала после тяжёлых отравлений.

Катарина завернулась в халат и поморщилась, когда ткань коснулась волдырей. Под рукой была пустая клетка Возлюбленной. Бедная, утерянная змея. Она должна была уделить ей больше внимания. Катарина должна была дать прислуге заняться этим до праздника. Она была больна и до утра не поняла потерю. Слишком поздно. Но большее всего было то, что вопреки испугу змеи, Возлюбленная не укусила. Катарина содрогнулась, когда Луиза вскрикнула, и Жизель сжала её плечо. Луиза всегда была ветренна. Но её удивлённый взгляд оправдан – парень в спальне королевы.

- Пётр, - проговорила Катарина, и он поклонился.

- Что-то случилось с вашим животным? – спросил он, указывая на клетку.

- Моя змея... Она пропала после... после...

- Натали отправила слуг обыскать зал?

- Я не хотела её беспокоить.

- Уверен, это не проблема, - он кивнул Луизе, опустившейся в реверансе, и приказал передать Натали. После её ухода от отпустил и Жизель.

Катарина завернулась в халат, вопреки волдырям. Это не одежда для гостей.

- Простите, что пришёл вот так, - сказал Пётр. – Не привык к местному распорядку. В моей стране все свободы. Простите меня?

- Конечно, - кивнула Катарина. – Но... Зачем вы пришли?

Все уже ушли.

- Но не я, - он сдвинул брови. – Я только что говорил с тётей и могу остаться.

Он сделал шаг к ней, но отвлёкся в последний момент, посмотрел на духи на туалетном столике. Его улыбка была озорной, свидетельствовала об общем секрете – или секретах.

- Остаться? Тут?

- Да, - кивнул он. – С тобой. Стать твоим другом, королева Катари.

Катарина склонила голову. Это шутка Натали! А Катарина их никогда не понимала...

- О, - сказала она, - и что делать?

- Думаю, всё, что делают друзья, - он обнял её за талию. – Когда тебе станет для этого достаточно хорошо.

- Я умею танцевать.

- Есть что-то ещё.

Он наклонился вперёд, чтобы поцеловать её, и она дёрнулась. Она не знала, почему чувствовала, что должна извиниться, ведь он посмел... Но он не сердился.

- Видишь? – он улыбнулся. – Ты слишком долго пробыла в компании моих тёток и слуг. Они не приготовили тебя для встречи с женихами, в отличие от ядовитого пира.

Катарина покраснела.

- А ты... - она покраснела. – Ты можешь...

- Я твой слуга, - он коснулся её щеки. – Твой раб. Я тут, чтобы убедиться, что каждый из женихов думает о тебе, а не о твоих сестрах.

Волчья Весна

В день возвращения Джозефа было пасмурно и темно.

Джулс наблюдала за серостью из комнаты с Арсиной. Она почти не спала.

- Они знали, что он скоро придёт, - сказала она.

- Конечно, - кивнула Мадригал. Она стояла за нею, пока Джулс сидела у туалетного столика, пыталась расчесать её длинные тёмно-каштановые волосы.

- Почему они отправили его домой через два дня после дня рождения Арсиной? Он пропустил праздник и вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть мусор на улицах, сражения чаек и

ворон за остатки пищи.

- Именно поэтому, - сказала Мадригал. – Теперь он в Весне, и они смотрят на нас. Бедная Энни Сандрин сходит с ума...

Да.

Там, в доме его семьи, на пирсе, мать Джозефа готовит и кричит на мужа, Мэтью и Джозефа. Счастливо, но кричит.

- Что делать, если он не придёт? – спросила Джулс.

- Почему ему не прийти? – Мадригал вновь попыталась её расчесать. – Это его дом.

- Как думаешь, на кого он похож? – спросила она.

- Если на брата Мэтью, то девицы города в опасности, - Мадригал улыбнулась. – Когда Мэтью был в его возрасте, полгорода крутились у его лодки.

Джулс дёрнула кистью.

- Мэтью никогда не интересовал никто, кроме тёти Караф.

- Да, - пробормотала Мадригал. – Он посвящён моей сестре, как Джозеф тебе, - она отпустила волосы Джулс и вскинула руку. – С этим бардаком ну ничего нельзя сделать!

Джулс печально смотрелась в зеркале. Мадригал так легка и красива, с её медово-каштановыми волосами, гибким телом...

Люди никогда не признавали в них мать и дочь. Иногда Джулс подозревала, что Мадригал это любит.

Тебе надо больше спать, - упрекнула Мадригал. – У тебя под глазами тёмные круги.

- Не могу, Камдэн вертится каждые две минуты.

- Почему ж она не спит, ты думаешь? Это ты её держишь!

Если она что-то ломает, ты будешь виновата, - Мадригал обошла дочь и осмотрела себя. Она коснулась жёлто-золотых волн волос и мазнула духами длинную белую шею.

- Я делаю всё, что могу, - сказала она. – Он должен любить тебя, как и ты...

Арсиноя шла вверх по лестнице – и теперь прислонилась к двери.

- Ты прекрасна, Джулс, - сказала она.

- Ты должна позволить ему прийти к тебе, - протянула Мадригал.

- Зачем? Он мой друг. Это не игра, - Джулс отошла от комода и направилась вниз. Она вышла за дверь и почти

завершила свой путь, прежде чем заметила, что Арсиноя осталась у двери.

- Ты не идёшь?

Королева запихнула руки в карманы.

- Не думаю, что это так. Это только ты.

- Он хочет тебя увидеть.

- Но позже.

- Ну, пойдёшь со мной немного, пожалуйста!..

Арсиноя рассеялась.

- Хорошо.

Они вместе шли по узкой, извилистой горной дороге, что вела от домов в город, мимо доков, на площадь и зимний рынок. Когда они миновали последний холм перед бухтой, Арсиноя остановилась.

- Ты когда-то думала, - спросила она, - что случилось бы, если б всё пошло иначе?

- Иначе? Если б не пытались сбежать? Или если б они нас тоже изгнали?

Они изгнали только Джозефа. Приговор Джулс – быть одинокой акушеркой и медсестрой королеве. Жить в одиночестве в Чёрном Коттедже слугой, в компании королевы и короля-консорта во время беременности, с тройняшками, пока огни не будут утверждены. Она была бы в Чёрном Коттедже сейчас, если б её тётя Караф не заняла её место.

- Они должны были убить меня, - шепнула Арсиноя. – Я должна была умереть в обмен на то, что Джозеф останется. В обмен на Караф тут...

- Они хотели всех убить, - ответила Джулс. – Натали Аррон отравила бы нас, оставила бы в мене у совета. В Волрое. Она бы показывала тела на городской площади в Индридаун, если б могла. Но им было только одиннадцать лет тогда.

- Это всё ещё может быть нашей судьбой, если мы выйдем за линию, - сказала Арсиноя. – И это плохо. Что за ремесло – умереть за пару дней. Кровь течёт из глаз и ртов... - она сплюнула на графий. – Отравители.

Джулс вздохнула и посмотрела на город, в котором выросла. Крупные деревянные здания окружили бухту, как масса серых ракушек. Волчья Весна казалась уродливой

сегодня. Ничего достаточно грандиозного для возвращения Джозефа или кого-то ещё.

- Как думаешь, у него есть Дар? – спросила Арсиноя.

- Наверное, нет. Ни у кого из Сандринов нет, кроме Мэтью.

- Думаю, Мэтью просто сказал это Караф, чтобы привлечь внимание. Его истинный дар очаровывать девушек, как и у остальных. Даже у Джозефа.

Джулс пробормотала проклятье. Это говорила Мадригал.

- Ты этого боишься? – спросила Арсиноя

- Не боюсь! – парировала Джулс. Но боялась. Очень боялась, что Джозеф изменился, её Джозеф пропал. Они пять лет не виделись.

Камдэн неслась вперёд, шла по краю – и зевала.

- Просто не знаю, что делать. Мы не можем идти ловить лягушек и улиток в Велден.

- Не в эту погоду, - кивнула Арсиноя.

- Как думаешь, на что похожи девушки с материка? – вдруг спросила Джулс.

- О, они страшные. Ужас!

- Конечно. Потому моя красивая мать так хорошо вписывается в их компанию.

Арсиноя фыркнула.

- Если они как Мадригал, нечего беспокоиться.

- Может, она права. Может, мне не стоило идти.

Арсиноя с силой толкнула её вперёд.

- Иди, идиотка! Или опоздаешь!

Так что Джулс пошла к пристани, где семья стояла в своих лучших чёрных пальто. Лодки Джозефа ещё не было видно на горизонте, но его мать, Энни, уже пыталась что-то увидеть.

Джулс могла ждать с ними. Она знала Сандринов ещё с поры детства, до того, как тётя Караф и Мэтью должны были пожениться. Но вместо того она обошла площадь и смотрела издалека.

На площади ещё были палатки. Часть убрали, но не всё.

Поскольку праздники закончились, Волчья Весна была в похмелье. Ничего особенного. Пройдя мимо пары палаток, Джулс ещё видела столы, покрытые чёрными крыльями птиц. Вороны отыскивали остатки трески. После того, как они

насытились, кто-то бросит кости в воду.

В доках собиралось всё больше людей – не только на пирсе. Вокруг бухты были открыты ставни, отодвинуты шторы, и народ делал вид, что подметает двор.

Она ощутила толчок в талию и посмотрела в голодные жёлто-зелёные глаза Камдэн. Её желудок тоже сводило. Джулс оставила в комнате нетронутый поднос с чаем и хлебом с маслом. Она не могла думать о еде. Но теперь казалось так странно...

Она купила рыбу Камдэн на зимнем рынке, ясноглазого морского окуня с изогнутым хвостом, словно он ещё плыл. А для себя парочку устриц из утреннего улова Мадж, и скovyрнула панцири ножом.

- Вот, - Мадж протянула ей ковшик с уксусом. Она повернула голову к бухте. – Почему ты не там?

- Не люблю толпу.

- Не виню тебя, - она впихнула ей в руку ещё моллюсков. – Для пумы, - она подмигнула.

- Спасибо, Мадж.

В доках толпа смешалась, двигалась вверх по склону. Мадж вытянула шею.

- Да, там, - сказала она.

Корабль Джозефа вошёл в гавань. Он подкрался достаточно близко, чтобы Джулс могла видеть экипаж на палубе.

- Чёрные паруса, - сказала Мадж. – Кто-то из материка пытается поцеловать нам задницу.

Джулс поднялась так высоко, как могла. Судно.

Проведение – она мечтала и страшилась пять лет!

- Тебе лучше идти вниз, Джулс Милон. Мы знаем, кого он хочет увидеть.

Джулс посмотрела на улыбку Мадж и рванулась с Камдэн с зимнего рынка. Ноги сами неслись через площадь, игнорируя слабость.

Столько людей вокруг – пришли в гавань посмотреть на прошлое. Она не пройдёт. Даже с Камдэн, если та не зарычит, но ведь бабушка Каит это не одобряет.

Джулс беспокойно шагала по склону и смотрела. Сначала они снимали пожитки и товары для торговли. Дары. Джулс смотрела на палубу. Она всматривалась в ярко-белый, с золотом и серебром такелаж. Он почти светился в Волчьей Весне.

И тогда Джозеф ступил на трап.

Она узнала его и без крика матери. Узнала бы и выше, старше, пусть и отроческая мягкость на лице пропала. Сандрины обняли его. Мэтью заключил в объятия, отец хлопал по спине. Джозеф перебирал волосы Ионы. Энн не отпускала его камзол.

Джулс отступила. Пять лет – так много. Хватит для забвения. Что делать, если он увидит её на холме и улыбнётся? Если кивнёт, когда пройдёт мимо?

Она уже вспоминала, как он называл её имя. А потом кричал громко...

- Джулс!

- Джозеф!

Они бежали навстречу друг другу, он протиснулся сквозь толпу, помчался по склону. Чёрная куртка раскрылась, открыла белую рубашку, они столкнулись.

Это была не сказочная встреча, она не представляла что-то такое, пока его не было. Её подбородок упирался ему в грудь.

Она не знала, куда деть руки. Но он был, реальный, изменился и нет.

Когда они отошли друг от друга, он сжал её плечи, она его локти. Она плакала – но не грустно.

- Ты такой... - прошептала она.

- А ты! – он вытер её щёки. – Богиня, Джулс! Я боялся не узнать. Но ты почти не изменилась.

- Я? – спросила она, огорчённая, что так мала. Он считает её ребёнком.

- Я не то имел в виду, - поправился он. – Ты выросла. Но я беспокоился, что не узнаю эти глаза.

Он касался её волос, глядел синими глазами в её зелёные.

- Я был уверен, что увижу тебя, но смотреть трудно.

Но это невозможно. Совет не позволял переписку. Джулс и семья знали, что он на материке, жив. Но это абсолютное

изгнание.

Камдэн скользнула вокруг ноги, замурлыкала. Она казалась застенчивой, и Джозеф отскочил.

- Что случилось? – спросила Джулс.

- Что... - пробормотал он, а потом рассмеялся. – Конечно, меня так долго не было, я забыл, как странен Фенбёрн!

- Что ты имеешь в виду? – спросила она.

- Ты поняла бы, если б ушла, - он дал понюхать руку Кэм, и она лизнула его пальцы. – Знаком...

- Знакома, - поправила его Джулс. – Это Камдэн.

- Но... Это не может быть.

- Да, - она кивнула. – Моя.

Он смотрел на пуму и девушку.

- Она должна быть Арсиной. Но... Ведь это самый сильный посланник Природы последних пятидесяти лет!

- Шестидесяти, они сказали, - Джулс повела плечами. – королева Природы растёт, и дар тоже. Ты забыл?

Джозеф усмехнулся, погладил Камдэн.

- А Арсиноя? Где она? Есть люди, которых я хочу увидеть – ещё один...

- Кто?

- Мой друг, Уильям Чатворт младший, его отец... Они – делегация...

Он считал её озорной. Ей не нравилось быть тут.

Делегации не разрешено прибывать до праздника костров, и женихи не могут разговаривать с дамами, пока всё не

закончится. Она задалась вопросом, что это за люди, что они могут нарушать правила.

Джозеф кивнул на кого-то за левым плечом, и Джулс обернулась, чтобы увидеть Осень, Жрицу храма Волчьей Весны, что приближалась с мрачным выражением.

- Джульена Милон, - мягко проронила она. – Простите за вторжение. Храм хотел бы поприветствовать Джозефа Сандрина с его возвращением. Мы проводим его с семьёй к алтарю для благословения.

- Конечно, - кивнула Джулс.

- Это не может подождать? – спросил Джозеф и что-то проворчал, когда жрица не ответила.

На восточном холме Волчьей Зимы был храм, белый круг из кирпича, окружённый домами жриц. Осень была одной из двенадцати, что там жили. Казалось, это уединённое место, когда они молились, кроме праздников, храм пустовал, но Осень была там, а остальные в садах.

- Так всегда, - сказала Осень. – Мы приглашаем королеву Арсиною для благословения.

Джулс кивнула. Арсиноя никогда не ходила в храм. Она говорила, что Богине молиться не будет.

- Слушай, я приду, когда закончу... Если приду, - сказал Джозеф.

Безмятежное лицо Осени стало хмурым. Она повернулась на каблуках и ушла.

- Это неправильно. Прости.

- Мне не нужны приветствия, - Джозеф положил руку на её плечо. – Ты. Вот. И семья. Поздоровайся с ними... Хочу, чтобы ты была со мной так долго, как сможешь.

Мадригал говорила Арсиное, что собирается в горы за фазанами. Она очарует их, и Арсиноя выстрелит.

- Ты никогда не ходила на охоту, - сказала Арсиноя, закидывая за плечо арбалет и мешок болтов. – Что мы будем делать на самом деле?

- Не знаю, что ты имеешь в виду, - ответила Мадригал. Она откинула красивые, светло-каштановые волосы, но взгляд через окно на кухню, где Каит готовила рагу, говорил Арсиное, что она права.

Они шли вместе на север от дома, по тропе мимо поляны и кизилового пруда, в лес. Арсиноя тонула по щиколотку в снегу. Мадригал была изящна, несмотря на сугробы, и напевала песенку. Её Ария летела над деревьями. Она никогда не сидела на плече Мадригал, как Ева у Каит. Они почти не связаны. Или, может быть, Ария просто не вписывалась в наряды Мадригал.

- Мадригал, куда мы идём?

- Тут недалеко.

Но далеко. Они шли высоко вверх, где большие серые камни прорывались сквозь землю. Это были скалы, похороненные за спинами монолиты – остров был стар и

прежде носил другое имя.

Зима скрывала снегом их и делала скользкими. Арсиноя дважды едва ли не упала.

Мадригал сменила свой курс и шла по подветренной стороне, где было меньше снега. Странное маленькое пятно, толстый ствол дерева наклонился с голыми ветвями, этот навес.. У основания холма Мадригал спрятала сухую древесину, два стула. Она вручила один табурет Арсиное, принялась устраивать дрова и топить костёр. После налила масло из серебряной колбы и подожгла.

Жар был ирреален, брёвна быстро загорелись.

- Не так плохо для Природы, - сказала Мадригал. – Хотя элементам проще. Лучше б я была кем угодно, не Природой...

- Даже отравителем? – спросила Арсиноя.

- Если б я была отравителем, я б жила в большом доме в Индрид-даун, а не в холодном коттедже моей матери на берегу моря. Но нет. Может, Война. Чтобы быть воином – это более захватывает, чем это. Или Видеть и знать, что будет.

Арсиноя пододвинула табурет к костру. Она не упоминала, что дом Милонов куда больше, чем коттедж на берегу моря. Но Мадригал всегда о нём будет думать именно так.

- Почему ты вернулась? – спросила Арсиноя. – Если так недовольна? Ты шесть лет была на материке и могла остаться. Мадригал ткнула пламя палкой.

- Всё из-за Джулс, - сказала она. – Не могла я оставить её со своей тупой сестрой, - она сделала паузу и знала, что говорила не то. Никто не терпел слова против Караф. Она спасла Джулс от Чёрного Коттеджа. Но это так раздражало Мадригал, что не умела говорить добрые слова.

- А ты, - Мадригал пожала плечами. – Новая королева. Я даже не родилась, когда последнюю короновали, так что не могла пропустить... Ты единственное волнение этого острова.

- Да, волнение. Полагаю, моя смерть будет интересной.

- Не будь так строга. Я на твоей стороне, в отличие от этих людей. Почему ж я ещё тебя сюда привела?

Арсиноя положила арбалет и болты рядом со своей ногой и запихнула ледяные руки в карманы. Следовало отказаться, но так как Джулс с Джозефом, это часть обязанностей.

- Как думаешь, что Джулс делает в городе? – Мадригал вытащила какой-то мешочек из кармана и положила на колени.
- Встречает своего друга. Своего лучшего друга.
- Это ты её лучший друг, - хитро усмехнулась Мадригал. – А Джозеф Сандрин всегда был... Чем-то другим.
Она вытащила из сумки четыре вещицы – локон, полосу серой ткани, длинную чёрную атласную ленту и острый серебряный нож.
- Низменная магия, - отметила Арсиноя.

- Не надо так. Это говорит храм. Это ведь источник Силы на острове, последнее от богини.

Арсиноя
наблюдала,
как
Мадригал
выкладывала

предметы. Она не могла отрицать увлечение. Сердце забилося, как ей показалось, быстрее. Странно, что она прежде не видела это изогнутое дерево... И её тянуло неизвестное.

- Как бы то ни было, - промолвила Арсиноя, - низкая магия – не дар королевы. Мы не такие, как все. Наше предназначение... - она запнулась. – Свято, - она почти сказала о Богине. Во рту стало горько, - Я не буду делать это. Я должна идти к воде и звать краба, пока он не прибудет.

- И сколько ты делала это? Сколько раз знакомые помогали тебе призвать его?

- Он придёт.

- Конечно, если мы прикажем.

Мадригал улыбнулась. Арсиноя никогда не считала Мадригал красивой, хотя многие так думали. Красота – слишком нежное слово для её сущности.

- Джулс поможет мне взрастить дар, - сказала Арсиноя.

- Не будь упряма. Джулс не справится. Всё слишком просто.

Дар у неё в руках. Она напоминает мне сестру.

- Напоминает?

- Да. Караф однажды открыла глаза и была одарена. Как Джулс. Не такой огромный дар, как у Джулс, не достаточный, чтобы мои родители одурели. И она не трудилась, - Мадригал

скривила губы, разожгла огонь, и искры взмыли вверх. – Я задавалась вопросом, не Караф ли мать Джулс... Но помню роды. Они были так близки после моего возвращения. Джулс даже больше походила на неё.

- И уродливее, ты хочешь сказать, - Арсиноя нахмурилась.

- Я так не говорила.

- Что ещё можно сказать? Вы с Караф похожи, и Джулс не схожа с вами. Единственное сходство с Караф – это то, что они

одарены. Джулс связана с Караф, но что можно ждать? Ты ушла, Караф её растила.

- Растила, - повторила Мадригал. – Ей было едва девять, когда я вернулась.

Она взяла ткань на коленях и начищала нож.

- Может, я чувствую вину, - она смотрела на руки. – Потому это делаю.

Арсиноя изучала полосу серой ткани. Она изучала прядь тёмно-каштановых волос, ленту... Под деревом ветер успокаивался, даже огонь спокойно горел. Независимо от того, что делала Мадригал, стоит остановиться. Низменная магия для отчаявшихся. И у неё есть цена.

- Ты заметила, что никто не запаниковал из-за отсутствия твоего дара? – спросила Мадригал. – Каит, Эллис... Даже Джулс. Никто не верит, что ты выживешь, Арсиноя. Королевы Природы не выживают. Если они не звери, как Бернадина с её волком, - она завязала вокруг ткани ленту, а второй конец обернула вокруг пряди волос.

- Великая королева Бернадина, - пробормотала Арсиноя. – Знаешь, что я слышала? Единственная королева Природы.

- Единственная, кого стоит вспоминать. При всей дикости, люди Волчьей Весны привыкли... Они приняли это, но не я.

- Почему нет?

- Я не уверена, - Мадригал пожала плечами. – Может, потому что я наблюдала за тобой в тени Дара Джулс, как с Караф. Или просто хочу, чтобы дочь меня любила, если я спасу тебя, она сможет этому научиться.

Она держала ленту и ткань. Арсиноя покачала головой.

- Это не так. Всё это придёт. Кто-то пострадает.

- Пострадают. Твои сёстры убьют тебя, - напонила

Мадригал, вжимая локон в руку Арсиной.

Похоже, просто безвредный мусор. Но она так себя не чувствовала. Она чувствовала тяжесть куда больше, чем от тесьмы и полосы ткани. И более живое, чем бутон в руках.
- Тут Богиня, - сказала Мадригал. – Жрицы молятся ей, как далёкому существу, но мы с тобой лучше знаем. Она внутри острова. Везде. Она в тумане, ночью в лодке, не отпускала тебя. Она остров, и остров – это она.

Арсиноя сглотнула. Слова казались верными. Может, когда-то Богиня была всюду, растянулась в небесах и на материке. Но теперь она свернулась, как зверь в норе. Так же могуча. И опасна.

- Это волосы Джулс? – спросила Арсиноя.

- Да. Я взяла немного утром, положила в сумку. Надо было лишь выпрямить и скрутить.

- А ткань? – старая, сморщенная, грязная.

- Лоскут с рубашки Джозефа, когда он был мальчиком. Как моя мама говорит, он задел гвоздь в сарае, и Джулс оставила себе, когда давала ему новую. Не понимаю, как она всё это помнит... - она фыркнула. – Конечно, есть ещё вещи Джозефа, но мы ведь не хотим, чтобы он гонял за Джулс, как олень.

- Это любовное заклинание, - сказала Арсиноя. – Ты учишь меня использовать низменную магию для приворота Джулс?

- Есть ли более чистая причина? – Мадригал протянула ей ленту. – Заверни вместе и свяжи вот этим.

- Как это делать? – спросила Арсиноя. Ей казалось, что она сама знает, как. Пальцы плели косу из ткани без усилий, и она потянулась бы за лентой даже без инструкций Мадригал.

- Остров – вот оно, - шепнула Мадригал. – Закрой глаза. Гляди в огонь.

- Джулс хотела сделать это сама. И вообще б не делала, ей это не надо.

Мадригал горестно поджала губы.

Каждая девушка в Волчьей Зиме знала о мальчиках Сандринах. Озорные улыбки, глаза, как отражение в море грозовых облаков. Ветер в тёмных волосах. Таков теперь Джозеф. И хотя Арсиноя любила Джулс и считала её красивой,

она знала, что Джулс не так красива, чтобы удержать такого. Арсиноя смотрела на линию между пальцами. Мгновение назад ничего не могло напугать птиц, разрушить гнёзда... Но в узлах столько всего – и Мадригал связала волосы Джулс и Джозефа так крепко...

Она завернула лентой их в последний раз. Мадригал взяла серебряный нож и резанула по нижней части предплечья Арсинои так быстро, что ране понадобилось несколько секунд, дабы начать кровоточить.

- Ой! – вскрикнула Арсиноя.

- Это не больно.

- Больно. Могла бы предупредить.

Мадригал отмахнулась и прижала локон к крови. Она сжимала руку Арсинои, словно мочала локон в жидкость.

- Кровь королевы... Кровь острова. Благодаря тебе Джулс и Джозеф никогда не расстанутся.

Арсиноя закрыла глаза. Джулс и Джозеф. Они неразлучны с самого рождения – пока она не появилась. Пока они не попытались спасти её, не были разделены. Чёрный Совет не наказал Арсиною за побег. И её убивало чувство вины за то, что Джулс и Джозефа покарали так сильно.

Мадригал отпустила её руку, и Арсиноя сразу же прижала к себе. Кровотечение уменьшилось, разрез пульсировал.

Мадригал

не

подумала

о

бинтах

или

чем-то

кровоостанавливающим. Может быть, ценой магии окажется потерянная вена королевы.

Мадригал запихнула локон в маленький мешочек. Когда она протянула мешочек Арсиное, пальцы были липкими и красными, локон внутри словно бился, как сердце.

- Когда высохнет, - сказала Мадригал, - держи в безопасном месте под подушкой. Или заверни в свои волосы, не придётся ничего резать.

Арсиноя сжала вещь в кулаке. Когда магия была свершена, она чувствовала себя неправильно. Кривизна от доброты. Она не знала, зачем это сделала. Нет оправданий, кроме лёгкости – но прежде ей ничто легко не давалось.

- Я не могу сделать это с Джулс. Не могу забрать её любовь. Вопреки причинам, она б не хотела этого.

Прежде чем она передумает, Арсиноя швырнула локон в огонь. Мешочек сгорел быстро, а волосы Джулс и лоскут Джозефа чернели, как умирающее насекомое. Дым рвался к небу. Мадригал вскричала и вскочила на ноги.

- Затужи его и идём домой, - сказала Арсиноя. Она пыталась говорить, как королева, но была слаба, словно потеряла половину крови, а не пару капель.

- Что ты сделала? – печально спросила Мадригал. – Что ты только что сделала с нашей бедной Джулс?

Роланс

В дворе на восточной стороне у основания храма Мирабелла могла быть одна. Одно из немногих мест, куда жрицы отпускали её без эскорта. Одно из немногих мест, где она была в безопасности. Даже когда она молилась у алтаря, несколько стояли в тени. Только во дворе и её спальне в Вествуд-хаус она была одна. Свободна думать или даже плакать.

Она часто плакала, как от испытаний Ро на скалах.

Большинство слёз она скрывала, но не все. Слова о её грусти быстро разбегались, жрицы косились подозрительно. Они не могли принять её плачущую, с признаками слабости. Они бы предпочли, чтобы она этого не делала.

Мирабелла подогнула ноги под себя на холодной каменной скамье. Когда она поднимала ноги, чёрно-белый дятел устроился на её следе и принялся бродить вокруг.

- О, - он был чудным и с умными чёрными глазами. Она порылась в карманах и пожала плечами. – Прости, у меня ничего нет.

Надо было взять. Ведь его пение было столь желанным.

- Это ему не нужно.

Мирабелла повернулась. Молоденькая инициированная стояла у входа во двор, у снежной изгороди. Она держала белый

капюшон, и его белый капюшон срывался от ветра.

Мирабелла закашлялась.

- И что тогда?

Девушка улыбнулась и зашла во двор.

- Он хочет тебя подбодрить.

Она отпустила капюшон, и дятел спрыгнул с земли, чтобы оказаться на воротнике.

Глаза королевы расширились.

- Ты из Природы.

Девушка кивнула.

- Я Элизабет, выросла на землях Бернадины. Надеюсь, ты не против вторжения... Только ты так грустна. И он всегда заставляет меня улыбаться.

Птичка засунула клюв за капюшон и вновь пропала.

Мирабелла с интересом наблюдала. Она никогда не видела фамилиаров – жрица отдавала свой Дар, и их отбирали тоже.

- Как ты его удержала? – спросила Мирабелла.

Элизабет склонила загоревшую щеку к голове птицы.

- Прощу, никому не говори! Они б его убили. Я пыталась держать его подальше, но он не уходил. Думаю, мне повезло, его легко прятать. Жестоко заставлять нас отгонять их, прежде чем получить браслеты. Что делать, если я передумаю и уйду из храма? Где был бы Спайс? В лесу? Или в горах, где не слышен мой призыв?

- Жестоко вообще заставлять отказываться от него, - сказала Мирабелла.

Элизабет пожала плечами.

- Мама говорит, что прежде не надо было. Но теперь остров так раздроблен... Природа против Яда, против Силы. Даже Война, даже дар взгляда... так враждебны, - она смотрела на Спайса и вздыхала. – Надо объединиться! Жертва связывает нас с верой. Но ты права. Это жестоко.

- Можно? – Мирабелла протянула руку. Элизабет улыбнулась, и маленькая птица быстро перелетела на кончики пальцев Мирабеллы.

- Ты ему по вкусу.

Мирабелла рассмеялась.

- Возможно. Но ты Природа, птица сделает всё, что ты

скажешь.

- Ну, связь с фамилиарами работает не так. И ты тоже можешь... Он может не сверкать так ярко. Может тебя запачкать.

- Мне повезло, что я ему понравилась.

Спайс моргнул, а после переместился на безопасный капюшон Элизабет.

- Ты тут одна и так грустна, я должна была увидеть, могу ли помочь, - Элизабет села на скамью рядом. – Я знаю, почему ты плачешь.

- Думаю, все жрицы знают.

Элизабет кивнула.

- Но это особенно для меня, - сказала она, - я почти была жертвой.

- Ты?

- Они так говорят. Обязанность перед общиной и Богиней.

Я едва не сказала да. Думала, что должна. Её звали Лора, она сама захотела. Умерла, полагая, что делает услугу. И есть худшие способы умереть.

Хуже пути сожжения заживо сёстрами жрицами?

Мирабелла не понимала этого. Она убеждала себя, что спасла девочку от огня. Это не работало. Она не права, независимо от случившегося.

- Мы все с двойным дном, королева Мирабелла. Свет и тьма, в каждом даре. Природа может взрастить растения, но убить омаров, заставить фамилиаров разорвать кроликов на мелкие куски.

- Да, - кивнула Мирабелла. – Я знаю.

Элементали сжигали леса так же легко, как и поили их дождём. Война защищала и убивала. Даже Зрение проклинали безумием и паранойей. Потому королевы, рождённые со Зрением, пропадали.

- Даже отравители, - сказала Элизабет, - исцеляют.

- Этого я не слышала, - отозвалась Мирабелла. Отравители в основном порочны. Казнь их отвратительна, когда женщину или мужчину придавали смерти с помощью интересных ядов,

что заставляла кровь течь через глаза, и спазмы были так

сильны, что ломались спины...

- Это правда, - настаивала Элизабет. – Они умеют исцелять. Они просто забыли это за своим голодом к местам в совете. Мирабелла улыбнулась. Потом она лишь покачала головой.

- Это не одно и то же, Элизабет. Не одно и то же для королев.

- О, я знаю, - отметила Жрица. – Я была в Ролансе очень мало. Но я вижу, что ты хорошая, Мирабелла. Не знаю, хорошая ли королева, но ты весьма... многообещающая.

Тёмная, чёрная коса выпала из капюшона Элизабет, столь темна, как и у королевы. Напомнило Мирабелле о причёске Бри. Дятел был среди перьев – казалось, что-то говорил.

- Ты единственная жрица, что на самом деле говорила со мной, - промолвила Мирабелла. – Кроме Луки, разумеется.

- Я? – переспросила Мирабелла. – О, это признак того, что я плоха. Ро всегда мне об этом говорит, может, она права.

Злая Ро. Ужас храма. Мирабелла не помнила, чтобы та была добра или говорила тихо. Но она хорошая защитница после Белтейна, перед Вознесением, Лука права.

Элизабет склонила голову.

- Тебе лучше?

- Да, - кивнула Мирабелла.

- Хорошо. Этот обряд жертвоприношения, уверена, идея Ро. Она хочет вернуть старые пути, вытеснить совет храмом. Думает, что сила поможет, словно она рука Богини. Но это не она, - Элизабет широко улыбнулась, - а ты.

- Я б не сказала, что это хорошо, - проронила Ро.

Ро подняла безделушку с угла стола из красного дерева – блестящий, отполированный шар из опала Луки. Она не любила комнаты Верховной жрицы, на верхнем этаже храма, с

видом на скалы – Чернота Шеннон. Слишком мягкие, выстланные подушками, одеяла от сквозняков. Слишком загромождены, полны вещей, бессмысленных украшений, как и мозаичные вазы и резные золоченные яйца. Этот опал.

Лука наблюдала за тем, как Ро повернула руку, дабы швырнуть это в окно.

- Нет, - предостерегла её Верховная Жрица. – Это подарок.

- Это лишь камень.

- И подарок. И закрой окно. Ветер холоден. Не могу ждать весну... Огни костров тянутся к жарким летним ночам. Ты будешь суп? Мне сказали, это кролик, капуста, сливки...

- Лука, - сказала Ро, - вы не слушаете. Обряд был фарсом. Королева загнана в угол, даже тогда не сделает ничего, если б мы не заставили девушку ощутить огонь..

Лука вздохнула.

- Жертва погребена под камнями. Она выполнила обряд. Ты не можешь заставить её этим наслаждаться.

Луке самой этот не нравилось. Она слышала, что её считали слишком мягкой. Она верила им, когда сказали, что Мирабелла от этого пострадает. И невинно убиенная. Разрушенная под камнями, что теперь такой удобный памятник для молитвы...

- Мы не будем просить её повторить это, - сказала Лука. – Ты не знаешь её, как я, если слишком давить, она будет сопротивляться. Если Мирабелла воспротивиться... Если запомнит, как это...

Лука смотрела в окно, сквозь деревья на крышу Вествуд-Хаус. Даже на таком расстоянии были видны медные громоотводы, что тянулись волосками к небу. Вествуд знал, что лучше направить и вниз.

- Ты не была тут, когда они привели Мирабеллу из Чёрного Замка. И я была в Индрид-Даун, сражаясь с советом Арронов за власть. Я б не поверила Саре Вествуд, когда она

пришла мне и сказала, что шестилетняя королева собиралась взорвать дом, если б на неё не смотрели. На острове такой дар не видели сотни лет. Со времён Шеннон и старых королев. Мы хранители, не хозяева.

- Может быть, - кивнула Ро. – Но если не выполнить долг, Чёрный Совет получит ещё одно поколение.

Лука провела рукой по лицу. Может, она слишком стара. Слишком испита жизнью, потратила её на сражение с Арронами, но Ро права. Если отравительница займёт трон, Чёрный Совет будет править до того, как следующие тройняшки не вырастут. А к тому времени Лука давно умрёт.

- Мирабелла взрастёт, - сказала Верховная Жрица, - и храм остановит совет. С Вествудами будет просто.

Несколько дней спустя Мирабелла проснулась от нового кровавого сна. Они с Арсиной и Катариной были детьми. Она помнила чёрные волосы в воде, грязь на носу Арсиной. Свои руки-когти, что разрывали Катарин и Карсиною.

Она поднялась на локтях, посмотрела на подушки. Был полдень, а комната оказалась пуста. Может быть, не было и жрицы за дверью, если Сара, Бри и прочие Вествуды дома. Сны приходили чаще. Два, три за ночь. Лука сказала ждать их. Они показывают путь. Но она не предупредила о том, что они будут так сильно пугать её.

Мирабелла закрыла глаза. Но вместо темноты видела лицо жертвы под камнями. Видела грязный нос Арсиной. Слышала смех Катарин.

Королевы не должны любить сестёр. Она знала это, даже в Чёрном Коттедже, когда любила их точно.

- Они больше не те дети, - прошептала она.

Они королевы. Они должны умереть.

Бри постучала в дверь и просунула голову в проём, длинные косы упали через плечо.

- Уже пора? – спросила Мирабелла. Сегодня они собирались в город, где лучшие мастера Роланса предоставят свои лучшие драгоценности и платья для Костров.

- Почти, - сказала Бри. – Не будь так мрачна, смотри, кто пришёл из храма.

Бри открыла дверь широко, и Элизабет показалась снаружи. Мирабелла улыбнулась.

- Это не хорошо. Люди начнут говорить, что я дружу только с девушками с косами...

После того, как Мирабелла была одета, они с Бри и Элизабет собрались у Вествуд-Хаус. Сара была уже на месте.

- Хорошо, - Сара забралась в карету и постучала в крышу, сигнализируя об отбытии. – Прекрасно, что вы с нами, жрица, - она улыбнулась Элизабет. – Пусть храм одобрит наш выбор.

- Я тут не для одобрения храма, - Элизабет радостно улыбнулась, глядя на город. – Только для королевы.

Губы Сары слились в тонкую линию, и Бри хихикнула.
- Мы всё равно рады, - сказала Сара. – Мира, всё хорошо?
Ты бледна.

- Я в порядке, Сара.

Сара ударила крышу сильнее, и кучер нагнал лошадей.

- Может быть, что-то поешь? Есть еда в парке...

Мургейт-парк был расположен в центральном районе и тянулся вдоль канала. Весной красиво, полон деревьев и камней, фонтанов из слоновой кости. Сейчас же деревья были голы, открыты. Простор для ювелиров и портных, чтобы представить свои товары.

- Надеюсь, портной с Третьей улицы привёл своего красивого сына, - сказала Бри.

- Мне казалось, тебе нравился мальчишка Векстон, - хмыкнула Сара.

Бри откинулась обратно на бархатные подушки.

- Ну нет! На дне рождении Мира он забыл, как целоваться. Столько языка... - она содрогнулась и удобно прижалась к Мирабелле. Девушки рассмеялись. Сара ничего не сказала, но её глаза расширились, а губы почти пропали.

Мирабелла смотрела в окно. Они почти на месте. В центральной части города здания были широки и белы. Трещины скрывались за краской. Тут можно было увидеть, как был прекрасен Роланс, как хорош он будет вновь, когда Мирабелла займёт трон.

- Мы на месте, - сказала Сара, когда карета рывком остановилась. Она разгладила юбки длинного чёрного платья и дёрнула за ручку. – Бри, прошу, никуда не пропади.

- Да, мама, - Бри закатила глаза.

Мирабелла вышла после Сары. Через открытые ворота парка можно было увидеть ювелиров и портных в рядах. И жрицы – всегда на страже.

Бри схватила её за плечи.

- Он тут, - она ухмыльнулась.

Легко понять, кого она имела в виду. Красивый парень со светло-каштановыми волосами стоял рядом с ювелиром. И он уже заметил Бри.

- Он никогда не смотрел на тебя долго, - сказала

Мирабелла.

- Да ну. У меня много лет практики, - Бри схватила Мирабеллу и Элизабет за руки. – Надо узнать, как его зовут.

- Хватит, - оборвала её Сара. Она убрала руку дочери и заняла место у королевы.

- Мама, - застонала Бри, - мы только выбираем драгоценности! Не надо относиться к этому, как к высадке на вражеское поле!

- Публика формально принимает всё, - сказала Сара. – Лучше бы привыкнуть к этому.

Когда они прошли в парк, Сара заметила одну из молодых жриц.

- Королева Мирабелла сегодня не ела. Приготовите ей что-то?

Девушка кивнула и понеслась прочь. Мирабелла на самом деле не была голодна. Сны оставляли её без аппетита. Но разве можно спорить с Сарой?

Купцы переглядывались, когда они подходили. Вествуды покупали что-то мелкое – кольцо, браслет, шарф. Лишь у некоторых смогут взять действительно хорошие платья или множество драгоценностей.

- Могу не глядя сказать, что в первой палатке мы купим только платки, - прошипела Сара на ухо Мирабелле. – Эта женщина ничего не смыслит. Всё у неё жёсткое и тяжёлое, для отравителей.

Подойдя к женщине, Мирабелла увидела, что Сара права. Всё мерцало, всё так близко... Но портная так нервничала и надеялась.

- Это очень тонкие перчатки, - сказала Мирабелла прежде, чем заговорила Сара. – Вы работаете с кожей? – она повернулась к Саре. – Бри нужна новая пара для стрельбы из лука. И маленький Нико уже перерос...

- Да, королева Мирабелла, - сказала торговка. – Я особенно люблю работать с кожей.

Мирабелла покинула стол, чтобы Сара могла обсудить цену, дабы не слышать, как она скрипит зубами. У следующего торговца она выбрала кольца из серебра, в следующей – полированное золото, и Бри тащила её вперёд, дабы встретить

того русого парня.

Послушница вернулась с подносом сыра и хлеба, а ещё маленькой баночкой консервированных томатов. Элизабет забрала его.

- Бри, остановись, - она рассмеялась. – Поедим?

Они остановились в столе от парня, так что Бри грызла сыр очень быстро.

- Надо отвлечь её! – шепнула Элизабет Мирабелле. –

Может, эти халаты? Они прекрасны!

- Не думаю, что её может отвлечь даже самое красивое платье.

Портниха рассматривала Бри. Она миновала палатку.

- Может, вот это? – он повернул что-то к ним.

Мирабелла и Элизабет умолкли, Бри потеряла сыр.

Это не королевское платье, те должны быть черны. А у этого лиф расшит синевой, грозово-синий атлас под чёрной юбкой... Великолепно.

- Да, - Мирабелла повернулась к Бри и с любовью коснулась её косы. – Ты затмишь меня в этом. Все женихи будут смотреть на тебя.

- Нет, - сказала Элизабет. – Это не так, Мира!

Может быть. Чёрные, вороновые волосы и странные чёрные глаза королевы всегда привлекали внимание. Но Элизабет не поняла. Мирабелла не ревновала – она никогда не ревновала Бри.

Сара присоединилась к ним и одобрительно кивнула.

- Три платья, - сказала она. – И это для дочери. Может быть, больше, если мы не найдём ничего такого же прекрасного. Я хочу поговорить с вашим магазином.

- Наконец-то, - прошипела Бри, когда они добрались до ювелира.

- Мы поговорим с его отцом, а не с ним, - сказала Мирабелла. – Как ты с этим справишься?

Бри повела ладонью по подбородке. Купец был маленьким, поправлял жаровню, чтобы сохранить тепло в ожидании. Может, они не элементарны или слишком слабы. Бри обняла Элизабет.

- Милая Элизабет! – сказала она. – Ты дрожишь! – она повернулась к парню. – Может быть, тебе будет лучше у огня!
- Конечно, - кивнула она.

Губы Мирабеллы изогнулись в улыбке, когда он повёл Бри и Элизабет к жаровне. Бри заставила огонь плясать на красных уголках, посмотрела через плечо на Мирабеллу и подмигнула.

- Хорошо, - тихо сказала Сара. – Я думала, надо дать ей немного больше времени для флирта.

Ну, в любом случае, тут было всё так прекрасно.

Выложенные драгоценные камни богато сияли. Рука Мирабеллы скользила по ожерелью с тремя ярко-красными камнями на короткой серебряной цепочке. Даже на столе в зимнем свете они будто горели.

- Хочу это на королевскую ночь.

После покупок они вернулись к повозке. Мирабелла держала огненное ожерелье в бархате на коленях. Она не могла дожидаться, как покажет Луне. Жрице понравится! Может, после королевской ночи Мирабелла ей его подарит...

- Ну? – спросила Мирабелла. – Как его зовут?

Бри усмехнулась, и Элизабет устроилась рядом, рассматривая оставшиеся украшения.

- Самюэль, - торжественно провозгласила она. – Скоро я опять его увижу!

Сара подняла бровь.

- Когда это закончилось, - сказала она. – Есть некоторые новости. С Волчьей Зимы, представь себе!

- Новости? – спросила Бри. – Какие?

- Кажется, там жених. Делегация прибыла рано.

- Но так нельзя! – сказала Мирабелла. – Храм знает? – она посмотрела на Элизабет, но та лишь пожала плечами.

- Знает, - кивнула Сара. – Это первая делегация... Они теперь в таком недостатке. Надо позволить им найти свой путь

тут, в незнакомом месте... И он привёл Джозефа Сандрина из изгнания.

- Я так давно слышала это имя, - Мирабелла часто об этом думала. Каждый раз, как вспоминала Арсиною. Мальчик, что пытался с нею бежать. Когда их поймали, он плюнул в Натали Аррон.

Теперь он привёл жениха Арсиной. Должно быть, трудно, если он был сам влюблён в неё...

- Думаю, ты с ним встретишься, - сказала Сара.

- С Джозефом?

- С женихом. До костров. Мы организуем его приезд. С одобрения храма, конечно.

- Это позорно, - сказала Бри. – Столько женихов, а выбрать одного. Но эти женихи... - она довольно содрогнулась. – Порой я жалею, что не королева.

Мирабелла нахмурилась.

- Никогда так не говори.

Все поняли её тон.

- Это лишь шутка, Мира, - мягко сказала Бри. – конечно, я не хочу этого. Никто не хочет быть королевой.

Грэйвисдрейк-Мэнор

Большая библиотека в Грэйвисдрейк была одной из любимых комнат Катарины. Большой камин излучал тепло, разве что не трогал тёмные углы, вокруг были высокие полки и массивные кожаные кресла, где можно скрыться от пощёчин Женевьевы и яда. Сегодня, хотя огонь догорал, они сидели с Пьетром вместе. Он открыл три окна, и теперь тут было полно света. Тепло от солнца улучшало самочувствие, и она чувствовала себя спокойнее.

Пьетр протянул ей кусок хлеба с мягким сыром из овечьего молока. Он собрал пикник на ковре – лучшая пища, что смог найти. Как прелестно с его стороны, даже если он просто её откармливал.

- Попробуй крабовое суфле, - сказал он, - до того, как оно остынет.

- Хорошо, - отозвалась она.

Она взяла кусок хлеба и сыра, но было трудно. Даже самые лучшие продукты казались грязью, когда приходила тошнота.

Она коснулась повязки на запястья.

- Что на этот раз? – спросил Пьетр.

- Змеиный яд.

Прежде этим её отравляли. Но на сей раз порезали, чтобы было большее, ибо Женевьева ненавидела её за Черноту. Пьетр посмотрел на рану и явно расстроился.

- Когда тебя коронуют, не придётся это делать.

Он дал ей маленькую тарелку с яичницей, икрой и сметаной. Она откусила и попыталась улыбнуться.

- Это не улыбка, Катари, а гримаса.

- Может, не стоит откладывать это до обеда, - предложила она.

- И ты пропустишь ещё два приёма пищи? – он покачал головой. – Надо восстановить твой аппетит. Попробуй тесто или хотя бы сок.

Катарина рассмеялась.

- Ты лучше всех! Даже лучше Жизель!

- Я? – он изогнул бровь. – Я прежде не пробовал. Мой дом хорошо укреплен и управляем Маргрет, хотя мне не хочется это признавать. Я всю жизнь служил.

- Тогда ты узнаешь всё сам, - сказала она. – Ведь много всего... Ты как Аррон. Неужели ты хочешь покинуть страну? Что тебе Натали обещала?

- Место в совете после твоей коронации. Но ты важнее.

Он так посмотрел на неё, что она покраснела. Ему это нравилось. Он говорил, что Мирабелла – гордячка, что не покажет своё удовольствие от кого-то.

- Отравительницы хороши для острова, - он скормил ей ещё кусочек хлеба. – Сотни лет они на месте. Вествуды слишком высокомерны, если думают, что могут быть лучше.

- Вествуды и храм.

- Да. Храм. Не понимаю, почему они считают себя столь ущемлёнными. Почему должны полностью завоевать сердце народа... но это так.

Пьетр ел хлеб с яблочным желе. Он не воротил нос от нормальной пищи, как прочие Арроны. Он не давал Катарине чувствовать себя слабой.

- Тут пахнет пылью, Катари. Не понимаю, почему тебе это нравится.

Катарина посмотрела на высокие стопки книг в кожаных переплётах.

- Королева Катарина любила их... Любила читать о королевском материке. Знаешь, от кого Арсиноя получила своё имя?

- Нет.

- На материке была королева, которую убила сестра, Арсиноя. Когда она родилась слабой, её так называли... Арсиноя-Природа...

- Так зло называть младенца... Я почти её жалею.

- Королева знает о рождении. Знает о Даре. Даже тогда мы являемся королевами. Бездарность не имеет прощения.

- У тебя, в любом случае, прекрасное имя, Катарина-отравительница. Она знала, что взрослой ты будешь милой и вдумчивой... - он провёл пальцем по её щеке. – И справедливой.

- Достаточно яркая, чтобы привлечь всех? – спросила она. – Я и вправду такая?

- Да. Представь себе выражение лица Мирабеллы, когда все будут её игнорировать. Может быть, она будет так расстроена, что спрыгнет со скал в Ролансе. Это было бы очень удобно. Тогда Катарине не придётся её отравлять в замке.

Катарина рассмеялась.

- Что? – спросил Пьетр.

- Я думала об Арсиное. О том, как легко и грустно будет её убивать после смерти Мирабеллы.

Пьетр рассмеялся. Он привлёк её к себе.

- Поцелуй меня, - промолвил он – и она повиновалась. Она становилась смелее – и нежно прикусила губу.

Он так красив... Она могла целовать его весь день и не устать.

- Ты быстро учишься.

- А ты? Со сколькими ты практиковался, Пьетр?

- Со многими. Почти с каждой в нашем доме, с большинством в деревне... С некоторыми разборчивыми друзьями моей матушки.

- Я не должна была спрашивать, - надулась она.

Он провёл ладонью по её колену, и Катарина рассмеялась. Столько девушек. Женщин. И он её – только её сейчас.

- Ты не можешь находить меня куда более плохой, после стольких лет попыток? – спросила она.

- Нет, - он смотрел ей в глаза. – Никогда. Сложнее всего

понять, что я думаю...

- Что?

- Вспоминать, почему я тут. Сделать из тебя королеву-искусительницу. Чтобы ты получила поддержку на кострах.

- А поддержка имеет значение? Они не помогут убить сестёр.

- У любимой королевы много глаз и ушей. Поддержка важна после коронации.

Желудок Катаринины сжался, отталкивая еду.

- Это всё давление и ожидание... У меня не выйдет, как на день рождения.

- Ты не подведёшь, - сказал Пётр. – Когда ты ступишь во время костров, никто не будет смотреть на твоих сестёр. Когда женихи тебя увидят, о других королевах они забудут.

- Но Мирабелла...

- Забудь Мирабеллу. Надменную и жёсткую. Ты будешь улыбаться. Флиртовать. Будешь той королевой, как им хочется. Если я смогу научить тебя стоять прямо.

- Прямо?

- Ты весьма кротка, когда идёшь, Катарин. Я хочу, чтобы ты ходила, как повелительница. Иногда, даже кажется, что ты бегаешь туда-сюда...

- Ох...

Она рассмеялась и толкнула его. Он упал на ковёр и тоже рассмеялся.

- Ты прав. Я мечусь. Как крыса, - она улыбнулась. – Но это закончится. Ты научишь меня, и они забудут свои имена с одного взгляда.

- С одного взгляда? – переспросил Пётр. – Смело.

- Но я это сделаю. И тебя заставлю забыть, - Катарина опустила глаза.

- Забыть это?

Она смотрела на него снизу вверх.

- Нет, другое.

Когда Натали взяла Катарину в Волрой, причина была одна – отравить пленника. Она никогда не заходила во дворец. Не сидела на сессии Чёрного Совета, слушая их рассказы о

налогах на фрукты Природы или стекло Роланса. Она не встречалась с представителями последнего короля-консорта от материка, когда они приходили со своими интересами. Но это нормально, говорила Натали, до коронации.

- Он судим в Кэнора, - сказала Натали, когда они выходили у Индрид-даун, видя Волрой. – За убийство. Жестоко, ножом. Это не долго – определять наказание.

Повозка на мгновение остановилась на улице Эджмур, где находились боковые ворота дворца. Катарина запрокинула голову назад, прячась в темноте, но было слишком близко, чтобы увидеть шпили. Когда её коронуют, она будет там жить – но её никогда не интересовал Волрой. Вопреки величеству шпилей, это было слишком формальным и твёрдым. Больше окон и света, чем в Грэйвисдрейк, но всё ещё холодно. И столько прихожих, музыка шагов в них...

Катарина отклонилась от окна, скрываясь за шторкой.

- Женестьева и Лукиан тут сегодня? – спросила она.

- Да. Может быть, мы встретимся за обедом. Я могу сделать так, что Женестьева будет сидеть за отдельным столом.

Катарина улыбнулась. Женестьеве до сих пор не позволили вернуться в Грэйвисдрейк. Натали предпочитает держать дом в тишине. Если повезёт, то её пустят только после окончания Белтейна.

Повозка остановилась, и они вышли и проскользнули в здание. Люди, что проходили мимо, почтительно кивали паре в наглухо застёгнутых шерстяных пальто, скрывающихся за тёплыми чёрными шляпами. Катарина была осторожна и потянула рукава вниз, чтобы скрыть повязку Женестьевы, струпья да волдыри. Всё уже почти зажило, куда быстрее, чем она ожидала. Благодаря Пьетру она стала здоровее и сильнее. Большинство шкурок уже отшелушивалось, оставляя место для свежей и здоровой кожи, а шрамы не появлялись.

На лестнице, что вела к изоляторам, Катарина остановилась. Подземелья всегда её смущали, а у клеток был такой неприятный запах... Холодный, грязный лёд. Даже ветер спасается от Волроя и не приносит сюда ничего.

- А убийство – его единственное преступление? – спросила Катарина, когда они осторожно спускались вниз по каменным

ступеням. Камеры, как правило, оставлялись для особо важных заключённых. Совершивших преступление против королевы.

- Может быть, он бы остался в Кэноре после суда, - призналась Натали. – Но мне кажется, ты можешь ещё раз попрактиковаться.

Внизу запах льда сменился истинным ароматом человека: грязи, пота, страха. Стало теснее, а факелы распространяли его. Натали сняла своё пальто, и стражник подал ей руку, забирая его, прежде чем они прошли сквозь узкий проём. Другой стражник открыл последнюю огромную металлическую дверь, так сильно толкнул её, что сталь завизжала.

Из множества камер на нижнем уровне только одна была занята. Заключённый сидел в дальнем углу, прижав колени к груди. Он казался грязным, усталым, чуть старше обыкновенного мальчишки.

Кэтрин сжалась. Осуждён. За убийство. И страшно, как он выглядит сейчас – нельзя представить, что он делал это.

- Кого он убил? – спросила она у Натали.

- Другого мальчишку, на пару лет старше.

Они дали ему солому и одеяло. Остатки скудного завтрака валялись в углу рядом с ним, маленькая металлическая кружка и оцарапанная тарелка оказались в руках. Прутья, что их разделяли, были прочны, но она была бы в безопасности, даже если бы они оказались из ткани. Жизнь вытекла из него за дни, проведённые в тюрьме.

- Как тебя зовут? – спросила она, краем глаза заметив, как нахмурилась Натали. Имя не имело значения, но она хотела бы знать.

- Вальтер Миллс.

Его глаза расширились. Он знал, что она сделает.

- Вальтер Миллс, - мягко промолвила она, - почему ты убил того парня?

- Он убил мою сестру.

- Но почему тогда ему бы не оказаться тут вместо тебя?

- Потому что они не знают, может, она сбежала.

- Почему ты думаешь, что это не так? – скептически уточнила Натали.

- Просто. Она бы не ушла.

Натали наклонилась к уху Катарины.

- Мы не знаем, правда ли это. Он судим. Виноват. И в любом случае, вряд ли мертвеца можно допросить, - она вздохнула. – Ты достаточно увидела?

Катарина кивнула. Ничего не поделать. Совет определил наказание. И теперь она знала, что должна. Преступление. Причины. Здоровье, возраст, вес.

- Пожалуйста... - прошептал мальчишка. – Помилуйте...

Натали положила руку на плечи Катарины и повела её.

Катарине не обязательно участвовать в казнях до коронации.

Но нет конца струнам, за которые тянет Натали. Катарина ходила с нею на казни с того момента, как её увезли из Чёрного Коттеджа.

Внутри камеры, высоко в северной башне, Катарина расстегнула пальто и бросила одну из любимых шляп Натали на стул. Перчатки она лишь подтянула. Они плотны, защитят, если яд разольётся.

- Есть ли сведения о преступлении? – спросила она.

- Нож с коротким лезвием, - ответила Натали. – По словам целителя, шестнадцать ударов.

Шестнадцать ударов. Слишком много – ярость. Гнев мог вызвать доверие к мести Вальтера Миллса. Но она не могла знать. Это так трудно...

Шкафы с ядами занимали две стены в комнате. Коллекция накопилась за годы, постоянно росла после бесчисленных экспедиций Арронов по островам и на материке. Травы, сушеные ягоды со всех континентов, каждый отдельно – и в каталоге. Пальцы Катарины скользили по ящикам, она бормотала названия ядов, когда проходила мимо. Однажды она использует их, чтобы отравить Катарину и Арсиною. Хотя это лишь мечты. Но с Вальтером Миллсом она не будет особо творческой.

Она остановилась на ящике со знакомыми флаконами. Яд обеспечит медленную и кровавую смерть, разорвёт каждый орган.

- Парень, которого он убил, - спросила она, - умер сразу?

Или долго страдал?

- Сутки.

- Никакой пощады.

- Ты так думаешь? – спросила Натали. – Вопреки возрасту?

Катарина бросила взгляд на Натали. Она не часто выступала за милость. Но хорошо. Ладно, не это. Вместо того Катарина открыла ящик и указала на баночки с сушёной корой ядовитого дерева.

- Хороший выбор.

Яд гайка находился в стеклянной банке. Всё так бережно уложено... Даже ящики и полки шкафов специально устроены, чтобы яд не выпал из них и не испортил всё, если разольётся. Меры предосторожности, вероятно, спасли множество нерадивых служанок от мучительных смертей.

Катарина положила яд на один из длинных столов и взяла ступку с пестиком. Кувшин с водой и маслом превращал это в смесь. К яду она добавила пудру ивы, чтобы уменьшить боль, валерьяну, чтобы подавить страх. Большая доза, смерть не остановить, но это будет милостиво.

- Натали, - сказала она, - ты можешь попросить о кувшине хорошего сладкого вина?

Она всегда присутствовала при вводе. Натали держалась правил. Как Королева, Катарина должна была знать, что делает, видеть, как они борются с цепями и против тех, кто вливает в них яд. Она должна видеть, как толпа на площади их пугает. Сначала было трудно. Но прошли годы, и Катарина научилась держать глаза широко раскрытыми.

Глубоко под Волроем Вальтер Миллс сидел у задней стенки камеры и обнимал колени.

- Так быстро, - промолвил он. – Вы меня отсюда заберёте?

Во двор, чтобы смотрели люди?

- Королева предоставила вам милость, - сказала Натали. – Вы умрёте тут, наедине.

Она смотрела на кувшин в руках Катарины и молча плакала.

- Стража, - сказала Катарина, направившись к ним. – Стол и три стула. Две чашки.

- Что вы делаете, королева Катарина? – тихо спросила Натали. Но она не останавливала её.

- Откройте камеру, - промолвила Катарина после того, как стражник принёс стол. – Поставьте его для троих.

На мгновение Вальтер покосился на открытую дверь, паникуя, зная, что это бесполезно. Катарина и Натали сели, и Катарина налила вино в бокалы. Вальтер смотрел, как она это делала, словно ждал шипения или дыма. Но ничего не случилось – только странный сладкий аромат в комнате.

- Он убил мою сестру, - сказал он.

- Тогда ты должен был привести его к нам, - сказала Натали. – Мы б с ним справились, уж поверь.

Катарина попыталась ласково улыбнуться.

- Думаешь, я просто хочу выпить? – спросил он.

- Думаю, это большая честь, - сказала Катарина, - сделать последний глоток с главой Арронов. Думаю, это лучше – говорить и пить, пока не уснёшь, чем подняться наверх и задохнуться.

Она протянула бокал. Вальтер колебался несколько минут, рыдал, но потом сел.

Натали заняла первый стул. Понадобилось много времени, но Вальтер воззвал к мужеству и выпил – даже смог не плакать.

- Это... - он сделал паузу. – Прекрасно. Вы не пьёте, королева Катарина?

- Я никогда не вкушаю свои яды.

Тень мелькнула на его лице. Он думал, что теперь знает, что слухи верны, а никакого дара нет. Но это не имело значения. Яд был в его животе.

Вальтер Миллс пил, и Натали следовала с ним, пока он не покраснел и не опьянел. Они говорили о приятном. Его семья. Детство. Он ослаблял дыхание, пока глаза наконец-то не закрылись и он не рухнул на стол. Пройдёт время, и его сердце остановится.

Натали смотрела на Катарину и улыбалась. Её дар к ядам мог быть слаб или вообще отсутствовать, но она так опытна в отравлении.

Волчья Весна

Джулс знала, что когда Джозеф вернулся домой, многое изменилось. Она не ожидала, что он плавно вошёл в её

жизнь. Она даже не знала, отыщет ли он ей место столько лет спустя. Пять лет, казалось, это не так уж и много, но Джозеф за это время превратился в молодого мужчину. Может быть, его мир шире, чем Джулс, что искала своё место на юго-западе острова Феннбёрн.

Но это его дом. Его семья перевела дыхание. А он с Джулс был и после того, как они исчерпали свои запасы любезностей.

- Ты замёрзла? – спросил он, когда они прогуливались по улице мимо паба "Голова Льва".

- Нет, - сказа Джулс.

- Замёрзла, замёрзла. Твоя шея вжимается в плечи, - он осмотрел улицу. Зайти было некуда. Они оба устали от старых любителей посмотреть на них и подозрительные взгляды от народа, что ненавидел материк.

Лёгкий снег начинал падать, и Камдэн рычала и отряхивала свою шерсть. Делать нечего. Они должны признать, что пора сказать спокойной ночи друг другу, но оба ненавидели расставания.

- Я знаю местечко, - сказал Джозеф и улыбнулся.

Он взял её руку и быстро повёл по улице, к бухте, где была пришвартована лодка из материка.

- Тут сегодня только экипаж. Мистер Чартворт и Билли остановились у Волвертона, пока не отбудет.

- Он? – переспросила Джулс. – Ты имеешь в виду "они"?

- Билли не уйдёт. Он остаётся, остаётся до Белтейна. Он хочет узнать Арсиною. Я думаю, мы можем познакомить их совсем скоро. Сделать пикник у пруда. Взять огонёк...

Он взял её руку и потянул по склону к докам. Судно покачивалось в воде. Иллюминаторы и паруса светились под

луной. Как для ночи, это был слишком яркий свет для Волчьей Зимы.

- Ты хочешь, чтобы он был королём-консортом, - сказала Джулс.

- Конечно, да. Мой приёмный брат и Арсиною на троне, мы с тобой в совете – разве можно придумать что-то приятнее!

- Мы в совете? – издевательски протянула Джулс. –

Максимум персональная стража! Конечно, ты всё уже так распланировал, Джозеф...

- Ну, хорошо, у меня было пять лет, чтобы подумать об этом. Они пересекли трап, и Джулс протянула руку, чтобы уговорить Камдэн.

- Она боится лодки?

- Нет, но не любит её. Мы иногда выходим, с Мэтью, помогаем рыбачить.

- Рад, что ты осталась рядом, - сказал Джозеф. – После того, как Караф ушла. Кажется, когда ты рядом, ему немного легче. Это ублюдки у него отнять не смогли.

- Да, - сказала Джулс. Мэтью всё ещё любил её тётушку Караф, и она надеялась, что так всегда будет.

Джулс оглянулась. Палуба была отполирована, всё казалось чистым. Ничего не воняло рыбой. Чёрные паруса были туго связаны. Но, конечно, Чатворты воспользовались лучшим судном. И Чатворты были важной семьёй, откуда б ни прибыли, иначе как бы их сын стал женихом?

- Джулс, сюда.

Джозеф повёл её вниз к каютам, бесшумно крадясь и избегая экипажа. Они прошли сквозь маленькую дверь в крошечной темноте, пока он не зажжёт лампу. Комната была так же мала, с койкой и письменным столом, несколькими предметами одежды в шкафу. Кэм встала на задние лапы и принялась обнюхивать всё.

В лодке было тепло, и Джулс сняла шарф. Но ей нужно было что-то, чтобы прикрыть лицо.

- Не знаю, как тебе сказать... - проронила она. – Я хочу, чтобы всё было так... как раньше.

- Знаю, - сказал Джозеф. – Но мы не сможем играть больше в рыцарей...

- Конечно, ведь нет Арсиной в качестве дракона!

Они рассмеялась, вспоминая.

- О, Джулс... - простонал он. – Почему я вернулся сейчас? Во время Вознесения? Каждое мгновение уже украдено...

Джулс сглотнула. Это был толчок – услышать его путь. Он никогда не говорил об этом в детстве. Даже когда слишком высказывал свою привязанность.

- У меня есть кое-что для тебя... - сказал он. – Теперь это покажется глупым.

Он прошёл к письменному столу и открыл ящик. Внутри была небольшая белая коробочка, перевязанная зелёной лентой.

- Это подарок на день рождения, - промолвил он.

Никто никогда не праздновал день рождения Джулс. Она была зачата во время костров, как королевы. Это считалось счастливым, все должны быть одарены, но сие – ужасный день рождения. Забытый всеми.

- Открой.

Джулс потянула за ленту. Внутри коробочки было тонкое серебряное кольцо с тёмно-зелёными камнями. Джозеф взял его и надел на палец.

- На материке это означало бы, что ты станешь моей женой,

- тихо промолвил он.

Одно кольцо в обмен на брак? Должно быть, он шутит, но это кажется таким серьёзным...

- Оно прекрасно.

- Да, но это не то. Я должен знать...

- Оно слишком прекрасно для меня?

- Нет, - быстро проговорил он. – Я имел в виду, ты не должна делать вид, что тебе нравится. Тебе не придётся его носить...

- Но я хочу!

Джозеф наклонился и поцеловал её руку. Она вздрогнула, хотя губы были теплы. Он смотрел на неё с надеждой и трепетом, и она знала, что это правда. Они выросли.

- Я хочу, чтобы всё было так, как будто меня не ссылали. Я не позволю отобрать им у меня тебя. Никогда.

- Лука, этот торт сух.

Арсиноя сделала глоток чая, запивая его. Лука всегда выпекал лучше всех на острове. Он всегда пробовал новые рецепты из книг на полках, которые никак не мог продать.

- Знаю, - Лука вздохнул. – Не хватило яиц. Иногда я жалею, что Хэнк – петух.

Арсиноя толкнула свою тарелку по прилавку, и чёрно-зелёный петух склёвывал крошки.

Джулс придёт в магазин совсем скоро с Джозефом. Они наконец-то увидятся. Джулс сказала, что он не винит её за

изгнание. Наверное, это правда, но не меняет того факта, что она всё-таки виновата.

Джулс и Джозеф наконец-то вместе, и Арсиное этого хватало. Джулс была так счастлива, что оказалось трудно находиться рядом с ней. Кажется, сожжённый локон Мадригал не оказал на неё совершенно никакого действия.

Арсиноя не сказала никому, даже Джулс, о походе к тому дереву. Не сказала о том, что должна идти туда снова из-за любопытства. Это призовет только одну реакцию. Низменную магию одарённые не одобряют. Королева должна сторониться её. Она это знала и не желала слышать лекции от Джулс. Шаги на дощатом полу прозвучали сразу же после звона латунного колокола Луки. Арсиноя глубоко вздохнула,

пошатываясь. Она так боялась увидеть Джозефа, как и Джулс, и была почти столь же возбуждена. Может быть, он был в первую очередь другом Джулс, но и её тоже. Один из немногих, что у неё когда-либо были.

Она обернулась с кучей крошек от торта на пальто, нервно хмурясь...

Джулс и Джозеф были не одни. Они с собой привели парня. Арсиноя сжала зубы. Она едва знала, что скажет Джозефу, а теперь должна обмениваться любезностями с незнакомцем. Джулс, Джозеф и тот парень смеялись и заканчивали какой-то личный весёлый разговор. Когда Джозеф увидел Арсиною, его улыбка стала ещё шире. Она скрестила руки на груди.

- Вы только посмотрите, как он смотрит, - протянула она.

- Ты... - протянул Джозеф. – Ты никогда не выглядишь, как полагается королеве!

Джулс молча усмехнулась, но Арсиноя громко рассмеялась и обняла его. Она была не столь высока, как он, но почти дотянулась. Конечно же, она куда выше Джулс.

- Лучше остаётся всё так же, - протянул Лука и похлопал Джозефа по спине, а после пожал ему руку. – Джозеф Сандрин, мы так долго ждали тебя.

- Лука Гиллеспи... - протянул Джозеф. – Столько лет миновало. Привет, Хэнк!

Петух на прилавке склонил голову, и в магазине притихли.

Арсиноя пыталась подобрать слова. Ещё минута молчания, и

она не сможет игнорировать незнакомца, что они привели. Но она не столь быстра.

- Хочу, чтобы ты с кем-то познакомилась, - Джозеф повернул её к незнакомому парню его роста, с тёмно-русыми волосами и выражением лица, что выдавало самодовольство. – Это Уильям Чатворт Младший, его семья в этом году имеет делегацию. Он один из женихов.

- Слышала об этом, - отозвалась Арсиноя.

Парень протянул руку – она взяла её и коротко сжала.

- Можете называть меня Билли, все так делают, кроме отца,

- промолвил он.

Арсиноя сузила глаза. Она бы с удовольствием свернула Джулс шею, если б Камдэн не смотрела на неё. Ведь она думала, что увидит старых друзей, а оказалась в засаде у нежелательных новых.

- Итак, младший, - сказала она. – Сколько ослов на Чёрном Совете получило взятку, чтобы вы сюда попали так рано? Она мило улыбнулась.

- Понятия не имею, - он улыбнулся в ответ. – Мой отец часто таскает всё в семье. Пойдёмте?

Коварный план Джулс и Джозефа заключался в пикнике на Кизиловом Пруд. Костёр, жареное мясо на палочках. Арсиноя надеялась, что Билли Чатворт будет разочарован. Потрясёт отсутствием величия. Шокирован её неприличностью. Но если так и было, то он сие не продемонстрировал. Казалось, он был действительно счастлив идти к пруду, по колено утопая в сугробах.

- Арсиноя, - шепнула Джулс. – По крайней мере, перестань хмуриться!

- Нет! Вы не должны так поступать, надо было предупредить меня.

- Если б я тебя предупредила, ты бы не пришла. К тому же, это должно было случиться когда-нибудь, ты – причина его прибытия!

Но это верно лишь отчасти. Женихи принадлежат всем королевам, но попытаются сделать правильный выбор.

Коронованную. Только не её. Если он рад увидеть её, то только ради практики перед тем, как встретит Мирабеллу и Катарину.

- Это могло случиться позже. Я думала, мы просто побудем втроём, как тогда.

Джулс вздохнула, словно для этого было время. Но если у Арсиной чего никогда не было, так это много времени. У пруда парни бегали туда-сюда, разжигая огонь. Конец декабря выдался не слишком холодным. Если солнце выглянет из-за туч, то снег даже будет таять. Камдэн носилась по снегу и толкала его, обращая всё в снежные ливни. Арсиная должна была признать, что это хороший день, даже с этим парнем.

- Ну? – спросила Джулс, когда Билли и Джозеф оказались далеко. – Что ты о нём думаешь?

Арсиная прищурилась. Билли Чатворт носил одежду островного, но она плохо сидела. Он был всего на пару дюймов ниже Джозефа, и его рыжеватые волосы предательски выдавали форму головы.

- Он не так красив, как Джозеф, - поддразнила Арсиная, и Джулс залилась краской. – У Сандринов фирменный подбородок. И глаза... - она ткнула Джулс в бок, пока та не рассмеялась и не отмахнулась от неё. – Но... Что ты думаешь?

- Не знаю, - промолвила Джулс. – Он сказал, что у него был кот, как у меня, в детстве. С синим и зелёным глазами. Сказал, что он был рождён глухим.

- Обаятельный, - протянула Арсиная.

Они добрались до пруда. Джозеф вытащил мясо для запекания, и Камдэн подобралась к нему. Огонь уже разгорелся, окрашивая деревья и лёд вокруг в ярко-оранжевый.

Арсиная добралась до ближайшего дерева и сорвала ветки для себя и Джулс. Они вместе заточили их ножами. Время плыло, и Арсиная использовала длинные, опасные удары.

- Вы... - Билли откашлялся. – Может быть, мне стоит сделать это для вас?

- Нет, - ответила Арсиная. – Я сделаю это для вас.

Она взяла кусок мяса из пакета, и заострённый кончик ветки пронзил его, как сливочное масло. А после запихнула прямо в пламя и прислушалась к шипению.

- Благодарю, - промолвил он. – Никогда не встречал девушку, что так владеет ножом. Но прежде я не встречал

девушку с тигром.

- Она горная кошка, - Джулс бросила Кэм кусок сырого мяса.

- Тут тигров нет.

- Но ты бы смогла? - спросил Билли. - когда-нибудь?

- Что ты имеешь в виду?

- Может ли кто-нибудь из вас быть настолько сильным, чтобы призвать одну из-за моря?

- Может быть, я, - пропела Арсиноя. - Может, именно потому надо так долго ждать...

Она улыбнулась Джулс, что заостряла вторую палку.

- Не могу представить себе настолько сильный дар, - отозвалась Джулс. - Я одна из самых сильных людей Природы на острове, а дальше глубоких вод побережья сил не хватает.

- Ты ещё не знаешь, - ответила Арсиноя. - И уверена, смогла бы, если б попыталась. Могу поспорить, ты бы призвала что-то, Джулс.

- Я тоже так думаю, - кивнул Джозеф. - Она стала так сильна с той поры, как я ушёл...

Мясо снимали с вертелов и ели в тишине. Оно было вкусным - нежная мраморная говядина. Аврора собиралась было позволить соку течь по подбородку, но решила, что это уже слишком.

Тем не менее, она не говорила, пока Джулс не толкнула её ногой.

- Как вам остров, младший?

- Я влюблён в него, абсолютно! - промолвил он -

Абсолютно! Джозеф рассказывал мне о Феннбёрне с той поры, как он прибыл, чтобы быть с нами. Приятно видеть его, вас и Джулс, о которой я слышал ещё чаще.

Арсиноя поджала губы. Прекрасный ответ. И так хорошо поставлен...

- Полагаю, я должна поблагодарить вас за заботу о Джозефе,

- сказала Арсиноя. - Он сказал вам, что я - причина его изгнания?

- Арсиноя, - остановил её Джозеф. - Не надо. Если б я мог повернуть время вспять, я поступил бы точно так же.

- Но я, - промолвила она, - слишком скучала о тебе.

- Я тоже скучал, - он взял Джулс за руку. - За вами обеими.

Они должны быть наедине. То, как Арсиноя относилась к Джозефу, и рядом не стояло с чувствами Джулс.

Арсиноя запихнула последний кусочек мяса в рот, а после поднялась.

- Куда ты? – спросила Джулс.

- Чтобы кое-что показать младшему, - сказала она. – Мы ненадолго, - она подмигнула Джозефу. – Или не слишком надолго... - Арсиноя повела его через деревья по узкой каменной тропинке, где её терзали ветра над холмами. Тут было опасно ходить зимой, если не знаешь земли. Она почти чувствовала себя виноватой. Но если он хочет стать королём-консортом, то должен пройти и через что-то похуже.

- Это тропа? – спросил он за её спиной.

- Да. Можно понять по отсутствию деревьев и кустарников на ней.

Камни были остры, покрыты льдом в большинстве своём. Падение гарантировало ушибленный локоть или колено. Неверный шаг мог убить. Арсиноя шла так быстро, как позволяла совесть, но Билли не жаловался. И не пытался её успокоить. А он учился очень быстро.

- Правда ли, что на материке нет дара? – спросила она.

- Дара? А, магии... Да, это правда.

Это не так, на самом деле, то, что она имела в виду. И не так, хотя он может не знать, ведь низменная магия есть повсюду. Так сказала Мадригал.

- Говорят, что вы что-то когда-то сделали, чтобы потерять волшебство.

- Кто "они"? Кто рассказывал такие дикие истории?

- Ну это странно, быть без дара. Материк – удивительное место.

- Только для посторонних, поверьте. И перестаньте называть его "материк", вы знаете эти земли.

Арсиноя ничего не ответила. Есть остров, а всё за ним – материк. Так всегда было. Так всегда будет для неё, потому что она не сможет увидеть мир иначе.

- Вы увидите мир когда-нибудь.

- Не я, королева.

- А вы не королева? А что, похожа. Волосы черны, как ночь, и

глаза такие же.

- Прелестно, - пробормотала себе Арсиноя под нос. Она усмехнулась. Нет, она так легко не сдастся.

Они взобрались на верх холма и достигли пропасти.

- Там, - кивнула Арсиноя, - лучше всего видно Волчью Зиму и остров. Дом Сандринов... зимний рынок, ваша лодка в гавани.

- Это прекрасно, - он оглянулся. – А что это за пик?

- Гора Хорн. Я родилась на острове, в её тени, в лощине Чёрного Коттеджа. Но отсюда не разглядеть.

Билли запыхался. Это её радовало. Она лишь немного отогрелась из-за шарфа. Когда он взял её за руку, это было так неожиданно, что она даже не попыталась рвануть прочь.

- Спасибо, что показываете всё это. Уверен, увижу куда больше перед венчанием с вами. Или короля-консорта коронуют? Никогда не слышал об этом ничего ясного.

- Вы очень упрямы, - она высвободила руку. – Но я совсем не дура.

Она улыбнулась ворчливой улыбкой, словно Джозеф.

Однобоко и коварно. Может быть, он узнал его в этом жесте.

- Всё в порядке, в порядке... - пробормотал он. – Бог мой, это так трудно...

- Будет только хуже. Может быть, стоит вернуться домой?

- Я не могу.

- Почему нет?

- Корона, разумеется, и всё прочее. Торговые права на Феннбёрн. Мой отец мечтает об этом.

- И вы думаете, что я могу помочь это заполучить.

Билли пожал плечами. Он задумчиво смотрел на бухту.

- Так думает Джозеф. Надеюсь, это правда. Это сделает его счастливым. Он не обрадуется, если ты умрёшь, а я женюсь на другой королеве.

Арсиноя нахмурилась. Джозеф не хочет, но ему придётся привыкнуть к этому. Всем придётся. Даже Джулс.

- Это всё так странно, - проронил Билли. – Я сел в лодку в заливе, проплыл через туман, и там оказался Феннбёрн, хотя прежде его никогда не было во время моих путешествий в том направлении. И теперь я участвую во всём этом безумии.

- Ищите сочувствия? – спросила Арсиноя.

- Нет. Никогда. Я знаю, то, что предстоит вам, хуже. И мне нравится, что вы делаете это только сейчас. Вырываете руку. Заставляете прийти сюда. Слишком мало девушек сделали бы это там, откуда я родом.

- Есть много разных тут, - сказала Арсиноя. – Вскоре вы от нас устанете. Только не тратьте время на меня, да? Я не... За мной не стоит ухаживать.

- Хорошо, - он протянул ей ладонь. – но мы некоторое время будем соседями. Так что, может быть, вы примете мою руку и позволите не оступиться на предательском пути?

Арсиноя улыбнулась и сжала руку Билли. Он понравился ей куда сильнее, когда они поняли друг друга.

- Как думаешь, что они сейчас делают? – спросила Джулс, встряхивая пламя.

- Думаю, всё идёт по плану, - откликнулся Джозеф.

Он придвинулся к ней по снегу. Он был тёпл, как и огонь.

Джулс провернула кольцо на пальце. На материке это означало бы, что он хочет её в жёны, сказал он. Но на острове это просто кольцо. Она до сих пор не нашла в себе мужества спросить, что он имел в виду.

- Рано говорить... Она не может пока что полюбить его. И он ещё должен встретить других королев.

- Да, да... но не захочет. После всего, что я рассказал ему про Арсиною, думаю, он наполовину в неё влюблён.

Джулс не знала, что Джозеф мог рассказать о ней, чтобы заставить кого-то влюбиться, ведь они расстались детьми. Но если это ложь и приукрашивания, то Билли очень скоро узнает всю правду.

- Это будет странно – если её коронуют, - сказал Джозеф. – Склонять голову, когда она говорит.

- Это надо будет делать только перед людьми.

- Думаю, да. Но трудно склонять голову после всего этого.

Вероятно, я забуду поклониться ещё и главной жрице, а потом меня вновь сошлют.

- Джозеф... - Джулс рассмеялась. – За это точно не сошлют!

- Нет, - ответил он. – Но там всё иначе! Там мужчины не дрожат, когда женщины говорят...

- Никто не должен дрожать. Потому и надо изменить

Чёрный Совет!

- Конечно. И мы это сделаем.

Он обнял её, коснулся её кольца, её волос...

- Джулс... - пробормотал он, а после наклонился, чтобы поцеловать её.

Она отшатнулась, когда их губы соприкоснулись. Джозеф растерянно отодвинулся от неё.

- Сожалею... Я не знаю, почему я это сделала...

- Всё в порядке.

Она не чувствовала себя в порядке. Но Джозеф не уходил. Он остался и держал её ещё крепче.

- Джулс, что-то случилось? Кто-то был после... после того как я ушёл?

Она покачала головой. Она не стыдилась этого прежде, но вот теперь...

- Вообще никто?

- Нет.

Никто не смотрел на неё, как Джозеф. Даже он до своего отъезда... Она не была красива, как мама или тётя Караф. Она всегда чувствовала себя маленькой, простой, странной... но она не скажет этого ему.

- Я думаю, - сказала она вместо этого, - мальчишки просто боялись меня.

- Не сомневаюсь. Они боялись тебя и в детстве, когда ты была сердита. А тут ещё и пума!

Джулс улыбнулась Камдэн.

- Я должен извиниться... но мне не нравится думать, что тебя кто-то ещё касался. Я думал об этом там, на материке... А потом Билли меня отпаивал.

Джулс рассмеялась и уткнулась лбом ему в плечо. У пруда он казался парнем, что она так долго знала. Её Джозефом. Он казался другим только снаружи, потому что скулы стали острыми, а волосы потемнели, грудь и плечи стали шире.

- Мы не те же... - сказала Джулс. – Но я не хочу, чтобы мы изменялись.

- Но это так, Джулс... - мягко промолвил он. – Мы выросли. Я любил тебя, когда был ребёнком. Как ребёнок любит своего друга. Но влюбился в тебя на самом деле, в то время, пока был

далеко. Вещи не могут остаться такими, как были раньше...

Он вновь наклонился слишком близко, и их губы соприкоснулись. Он был очень нежен, и каждое движение говорило ей, что он не остановится, и его руки сжимали её талию. Но он остановится, если она пожелает этого... Джулс обняла его за шею и поцеловала в ответ. Вот чего она желала. Всё, чего когда-либо желала...

Роланс

- Скоро придётся расстаться, - сказала Арсиноя. Она вновь порезала кисти. Ярко-красный сок стекал прожилками по щеке. Может быть, это от шипа?

- Уилла не идёт, - сказала Катарина. – И я не хочу идти. Я хочу остаться.

И Мирабелла хотела остаться. Это был тёплый весенний день. Теперь они росли в жаре, и она призывала ветер охладить их кожу, а Катарина хихикала.

Они находились на противоположной стороне ручья, далеко от коттеджа, и Уилла не пересечёт воду, чтобы их забрать. Слишком холодно. Её старые суставы будут болеть.

- Уилла тебя не спасёт, - сказала Арсиноя.

- Спасёт! – воскликнула Катарина. – Я её любимица! Это тебя она не спасёт.

- Я спасу вас обеих, - пообещала Мирабелла и запустила пальцы в длинные чёрные волосы Катарины. Они были гладки, как атлас, и сияли. Маленькая Катарина. Самая младшая из троих. Она была сокровищем Мирабеллы и Арсинои, ведь они достаточно взрослые, чтобы держать её за руку.

- Как? – спросила Арсиноя и рухнула на траву. Она сорвала цветок и коснулась пыльцой носа Катарины, пока тот не пожелтел.

- Я призову гром, чтобы отпугнуть их, - ответила Мирабелла, собирая волосы Катарины в косу. – И такой сильный ветер, что он отнесёт нас на гору.

Арсиноя поморщила свой маленький лобик и покачала головой.

- Это не сработает! – сказала она. – Мы должны придумать что-то ещё.

- Это всего лишь сон, - сказала Лука. Она была высоко в храме, в своей комнате среди подушек и безделушек.

- Нет, - сказала Мирабелла. – Это была память.

Лука завернулась в меховой платок, стараясь не подниматься из постели до рассвета. Когда глаза Мирабеллы распахнулись, в Вествуд-хаус ещё было темно. Она ждала, пока сможет прийти в храм, чтобы разбудить Луку, но свет, что пробивался сквозь ставни, всё ещё казался серым.

- Иди на кухню, - сказала Лука. – Нет никого, что принесёт нам чай, надо сделать это самим.

Мирабелла глубоко вздохнула. Когда она выпустила воздух, то пошатнулась. Память или сон, она ещё цеплялась за это, и чувства странно смешались.

- Будьте осторожны, - сказала Мирабелла, когда сводила Луку вниз по крутой лестнице храма. Она заставила пламя лампы гореть сильнее. Лука должна поселиться немного ниже. Может быть, где тепло, рядом с кухней. Но Лука не признает, что стара, пока не умрёт.

На кухне Мирабелла разожгла огонь в печи и нагрела воду в котле, пока Лука искала на полках листья, ведь любила самые лучшие. Они не заговорили, пока не сели с двумя дымящимися чашками чая с мёдом.

- Это только твой разум. Ты нервничаешь. Неудивительно, скоро сражение. И тебя часто посещает эта жертва. Но никогда не должна была заставлять тебя участвовать в ритуале.

- Дело не в том, - настаивала Мирабелла. – Нет!

- Ты была ребёнком, когда в последний раз видела своих сестёр, - мягко промолвила Лука. – Может быть, слышала истории. Может, немного помнишь...

- У меня хорошая память.

- Королевы это не запоминают, - Лука сделала глоток чая.

- Слова не делают это правдой.

Лука торжественно смотрела в чашку. В оранжевом свете лампы каждая морщинка на лице старухи казалась бороздой.

- Тебе нужно, чтобы это было правдой, - сказала Верховная Жрица. – Слишком жестоко заставлять королеву убивать тех, кого она любит. Её сестёр. Чтобы видеть, как волк ищет её

голову...

Когда Мирабелла промолчала, Лука перегнулась и положила свою руку на её.

Отголоски слов Луки были так громки в ушах Мирабеллы, что Элизабет поднялась почти на вершину, прежде чем она услышала её зов.

- Ты меня не слышала? – спросила Элизабет, слегка запыхавшись.

- Прости, - проронила Мирабелла. – Так рано, я не ждала, что кто-то ещё не спит...

Элизабет указала на вечнозелёное дерево.

- Спайс встаёт с солнцем. Потому я тут.

Глядя на молодую жрицу, Мирабелла не могла сдержать улыбку. Элизабет не позволяла грустить. Её капюшон был отброшен, тёмные волосы ещё не собраны. Дятел сидел на плече, и она скармливала ему семечки с ладони.

- Приятно, - промолвила она, - что так рано нас точно никто не увидит.

Мирабелла нежно взяла Элизабет за запястье. Браслеты только сейчас были даны жрице – браслеты из чёрных лент и бисера, а не чернил на коже. Только иницированная и может поменять своё мнение.

- Почему ты остаёшься? – спросила Мирабелла. – когда я встретила тебя, ты сказала, что они отберут Спайса и убьют его, если узнают, но ваша связь так сильна... Почему не уйти? Элизабет пожала плечами.

- И куда идти? Я ребёнок храма, Мирабелла. Я говорила об этом?

- Нет.

- Моя мама была жрицей храма Кэнора. Мой отец целитель, что работал с нею, и мать не дала мне воли... Я выросла там. Я знаю только храм. И надеюсь...

- Надеешься?

- Что ты возьмёшь меня с собой в Индрид-Даун после коронации.

Мирабелла кивнула.

- Да, многие в Ролансе верят в что-то такое.

- Мне жаль, - промолвила Элизабет. – Я не хотела делать твоё бремя тяжелее...

- Нет, - Мирабелла обняла подругу. – Нет... Конечно, я возьму тебя с собой. Но, думаю, что это... - она сжала браслеты Элизабет, - я не должна вести тебя в храм. У тебя есть выбор. Всё, что пожелаешь.

Ро не любила покои Луки. Она стояла возле окна, расправив плечи и выпрямившись. Она никогда не сделает себе дом. Она не смотрит на дома где-либо, кроме того, как наблюдает за своими младшими жрицами на задании. Лука понимала, почему Мирабелла не любила её. Ро была серьёзна, бескомпромиссна, а улыбка никогда не касалась её глаз. Но она одна из лучших жриц Луки, что та когда-либо знала. Королевка может не любить Ро, а Ро королеву, но она всегда будет рядом.

- Она сказала, что... – протянула Ро, когда Лука рассказала ей о визите Мирабеллы, - помнит своих сестёр?

- Не знаю, правда ли это. Может, просто сны. А может, просто нервы.

Ро посмотрела вниз. Она так не думала.

- И? – спросила Ро. – Что вы собираетесь делать?

Лука откинулась на спинку стула. Ничего. Может быть, ничего не нужно делать. Или, может, она ошиблась, и Мирабелла не избранная королева. Она вытерла рот тыльной стороной ладони.

- Вы будете выглядеть душой, - сказала Ро, - после того, как поддержали её. Но слишком поздно менять курс.

- Я не буду менять курс, - сердито проронила Лука. – Мирабелла – Избранная королева! Она будет!

Она посмотрела через плечо Ро на большую мозаику, что висела на стене. Изображение столицы Индрид-даун, шестигранный купол храма, чёрные шпили Волроя.

- Как долго мы будем смотреть на это как на столицу, - спросила Лука. – Вместо того, чтобы это были лишь города отравителей?

Ро проследила за её взглядом, а после пожала плечами.

- Когда-то... - проронила Лука. – Когда-то это было наше!

Мы и королевы. А теперь он принадлежит им. И совет тоже. Они стали слишком сильны, чтобы слушать, а у нас только пустота!

Ро не ответила. Если Лука надеялась на жалость, то ей следовало позвать другую жрицу.

- Ро, ты её видела. Ты смотришь, как коршун на мышь...

Что ты думаешь?

- Должна ли я думать, что она может их убить? – спросила Ро и скрестила руки. – Конечно, может! Её дар способен потопить флот! Она может большее, как и старые королевы!

- Но?

- Но... - загадочно промолвила Ро, - она тратит его. Она может убить сестёр, верховная жрица, но она не будет этого делать.

Лука вздохнула. Услышав это, она не ощутила шока. По правде говоря, она давно это подозревала, после встречи с Мирабеллой на берегу озера Звездопада, когда почти утонула.

Ребёнок был так зол и почти год скорбел о потере Арсинои и Катарины. Если б она тогда была так сильна, как сейчас, Лука и все Вествуды были бы мертвы.

- Если только что-то не вызовет её ярость... -

пробормотала она.

- Может быть, стоит подумать. Но я бы подумала о чём-то ещё?

- Что? – спросила Лука.

- О пути Королевы-Белоручки.

Лука склонила голову. Королева-Белоручка, королева из королев, что воцарилась, не пролив ни единой капли крови своих сестёр.

- О чём ты? Мирабелла родилась одной из троих.

- Я не говорю о Голубой Королеве, - сказала Ро, ссылаясь на четвёртую

близняшку,

что

считалась

настолько

благословлённой, что её сёстры были утоплены акушерками ещё в младенчестве.

- Тогда что? – спросила Лука.

- В старых легендах есть и другие Королевы-Белоручки, - проронила Ро.

- Королева Андрида, чьи сёстры были со Взглядом, - промолвила Лука. Королевы со Взглядом склонны к безумию и предаются смерти. Но ни Катарина, ни Арсиноя не были пророчицами.

- Другая. Ещё одна. Я говорю о Королеве-Белоручке жертвенного года.

Лука сузила глаза. Ро думала об этом очень долго.

Жертвенный год – это поколение, когда две из королей почти не одарены. Так слабы, что их просто убивают, словно жертву. Ро глубоко проникла. Только учёные храма, возможно, слышали рассказы о жертвенном годе.

- Это может быть такой год, - кивнула Лука. – Но не понимаю, как это поможет, если Мирабелла не потребует жертву.

- В некоторые жертвенные года это делают люди, - сказала Ро. – Ночь Костров, самые священные места, люди поднимаются и сжигают других королей.

Лука внимательно следила за Ро. Она никогда об этом не читала.

- Это не так.

Ро пожала плечами.

- Шёпот сделает дело. И это будет быстро, чисто, позволит королеве быть чистой.

- Ты хочешь... - начала Лука, но после бросила взгляд на дверь и понизила голос, - принести Катарину и Арсиною в жертву во время костров?

- Да, на третий день, после церемонии.

Ро всегда искала конечных решений. Но Лука не предполагала ничего подобного.

- Совет нас уничтожит.

- Мирабелла всё ещё остаётся королевой. К тому же, они не смогут, если остров будет на нашей стороне. Нет, если слух распространится. Нам нужна Сара Вествуд.

Лука покачала головой.

- Сара не согласится.

- Сара стала благочестивой женщиной. Она сделает так, как скажет храм. И жрицы. Кроме того, она сделает острову хорошо, если напомним о старых легендах.

Старые легенды. Легенды, что появились из воздуха.

- Я не хочу отказываться от Миры так быстро, - сказала она, и Ро нахмурилась. – Но об этом стоит подумать

Грэйвисдрейк-Мэнор

Катарина и Пьетр сидели с Натали вокруг стола с едой. На обед было филе свинины из отравленной свиньи под соусом из сливочного масла из молока коровы, что паслась на полях белены. Овсяный хлеб впитал яд. А ещё суфле из грибов. Натали не собиралась есть чистую еду, но это был яд, к которому Катарина почти привыкла.

Натали потребовала ещё вина. Её столовая была приятно тёплой. Огонь потрескивал в камине, и толстые красные шторы удерживали тепло.

- И как сегодняшняя прогулка? – спросила Натали. – Конюх волновался, что у Полумесяца отёк правой задней ноги.

- Он в порядке, - ответила Катарина. – И никакого отёка.

Полумесяц был её любимым чёрным жеребцом, названным так из-за белого изогнутого пятна на лбу. И если б он хромал, Катарина б не взяла его. Под столом она коснулась коленом к колену Пьетра.

- Ты заметил что-нибудь, Пьетр? – спросила она.

- Нет, он абсолютно здоров.

Она откашлялась и отодвинула колено подальше, словно боялась, что Натали могла ощутить их соприкосновение. Когда они находились в её присутствии, он всегда соблюдал дистанцию, несмотря на то, что Натали знала, что они делают. Несмотря на то, что он тут по настоянию Натали.

- У меня есть некоторые интересные новости, - сказала Натали. – Делегация рано прибыла с материка. И жених хочет встретиться с Катариной.

- Не он один, заметь, - продолжила Натали – Но он очень многообещающий... Мы имели дело с его семьёй несколько лет. Он поощрял Джозефа Сандрина во время его изгнания.

- Я посмотрю на него любезно, а после... - начала Катарина.

- Не более любезно, чем на любого другого, - сказала Натали, несмотря на то, что подразумевала совсем иное. – Его зовут Уильям Чатворт младший. Я не знаю, когда мы сможем организовать встречу. Он в Волчьей Весне, а сейчас с Арсиной, бедный мальчик... Но когда мы это сделаем, ты будешь готова?

- Да.

- Я верю тебе. Ты выглядишь куда лучше в эти дни. Сильнее.

Это было правдой. С той поры, как прибыл Пьетр, Катарина изменилась. Женевьева бы ещё сказала, что она тонка и миниатюрна... После стольких лет ядов вряд ли она когда-то полностью восстановит то, что потеряла. Но её волосы, цвет лица, движения стали лучше.

- У меня для тебя есть подарок, - промолвила Натали. Её дворецкий Эдмунд вошёл с маленькой стеклянной шкатулке. Внутри к крышке тянулась маленькая коралловая змейка. - Посмотри, кто загорал у меня на окне.

- Возлюбленная?! – Воскликнула Катарина. Она оттолкнула свой стул с силой, которой почти хватило на то, чтобы он упал, и помчалась к Эдмунду. Змея немного отскочила, а после обернулась вокруг её запястья.

- Я думала, что убила её, - прошептала она.

- Не совсем, - проронила Натали. – Но, думаю, она хочет в привычную клетку под тепло лампы. И мне надо поговорить с Пьетром наедине.

- Да, Натали, - Катарина ещё раз улыбнулась им, а после ушла, едва ли не убежала.

- Один маленький подарок вновь сделал её ребёнком... - протянула Натали.

- Катарина любила эту змею, - протянул Пьетр. – Мне казалось, она умерла.

- Умерла. Её раздавленную и замёрзшую нашли в углу кухни через три дня после Черноты.

- А что ж это?

- Ещё одна. Катарина не почувствует разницу, её научили так же.

Она жестом призвала Эдмунда, что принёс серебряный поднос и два стакана с её любимым отравленным бренди.

- Ты делаешь успехи, - проронила Натали.
 - Немного. Но она при выборе нарядом до сих пор думает только о том, чтобы прикрыть сыпь или выступающие рёбра. А когда пугается, несётся, как крыса.
 - Ну, Пьетр. Мы не относились к ней настолько плохо.
 - Ты, может быть, нет. Но Женестьева – зверь.
 - Моя сестра столь сильна, как мне угодно. И тренировки Катарини – не твоя забота.
 - Даже если моя задача становится труднее?
- Он сдул волосы с глаз и откинулся на спинку кресла. Натали улыбнулась своему стакану. Он и вправду так напоминал ей себя. Однажды он сможет стать главой семьи, если подходящая дочь не достигнет совершеннолетия.
- Скажи мне... Она готова встретить этого делегата?
 - Думаю, да. Не особо трудно воспроизвести впечатление после Волчьей Весны. Всем известно, лицо Арсинои как овсяные хлопья!
 - Возможно. Но не Мирабеллы. Вествуды всем твердят, она красивее ночного неба.
 - И так же холодна... А у Катарини есть чувство юмора, она мила. Это вы из неё не выбили.
- Что-то ещё было в тоне Пьетра, что не понравилось Натали. Он слишком защищал её. Почти притягивал к себе, и...
- Как далеко вы зашли?
 - Что ты имеешь в виду?
 - Ты понимаешь, о чём я. Научи её всему, что хочешь, но нельзя заходить слишком далеко, Пьетр. Жители материка странны и они хотят, чтобы она в брак вошла девственницей!

Натали внимательно наблюдала за ним, чтобы увидеть, как он будет выкручиваться. Он, кажется, был разочарован, но не испуган. На это он ещё не решился.

- Ты уверена, что им вместо этого не понадобится мастерство в постели? – он пожал плечами. – Пожалуй, если так, я могу научить её после свадьбы.

Он допил бренди одним глотком и положил рюмку на стол. Он хотел отправиться к Катарине – и раздеть, как куклу.

- Это к лучшему, милый, - проронила Натали. – Если б ты спал с ней, боюсь, она б в тебя влюбилась. Она и так почти

влюблена, а нам это не нужно.

Пьетр оттолкнул пустой стакан.

- Это так? – строго спросила она.

- Не волнуйтесь, тётушка, - ответил он. – Только король-консорт столь глуп, чтобы полюбить королеву.

Катарина всё ещё не отложила змею, когда пришёл Пьетр.

Она держала её, не могла расстаться, сидела к своего зеркала, и Возлюбленная была на её запястье, а её нос почти прижался к голове ядовитой змеи.

- Катарина... Хватит. Пусть она отдохнёт.

Катарина и вправду встала и опустила змею в мягкую тёплую клетку. Она оставила верхнюю часть открытой, чтобы иметь возможность гладить её чешую.

- Не верится, что она выжила... - промолвила Катарина. – Натали заставила искать всех слух...

- Думаю, да.

- Ох... - она вынула руки из клетки и сложила их на коленях. – Я правда должна встретиться с моим первым женихом?

- Да.

Они с Пьетром стояли близко друг к другу, не касаясь, впрочем, не глядя друг другу в глаза. Пьетр проводил пальцами по обивке её парчового стула и тянул за выбившуюся нить.

- Ты уверен, что мне не стоит сначала отравить сестёр?

Пьетр улыбнулся.

- Уверен. Так надо, Катарина.

Он смотрел на скучный вид из её окна, на пасмурное небо и тени внутреннего двора. Небольшое озеро, мимо которого они утром проезжали, походило на серую лужу на юго-востоке. Вскоре всё станет ярко-синим, двор зазеленеет, расцветут нарциссы. И станет теплее. Рассвет приносит скорее туман, чем мороз.

- Мирабеллу трудно одолеть, - сказал Пьетр. – Она высока, сильна, красива. В Ролансе поют песни о её волосах.

- Песни о её волосах? – Катарина фыркнула. Она должна об этом заботиться, но на самом деле не возражала бы, если б все женихи предпочли Мирабеллу. Никто не будет целовать её так,

как Пьетр. Он сжимал её с таким отчаянным желанием, что она даже не могла отдышаться.

- Как думаешь, женихи целуются, как ты, Пьетр? –

спросила она, увидев, как задрожала его нижняя губа.

- О, нет. Они мальчишки с материка, копошатся и пускают слюни. Трудно сделать вид, что тебе это нравится.

- Они не могут быть такими плохими, - ответила она. –

Уверена, найду того, кто мне понравится.

Пьетр изогнул бровь. Его пальцы впились в спинку стула, но расслабились, когда он увидел её выражение лица.

- Ты дразнишь меня, Катари?

- Да, - рассмеялась она. – Дразню. Разве не ты меня этому научил? Противодействовать царственной формальности сестёр улыбками и бьющимся сердцем?

Она коснулась его груди, и он схватил её руку.

- Ты слишком хороша в этом, - он притянул её к себе. - Ты должна будешь смеяться над их шутками. Даже если они не смешны.

- Да, Пьетр.

- И заставить их говорить о себе. Помнить. Ты драгоценный камень, Катари, что выделяется из всех, - он немного неохотно отпустил её руку. – Независимо от того, что ты будешь делать, им всё ещё нужны все трое. Даже обычная Арсиноя. И Мирабелла, - он тяжело дышал носом. – Независимо от платьев, ты можешь быть уверена, они будут мечтать сорвать их именно с тебя.

Катарина нахмурилась.

- Полагаю, это будет как приз.

- Ах, какой приз, - вздохнул Пьетр, и Катарина ударила его в грудь. Он рассмеялся. – Теперь я дразнюсь, - он притянул её ближе. – Я не коснусь элементаря, даже если она встанет на колени и будет умолять. Она делает вид, что уже коронована, но нет. Ты наша королева, Катари. Помни это.

- Всегда. Мы делаем добро для острова, Пьетр, когда меня коронуют, а ты станешь главой Чёрного Совета.

- Главой? – он сверкнул глазами. – Думаю, Натали будет против.

- Конечно, Натали останется в своём положении, сколько

хочет, - поправились Катарина. – Но и она не может быть там вечно.

За ним коралловая змея поднималась по стенке. Её головка скользнула по открытому люку и остановилась, она попробовала воздух язычком. Катарина позволила себе столкнуть её, чтобы та вернулась в клетку. Змея обозлилась и изогнулась, чтобы укусить.

- Катарина!

Рука Пьетра взметнулась, и клыки змеи уцепились в его запястье. Он осторожно взял её, пока та не отпустила, вопреки

тому, что должен был сломить шею. Катарина в опасности, оно может причинить ей вред до Костров.

- О! – воскликнула она. – Мне жаль, Пьетр... Она всё ещё напугана.

- Да, - он вернул змею в клетку, убедившись в том, что на сей раз плотно закрыл крышку. – Ты должна быть осторожна. Переучить её. Даже через несколько недель она может оставаться дикой.

Капли крови скользили по руке Пьетра. Рана не глубокая. Для такого сильного Аррона, как он, яд вызовет только короткое покраснение.

- У меня есть мазь, что поможет, - проронила Катарина и бросилась в другую комнату, чтобы его взять.

Пьетр горестно посмотрел на змею и сжал запястье.

Реакция была правильной. Катарина страдала бы от яда несколько дней даже после излечения. Но он сделал это, не задумываясь. И боялся, что Катарине будет больно.

Действительно боялся.

- Только король-консорт достаточно глуп, чтобы любить королеву, - проговорил он.

Волчья вечна

Арсиноя и Билли бок о бок шли по зимнему рынку. С момента появления днём у Кизилового пруда оказалось трудным сбежать от него, но от рынка Арсиноя не отмахивалась. Джулс и Джозеф часто были без неё там, а Арсиноя чувствовала себя незащищённой среди большого количества людей. В оживлённых частях города, на рынке

пчёлами жалили злые взгляды. Любой в толпе мог оказаться достаточно храбрым, чтобы перерезать ей горло.

- Арсиноя? Что случилось?

Она изучала неприветливые лица торговцев рыбой, которых знала с тех пор, как пришла в Волчью Весну. Столько из них считало её слабость уродством и представляло её мёртвой.

- Ничего.

Билли вздохнул.

- Я не настроен на рынок. Давай купим еды и пойдём в сад. Сегодня не слишком холодно.

По дороге они установились около Мадж, и Билли смог заплатить за два жаренных моллюска. На сей раз он выбрал монеты – но с трудом.

Они быстро ели на ходу, чтобы не позволить еде остыть.

Мадж нафаршировала моллюсков кусочками краба и маслом с хлебными крошками. Когда она была слишком щедра, она добавляла и сала.

Когда они миновали доки по дороге, что вела к холму и яблоневым садам, Билли посмотрел на панцирь в своих руках.

- Глядя на него, новый не сделать, - ответила Арсиноя. –

Надо было купить три.

Он усмехнулся и закинул руку, чтобы швырнуть панцирь в бухту так далеко, как сможет. Арсиноя тоже бросила свой.

- Мой дальше, - сказала она.

- Нет.

Арсиноя улыбнулась. На самом деле, гарантировать нельзя.

- Что с твоей рукой? – спросил Билли.

Арсиноя одёрнула рукав куртки, чтобы закрыть следы разреза на ладони

- Разрезала в курятнике.

- Ох...

Он не поверил ей. Следовало придумать что-то. Ни одна курица такого не сделает. И она ещё не рассказала Джулс о том, что делала с Мадригал.

- Младший, - протянула она в доках. – Где твоя лодка.

Место, на котором она стояла после возвращения

Джозефа, пустовало, и бухта казалась темнее.

- Отец вернулся домой. Так просто прийти и уйти. Парус в тумане. Боги, я с ума сошёл и говорю это вслух! Брежу!

- Легко приходят и уходят... - пробормотала Арсиноя.

Легко для всех, кроме неё.

- Но, он вернётся.

- Когда?

- Он намерен отвести меня к вашим сёстрам в Индрид-Даун к королеве Катарине.

Конечно. Он хочет корну для сына. У него нет верности Природе, вопреки тому, как он относился к Джозефу во время изгнания.

- Вы больше не называли меня королевой Арсиноей.

- А вы хотите?

Она покачала головой. Королева – как прозвище. Так её только Лука называет. Они шли по дороге и помахали Мэтти Пэйс, когда мимо прогрохотала её повозка. Арсиное не надо было смотреть, чтобы знать, что Мэтти вывернулась в своём кресле, чтобы смотреть на них. Всему городу были интересны эти отношения.

- Я не знаю, хочу ли видеть остальных, - сказал Билли. – Чувствую себя коровой по пути на бойню.

Арсиноя рассмеялась.

- Уверена, это надо сказать сёстрам. Но если не хотите встречаться – не надо.

- Мой отец – не тот человек, которому можно отказать. Он получает то, что хочет, и не принимает провалы.

- А ваша мать? – спросила она, и он посмотрел на неё с удивлением.

- Это не имеет значения. Она этого не хотела. Это ведь мать, знаете... Они струнами пришивают нас к фартукам навсегда, как только могут...

- Не знаю. Знаю, что вы дуетесь. Не забывайте о том, что значит потерять корону для вас и для меня.

- Да. Вы правы. Простите.

Она смотрела на него, скосив глаза. Это не просто – чужаку тут отдать всё за корону и неизвестную жизнь. Он пытался быть справедливым, ей тоже стоит попытаться. И она должна

держат дистанцию. Трудно будет увидеть её мёртвой после сближения. Но у неё так мало друзей... Она не может потерять ещё одного.

Арсиноя промолчала. Не думая, она повернула к лесу, к старым камням и согнутому дереву.

- Нет, - она поспешно сменила направление. – Надо выбрать другую дорогу.

- Как думаете, ваши сёстры похожи? – спросил Билли.

- Не знаю, это неважно, - ответила Арсиноя. – Они обе, вероятно, готовятся к церемонии Животворения. Это через три месяца.

- Белтейн... Он каждый год, не так ли?

- Да. Но в этом году всё иначе. Этот Белтейн – начало Вознесения.

- Я знаю. Но... что другое?

Арсиноя склонила голову. Она могла сказать только то, что слышала. Ни она, ни Джулс при этом не присутствовали.

Для того, чтобы быть там, надо быть шестнадцатилетней.

- Ну, всегда есть охота. Ритуальная охота для того, чтобы получить мясо на праздники. Ежедневные благословения и обряды храма... Но в этом году этого не будет. В этом году есть три большие церемонии. Охота, ночь Высадки, Быстрая ночь...

- Высадка. То, когда вас представляют женихам.

- Женихов представляют нам, - она толкнула его в плечо.

- Прекрасно. И Животворение. Когда демонстрируете дар.

Как вы будете это делать? – после вопроса он вновь ждал удара, но Арсиноя рассмеялась.

- Я собиралась жонглировать сельдью. Катарина будет есть яд, а Мирабелла... Мирабелла будет кружить циклоны всем, кому это важно. Остров её полюбит.

- Кружить циклоны, - Билли усмехнулся.

- Да. Хочешь увидеть?

Он покачал головой.

- И после Белтейна и официальных ухаживаний, тогда...

- Тогда мы можем убить друг друга, - сказала Арсиноя. –

Есть год. До костров. Но если Мирабелла достаточно вспыхнет, я умру и за неделю.

Она бродила по снегу, по ледяной корке сада. Они

спустились в долину, пока птицы не прекратили петь и не завыл ветер.

- Вы когда-то думали о том, что было с матерью? – спросил Билли. – После того, как она вас родила и покинула остров со своим королём?

- Королём-консортом, - поправила она. – И не знаю.

Есть истории, конечно. О великих королевах, что покидали остров, чтобы быть великими на материке. Другие говорят, что королевы проживают остаток жизни мирно со своими

мужьями. Но Арсиноя не верила словам. По её мнению, каждая королева оказывалась на дне океана, как только рожала.

Джулс запустила пальцы в тёмные волосы Джозефа. Они были мягкими и обвивались вокруг пальцев. Они были в доме Сандринов сегодня. Отец Джозефа отправился с Мэтью, а мать и Иона взяли коляску и отправились к лодкам. Это хорошо, ведь теперь отец Билли отплыл, а каютой пользоваться больше нельзя.

- Так же неудобно, как на лодке, - сказал Джозеф. Он почти что лежал на ней, а Камдэн растянулась у ног.

- Я не заметила, - Джулс потянулась к нему и коснулась губ. Его руки обвили её вокруг неё – и она ничего не видела.

- Когда-то надо будет найти кровать побольше для тебя и твоей пумы.

- Когда-то скоро, - согласилась она, но сейчас была рада тесноте и отсутствию личной жизни. Она любила Джозефа, не боялась идти дальше. Когда Камдэн сковывала движения, можно было целовать его столько, сколько хочешь, не боясь большего.

Джозеф склонил голову и поцеловал Джулс в ключицу, что выглядывала из рубашки. Он положил подбородок на неё и вздохнул.

- Что? Ты о чём-то думаешь? – спросила она.

- Только о тебе. Но есть ещё кое-что.

- Что?

- Помнишь лодку на западе? – спросил он. – Блестящая, с новой палубой и свежей полоской синей краски?

- На самом деле нет.

На верфи у Сандринов было много работы последние несколько месяцев. Ремонт вдоль побережья. С материка скоро придут, остров хотел показать своё лицо. Они даже работали с рыбаками Волчьей Весны, что говорили слово "материковый"

презрительно. Они говорили о косе и материке, чтобы те не брызжали слюной на ботинки.

- Что с ней? – спросила она.

- Я проплыл до Тригнора вернуть владельцу, оставлю, как только мать и Иона вернутся из Хайгейта...

- О. Так почему беспокоишься?

Джозеф улыбнулся.

- Это глупо, но я не хочу расставаться с тобой даже на минуту.

- Джозеф! – рассмеялась Джулс. – Мы вместе почти всё время после твоего возвращения.

- Знаю. Да и я ненадолго. Если ветер будет хорош, в Тригноре буду до ночи. Это не займёт и пары дней, чтобы вернуться в Волчью весну, но... - он вновь придвинулся. – Может, пойдёшь со мной?

Путешествие на лодке с Камдэн не казалось приятным, но с Джозефом... Она обвила руками его шею и будто бы слышала голос Арсиной. Джулс и Джозеф неразрывны с рождения.

- Я не могу. Я так пренебрегаю Арсиной... Она работает над даром с моей мамой, не могу просить её взять на себя мои обязанности... Она королева.

- Лучшие королевы не против дополнительных хлопот.

- Тем не менее, я не должна её оставлять. И ты не можешь меня просить. Ты тоже любишь её, помнишь? Как меня.

- Почти. Почти, Джулс.

Он опустил голову, упираясь ей лбом в плечо.

- Мы разлучимся ненадолго, Джозеф. Не переживай.

Роланс

Сон был страшен, Мирабелла проснулась от своего крика.

Это было внезапно – размытый сон проникал в воздух спальни, тело было в ловушке сознания, ноги запутались в простынях.

Она села и коснулась лица – плакала во сне. Плакала и смеялась.

Дверь открылась с тихим щелчком, и Элизабет просунула

голову в щель. Она взяла на себя большую часть сопровождения Мирабеллы, и та стала дышать спокойнее от скрипа двери.

- Ты в порядке? Я слышала крик.

Спайс слетел с плеча и порхнул на голову королеве, убеждаясь, что она в порядке.

- Я тоже слышала, - протянула Бри. Она открыла дверь, и обе девушки зашли внутрь и закрыли её плотно за собой. Мирабелла прижала колени к груди, и Бри с Элизабет взобрались на кровать. Бри повела рукой и зажгла свечи на комоде.

- Мне жаль, - проронила Мирабелла. – Как думаешь, я кого-то ещё разбудила.

Бри покачала головой.

- Дядя спит и под звуки битвы.

Сара и молодые люди далеко. Слуги на первом этаже. Только трое бодрствуют в тёмном доме.

- Мира, - проронила Бри, - ты дрожишь.

- Я принесу воды, - сказала Элизабет, и Спайс прыгнул на кувшин, чтобы пропеть дорогу.

- Нет, - промолвила Мирабелла. – Не воды.

Она выдержит. Сёстры цепляются за неё уже пару дней. И не пропадают, как и другие сны.

- Что это было? – спросила Бри.

Мирабелла закрыла глаза. Не память – картинки.

- Невозможно описать.

- Там были... - нерешительно спросила Элизабет, - другие королевы?

Другие королевы, да. Её милые сёстры, чучела из кожи с защитными ртами. Катарина лежала на спине с открытой грудью, пустая, но красная внутри. А Арсиноя молча кричала, ведь её горло было залито кровью.

"Мирабелла, - шептали они. – Мирабелла, Мирабелла..."

- Я их топила, - прошептала Мирабелла. – В потоке у коттеджа. Вода так холодна, из уст текли чернила... Они дети!

- О, Мира, - проронила Бри, - это просто сон, жуткий сон.

Они не дети.

- Для меня всегда дети.

Она думала о том, что почувствует, когда Арсиноя и Катарина обмякнут и умрут.

- Я не могу это сделать.

Лука будет разочарована. Она верила в неё и подняла как правительницу. Вествуды, город, Богиня. Она создана для правления. Стать королевой острова. Если она увидит Луку в храме, та скажет лишь одно. Что чувства и сны лишь преграда. Тест.

- Я должна сбежать, - сказала Мирабелла. – Сбежать отсюда...

- Мирабелла, - промолвила Элизабет, - успокойся. Выпей немного воды.

Она взяла стакан и выпила, чтобы порадовать подругу, но глотать было трудно. Вода казалась мёртвой.

- Нет. Я должна идти. Должна, - она открыла шкаф, пробиралась сквозь плащи и платья, чёрные, чёрные, чёрные. Бри и Элизабет встали. Сжали руки, чтобы остановить и успокоить её.

- Ты не можешь уйти, - промолвила Элизабет. – Сейчас середина ночи!

- Мира, это опасно, - добавила Бри.

Мирабелла выбрала платье из шерсти. Она натянула его поверх пижамы и потянулась за чулками.

- Пойду на юг, не оглядываясь.

- Они остановят тебя, - промолвила Элизабет.

Мирабелла остановилась, ещё дрожа. Они правы, да, правы. Но надо попробовать.

- Я должна идти. Прошу. Я не могу больше тут оставаться, и сны с мёртвыми сёстрами... Я не могу их убить. Я знаю, так надо, знаю, что должна хотеть.

- Мира, - начала Бри, - ты можешь.

- Нет! – яростно промолвила она.

Элизабет и Бри бросились к двери. Они были печальны, беспокоились, что Сара проснётся и предупредит храм.

Мирабелла проведёт остаток времени до Белтейна запертая в комнате Луки под постоянной охраной.

Мирабелла шнуровала сапоги. Они пошлют и поймают её, но придётся потрудиться.

Она ступила вперёд, готовая оттолкнуть друзей.

- Подожди! – выдохнула Элизабет. Она подняла руку и вышла за дверь. Если она побежит по коридору, у Мирабеллы не будет времени. Но Элизабет не закричала. Она вернулась в спальню и принесла плащ жрицы.

- Вот, возьми, - сказала она. – Скрой волосы под капюшоном, - она улыбнулась так мило и нежно. – Никто не смотрит на жрицу дважды. Только сходят с пути. Мирабелла благодарно обняла её. Плащ был немного короток, но достаточно велик, чтобы скрыть платье Мирабеллы.

- Элизабет... - начала Бри, но остановилась. Она взяла Мирабеллу за руку. – Давай я пойду с тобой!

- Нет, Бри, - мягко остановила её Мирабелла. – не хочу, чтобы кто-то знал. Когда они поймут, что я ушла, то будут

искать виновного. Того, кого надо наказать. Пусть это будут не ты и Элизабет.

- Обещаю, - проронила Бри. – Мы позаботимся друг о друге. Мирабелла грустно улыбнулась и коснулась лица Бри.

- Никогда не видела тебя испуганной, - она крепко обняла её. – Прошу, пойми, Бри! Я люблю их. Как и тебя. Не могу остаться тут, и храм не заставит меня их убить.

Она выпустила руку Бри и обняла Элизабет. Ей так повезло с ними.

К тому времени, как Мирабелла направилась на юг от Вествудов, рассвет стал красноватым на востоке. Уже, должно быть, позже, чем она думала, когда сон пробудил её. Уже лампы горят в городе, кузнецы готовятся к работе. Она натянула капюшон, чтобы скрыть лицо.

Она выбрала главную дорогу в Роланс. Может, разумнее держаться иных дорог, но она знала, что лучше быть замеченной, чем окончательно потеряться.

Когда дорога повернула в сторону замка и центра города, Мирабелла почувствовала дыхание среди людей. Впереди на тротуаре женщина выбивала ковёр, приветствовала соседа, выливая воду из ведра в канаву. Мирабелла низко держала голову, но Элизабет была права. Женщина просто кивнула, прежде чем сойти с пути. Если кто-то и задастся вопросом, что

жрица в такой час делает в городе, всё равно не остановит, чтобы её спросить.

Когда она покидала Роланс, она обернулась назад, посмотрела на крыши и дымоходы, на город в свете. На деревья, где Сара и прочие Вествуды уже просыпались. На храм, где Лука уже пила чай.

Трудно их оставить, но уйти проще, если учитывать все обстоятельства.

Волчья весна

У огня, рядом с изогнутым деревом, голова Арсиной закружилась. Мадригал грубо разрезала руку, чтобы кровь наплатила три метра верёвки. Верёвка будет сдерживать кровь, пока они не будут в ней нуждаться. А для низкой магии она достаточно сильна, чтобы убить вторую королеву, и Арсиное надо всё, что можно собрать.

Они ещё не говорили о том, какова будет магия. Может, проклятье. Или несчастный случай. Неважно. Арсиная знала, что становилась сильнее с каждым днём.

- Достаточно, - проронила Мадригал. Она осторожно опустила верёвку в стеклянную банку. – Вечно не будет длиться. Надо использовать сразу после костров.

Мадригал опустила банку в мешок из чёрной ткани и перекинула ремень через плечо.

- Вот, - она прижала чашку к губам Арсиной. – Сидр. Выбей.

- Есть орехи? – спросила Арсиная. – Хлеб, еда?

Она с дрожью сжала чашку и отпила. Чаша казалась липкой, с отпечатками Мадригал в крови Арсиной.

- Джулс права, - пробормотала Мадригал. – Ты только ешь.

Она вручила королеве маленький пакет – сыр и парочка ягод еживики от Природы.

- Спасибо, - проронила Арсиная. Рука пульсировала и жгла, пока Мадригал завязывала её, но это было приятное жжение.

- Никогда бы не догадалась, что ты мне поможешь с этим.

Мадригал поморщилась, такая же красивая.

- Да, знаю.

Она села и завернулась в тёплую шерсть, дулась за неоценённость. Но никто не винил Каит и Эллис. Будучи девчонкой, Мадригал любила комфорт. Караф говорила о

времени, когда Мадригал шаблонно крутила цветы и рвала их, чтобы впихнуть в волосы. А огурцы гибли в саду.

- Где моя Джульена сегодня? – спросила Мадригал.

- Прощается с Джозефом. Он отплывает на северо-запад в Тригнор.

Мадригал смотрела в огонь.

- Бедная Джулс, такой парень... Не думаю, что он будет терпеть её за глаза. И смотреть на её отца...

- Отца? Не думаю, что ты помнишь отца Джулс.

- Нет. Нет. Я помню огни костров. Думала, как замечательно зачать ребёнка в эту ночь. Как он будет силен и станет любить меня, - она фыркнула. – Не помню отца. Но как бы он ни выглядел, она на него похожа.

- Думаешь, он знает? – спросила Арсиноя.

- Что знает?

- Что у него есть дочь, одна из самых сильных из Природы на острове.

Мадригал пожала плечами. Вероятно, нет. А если и знает, плевать. Рождённые от Белтейна священны в глазах храма. И как и королевы, в глазах храма не имеют отцов.

Арсиноя откинулась назад. С сыром и фруктами в животе она не дрожала и отогрелась. Она вытянула ноги и пыталась высушить обувь углями.

- Джозеф так красив... - тоскливо промолвила Мадригал.

- Да, - согласилась Арсиноя.

- Увидев его и Джулс... я поняла, как долго была сама.

Может быть, следовало создать заклинание. Чтобы они были любовниками...

- Хм... - Арсиноя фыркнула и закрыла глаза. – А вот тебе не надо магии, Мадригал.

- Может, нет. Но используй я хоть дюйм этого шнура, - она погладила чёрную сумку на коленях, - у меня был бы самый красивый парень на острове.

Арсиноя покосилась в её сторону, чтобы убедиться, что она шутит, прежде чем рассмеяться. Вскоре хихиканье

превратилось в хохот, и они смеялись обе. Но даже если б это и не так, они б не услышали Камдэн и бесшумный шаг Джулс.

Горная кошка пришла на огонь, прежде чем Джулс, но это было слишком малое предупреждение, чтобы симулировать невинность.

Джулс смотрела то на мать, то на Арсиною.

- Что это? – спросила она.

Арсиноя скривилась. Они сидели у священных камней среди окровавленных тряпок, рукав Арсинои был закатан и открывал повязку.

- Вот что вы делаете?! – Джулс почти кричала на мать. – Когда я отвернулась? Ведёшь её сюда и режешь? Учишь низменной магии...

- Джулс, - Арсиноя встала, протянула руку, чтобы оградить Мадригал, но Джулс разозлилась сильнее. Камдэн зарычала.

- Я ей помогаю! – проронила Мадригал.

- Помогаешь? – Джулс потянулась к Арсиное и оттащила её с такой силой, что Арсиноя почти споткнулась о камни. – Ты не можешь этого делать, это опасно!

Мадригал покачала головой.

- Ты не понимаешь. Ничего не знаешь об этом.

- Знаю, что всегда есть цена! Знаю, что это для отчаявшихся и слабых!

- Как для меня, - Арсиноя опустила рукав, чтобы скрыть повязку и резные руны.

- Арсиноя, это не так.

- Так. И я воспользуюсь этим. Этот всё, что у меня есть.

- Но ты не знаешь цену.

- Всё будет хорошо, Джулс. Мадригал пользовалась на материке, это безопасно.

- Против него только храм ворчит, - кивнула Мадригал, заливая огонь.

Они с Арсиной шли молча, желая увести Джулс со священного места. Джулс ещё сердилась.

Арсиноя не могла вспомнить, чтобы они с Джулс ссорились из-за чего-то более важного, чем размер куска торта. Её плечи спали.

- Пройдёт время, - мягко промолвила Мадригал, - она поймёт.

Западное побережье

Было хорошо путешествовать не в вагоне и тележке, а шагая по обочине дороги. По крайней мере, тут было небо, прекрасное и просторное. Мирабелла смотрела на исчезающий свет. Прошло уже два дня с тех пор, как она сбежала с Роланса, а дремала всего пару часов на широких ветках. На юге страна была покрыта не лугами, а отвесными скалами, но начинался более густой лес и мягкие холмы. Столько деревьев. Даже зимой, без листьев, они задерживали её, и она не понимала, почему люди Природы так любили лес.

Она подняла юбки, чтобы переступить талую лужу, пытаясь удержаться, чтобы плащ жрицы, который ей дала Элизабет, не покрылся каплями воды и грязи. Путешествие не было лёгким. Ноги болели, желудок был пуст. Вчера она воспользовалась молниями, дабы оглушить форель, но она не присутствовала на охоте без жриц и гончих.

Она оставила Бри и Элизабет. Луку и Сару. Даже дядю Майлза и Нико. Но она выдержит. Она не может оставаться в одном месте слишком долго, не может забредать в города. Скоро придётся купить новую одежду, еду и овощи, иначе она умрёт от голода.

Мирабелла быстро дошла до рва, когда кто-то послышался на дороге. Кто-то огромный. Несколько повозок, может быть. Поисковая группа из Роланса?

Она должна была забрести далеко в лес, чтобы они её не нашли. Вид бедной Луки, что прижмётся к окну, разобьёт её сердце.

Когда она оказалась далеко в лесу, остановилась и прислушалась. Всего одна повозка. Вероятно, направлялась в Индрид-Даун, может быть, везла шерсть, овечье молоко или сыр. Не так давно она была на овечьих полях и догадывалась, что прошла через Уаринг и его многочисленные фермы.

Но она не была уверена в том, где находилась. В детстве она изучала карты, но на бумаге остров был куда меньше, да и она не видела знак, когда проходила Северный Камберленд рано утром. Сейчас, с заходом солнца, она достигла как минимум Тригнора. Может, Линвуда. Ещё несколько дней, и придётся огибать Индрид-даун.

"Они поймают тебя, глупая девочка", - говорила в её голове Лука.

Мирабелла отбросила чёрные волосы с глаз. На востоке загрохотал гром. Усталость навалилась на неё, она даже не знала, призвала ли его, но жаждала – и повернула дальше от дороги, следуя запаху шторма.

Она шла быстрее, ведь тут были скалы и открытое небо.

Над деревьями скопились огромные чёрные облака, и она уже не могла сказать, наступила ли ночь.

Она ломилась сквозь деревья. В мгновение она испугалась, что шла по кругу. Скалы казались как дома, на Чёрной дороге.

Но это не она. Вспышка молнии окрасила скалы в белое и золотое, материал мягче, чем её любимый чёрный бальзат.

- Немного больше, - обратилась она к ветру, и тот сжался вокруг неё. Он вновь сорвал плащ с её плеч.

Мирабелла шагнула к краю обрыва над морем. Молния освещала воду зелёным и синим. Тут должен быть путь вниз.

Она хотела войти в воду.

Единственной дорогой оказалась крутая и мокрая тропа, опасная, но она ведь наслаждалась ветром и дождём. Завтра люди, что тут живут, будут говорить о шторме Шеннон в честь королевы, чьи росписи украшают храм Роланса. Они будут говорить за столом во время завтрака. Это может сорвать крыши, сбить деревья, которые надо убрать. Люди будут воспевать Шеннон и рассказывать о том, что она могла сорвать ураганами их и отшвырнуть, как голубей.

Это лишь басни, возможно. Однажды, они будут называть костры пламенем Мирабеллы и говорить, что она могла зажечь солнце. Могли бы называть, если б она не пропала.

- Нет.

Корабль был мал, а волны сильны. Может, шторм рванул его. Никто не мог быть достаточно неудачливым, чтобы оказаться посреди этого кошмара в крошечной лодчонке!

Лодка вновь шаталась. Парус ослаб, удары были мокры.

Она не оторвалась от причала, выброшенная в море. Одинокий моряк безнадежно цеплялся за мачту.

Мирабелла осмотрелась, но тут не было ни единого

человека, города, свечения дружеских костров. Она позвала на

помощь с дороги, но было слишком далеко.

Лодка вновь откатилась, не имея шанса принять нормальное положение. Она затонет и будет плескаться среди беспокойных течений, пока не обратится прахом.

Мирабелла протянула ладонь. Она не могла просто стоять и наблюдать, как тонет моряк. Несмотря на усталость и то, что вода была так сложна.

- Ветер, - пробормотала она, но ветер не использовать для перемещения – разве что своё тело или парочку мелких вещей, скажем, шарф Луки или шляпу Сары.

Мирабелла изучала воду. Она могла толкнуть лодку обратно, далеко в море, может быть, та уйдёт от шторма. Или притянуть её.

Любой выбор был рискованным. Она могла натолкнуть лодку на скалы. Потерять контроль над водой и затопить её. Или корпус будет пробит невидимым скалистым выступом, что прячется под поверхностью.

Она сжала кулаки. Времени больше не было. Она сфокусировала дар воды вокруг лодки, стараясь отправить силу к берегу. Она призвала слишком сильный ветер, и лодка прыгнула вперёд, как испуганная лошадь.

- Богиня, - сквозь зубы проронила Мирабелла. – Направь мою руку.

Лодка кренилась взад и вперёд. Корма виляла, как собачий хвост, моряк хватался за мачту. Он расслабился, и мачта ударила его поперёк спины.

И он рухнул в море.

- Нет! – вскричала Мирабелла.

Она использовала свой дар, чтобы проникнуть сквозь воду, оттолкнуть её дальше. Прежде она не делала ничего подобного. Слои океана, течение, холод, песок... С трудом вода поддалась.

Парень выскользнул на поверхность, колеблясь в её силе.

Он был меньше лодки, да и управлять оказалось проще.

Когда он попал на берег, тело откатилось на мокрый песок. Она не знала, как быть нежной. Вероятно, сломала его кости...

Мирабелла бросилась по крутой тропе вниз. Она

скользила и падала, и ладони кровили от столкновения с острыми сказами. Она мчалась по песку к парню и прижала разрезанные руки к его груди.

Вода вытекала изо рта. Он был так бледен, лежал на берегу. Мог быть любым другим морским существом, что мучили волны...

- Дыши! – закричала она, но не могла направить ветер в его лёгкие. Она не целитель и не знала, что делать.

Он закашлялся. Задрожал – но это лучше смерти.

- Где я? – спросил он.

- Не знаю... У Тригнора, наверное.

Она сняла свой плащ и укрыла его. Этого мало. Она должна его согреть, но она ничего не видела.

- Это... - она встряхнула его, когда он вновь, казалось, терял сознание, - не лучшее место, чтобы причалить!

К её удивлению, парень рассмеялся. Он был её возраста, с тёмными волосами. Глаза казались подобными буре. Может, он и не мальчишка, а элементаль из воды и постоянного грома.

- Ты можешь идти? – спросила она, но он покачал головой, и зубы дрожали. Она не понесёт его. Не по тропе, не по участку пляжа, что лежал между ними и городом.

Где скалы разрезали дорогу, они склонялись так, чтобы там было вверх уже, чем вниз. Не пещера. Даже не навес, но выбора нет.

Мирабелла обхватила его рукой и потянула за плечи, потащила по болоту, хромая. Песок затягивал. Уставшие ноги горели в знак протеста, но они добрались до скал.

- Надо найти дрова для огня, - сказала она. Он дрожал, лёжа на боку. Даже если его согреть, он может не пережить ночь, если выпил слишком много солёной воды.

В темноте она едва нашла несколько палочек из деревянной подстилки и мокрую корягу. Мирабелла собрала их и устроила под прикрытием скал в огромном беспорядке, с морскими водорослями, раковинами и галькой.

Она тоже дрожала. Дар был близок к истощению.

Когда она призвала огонь, тот не пришёл.

Мирабелла присела и потёрла руки. Она любила огонь, как и молнию. Он не мог игнорировать её, поджав хвост, умчаться!

Губы парня посинели.

- Прошу, - выдохнула она и толкнула дар с той силой, на которую была только способна.

Сначала ничего – а потом медленная струйка дыма поднялась вверх. После пламя согрело из щёки и сушило одежду. Шипело и плевалось, когда дождь Шторма Шеннон бил его, но не погасло. Её дар был исчерпан, отогнать облака она не могла. Шторм закончится тогда, когда должен.

Мальчишка дрожал меньше. Она стянула его куртку и рубашку и разложила на песке у огня, но так, чтобы не сгорели.

И положила плащ Элизабет. Он будет достаточно тёплым, когда высохнет.

Парень застонал. Если б Лука тут была, она бы знала, что делать!

- Холодно, - пробормотал он.

Мирабелла тащила его из глубин не для того, чтобы увидеть смерть. Она знала только одно, что могла сделать.

Она расстегнула платье и выскользнула из него, легла позади парня и обвила его руками, отдавая тепло. Когда её плащ высохнет, она укроет их обоих.

Мирабелла содрогнулась, проснувшись. После того, как она укрыла их сухим плащом Элизабет, она задремала, глядя в огонь, и ей снилось, что Арсиноя и Катарина стали деревом, мокрым, с дымящимися морскими водорослями вместо волос. Они горели и превращалась в угли, ползли крабами по песку. Парень лежал рядом. Капельки пота покрывали лоб, он вырывался, но она крепко держала его. Он должен быть в тепле. Утром ему потребуется свежая вода. Может, она найдёт, если поднимется вверх по скалам к лесу. Даже после дождя в лесу есть лёд на ветвях.

Мирабелла устроилась удобнее и положила руку парня на талию. Его глаза открылись.

- Лодка, - выдохнул он.

- Она на дне моря, - скорее всего, разбилась, учитывая силу волн.

- Моя семья вынуждена будет её менять...

- Не беспокойся об этом. Как ты? Что-то болит?

- Нет. Я замёрз. Мне очень холодно.

Его рука скользнула по её спине, под плащом, и пульс Мирабеллы участился. Даже почти утонувшим он был самым красивым парнем, которого она когда-либо видела.

- Я мёртв? - спросил он. – Я умру?

Его нога придвинулась к её.

- Ты не умер, - её голос сбился, - но мне следует тебя согреть.

- Так согрей.

Он прильнул к её губам. Это был вкус соли. Его руки скользили по её коже.

- Ты нереальна, - выдохнул он ей в губы.

Парень великолепно целовался. Он уже целовал её в шею – и повторял, что она нереальна.

Но, может, он нереален. Парень с глазами цвета шторма.

Мирабелла обвила ноги вокруг него. Он застонал не от холода.

- Я спасла тебя. И не дам тебе умереть.

Она жадно поцеловала его, и её прикосновение разбудило её и выдернуло из темноты. Он чувствовал, что держал её в руках. И она не даст ему умереть. Она их согреет.

Она зажжёт их.

Волчья весна

Матери Джозефа приснилось, что он утонул под волнами.

Это было больше, чем кошмар, сказала она, и Джулс ей поверила. Джозеф имел частичку Зрения в детстве. Этот дар должен откуда-то происходить. Но остальные скептически относились к этому, пока птицы не вернулись с ответом, что в Тригноре его никто не видел.

Лука толкнул чашку чая ей в руки. Он принёс её вниз к причалу, держа в руках.

- Увы, - промолвил он, когда чай горячей водой лизнул костяшки пальцев. – Мне так жаль, что я не смог принести крем, но тут... - он полез в карман куртки и вытащил кубики сахара.

- Спасибо, Лука, - сказала Джулс, и Хэнк устроился на его плече, пока Лука отдавал чашки всем остальным.

Джулс слишком беспокоилась, чтобы пить. Птицы принесли с собой шторм, чудовищный, что покачнул остров в открытом море и опустошил землю от Линвуда до порта.

Билли устроился рядом и положил руку ей на плечо.

- Джозеф хороший моряк, Джулс, - сказал он. – Скорее всего, он добрался до бухты и ждал, пока всё закончится. Мы скоро о нём услышим, я уверен.

Джулс кивнула, и Арсиноя устроилась рядом с нею с другой стороны. Камдэн вжималась в ноги. Вопреки словам успокоения, многие лодки уже покинули порт и мчались на поиски, и Мэтью, и госпожа Бакстер тоже.

Джулс смотрела на бухту. От того места, где она стояла, море казалось огромным. Впервые в жизни Джулс оно было

таким отвратительным. Безразличным и не показывающим ничего, кроме волн и морского дна, усыпанного костями.

Она ненавидела море прежде лишь раз, когда они ночью пытались бежать, и оно отказалось отпустить Арсиною. И этот туман, толстый, как сети, она ненавидела так сильно, что была готова в него плюнуть.

Но она была лишь ребёнком. Конечно, Богиня не будет хвататься за это проклятье и ждать столько лет, чтобы вновь швырнуть им в неё.

- Не знаю, почему мы столько всего делаем, - прошептал кто-то, - для пахнущего материком выскочки!

Джулс бросила взгляд на толпу.

- Что вы сказали? – спросила она, и чашка треснула в её руке.

- Тише, Джулс, - Арсиноя потянула её за руку. – Мы его найдём.

- Я не буду слушать слова против Джозефа, - прорычала Джулс. – Пока он не вернулся! Но вы недостаточно смелы, чтобы сказать это ему в лицо!

- Иди, Джулс, - проронила Арсиноя, когда толпа отступила от неё. – Мы его найдём.

- Как? – спросила Джулс, но позволила Арсиное увести её с пирса. – Арсиноя, мне никогда не было так страшно!

- Да, - кивнула королева, - но у меня есть план.

- Почему меня это пугает? – спросил последовавший за

ними Билли.

Арсиноя, Джулс и Билли оставили Волчью Весну в течение часа на трёх верховых лошадях Андерсона. У принадлежащих Арсиное и Билли были длинные ноги и маленькое седло, а у Джулс – побольше лошадка, ведь надо было удержать горную кошку.

Сменная одежда Джозефа была в мешке за седлом Арсиной, рядом с острым серебряным ножом.

Западное побережье

Когда Мирабелла проснулась, она была под плащом Элизабет. Шторм отступил, и огонь догорел, но она помнила тепло рук парня. Он был первым у неё. Этот так возбудит Бри, когда она вернётся... если вернётся однажды в Роланс и расскажет ей.

Она высунула голову из-под плаща. Было так рано. Вода ещё не сверкала, но день начинался с серого и туманного света. Парень сидел спиной к ней, вновь в брюках и рубашке, обхватив голову руками.

Мирабелла поднялась на одном локте. Платье было где-то под ней, и она попыталась незаметно в него забраться.

- Ты в порядке? – тихо спросила она.

Он немного повернулся.

- Да, - он закрыл глаза. – Спасибо.

Мирабелла покраснела. Он был так прекрасен как и тогда, когда оказался рядом. Она хотела, чтобы он вернулся и лёг рядом с нею. Он был так далеко.

- Что... - он всё ещё был наполовину повернут к ней, - что случилось?

- Ты не помнишь?

- Я помню бурю и нас с тобой, - он запнулся, - просто не понимаю, как... Как мог это сделать.

Мирабелла села и завернула в плащ.

- Ты... - она запнулась. – Тебе не понравилось.

- Нет, нет, это было прекрасно, но... Всё это не твоя вина.

Она с облегчением вздохнула и придвинулась ближе, чтобы завернуть их обоих в плащ. Она поцеловала его в плечо, а потом в шею.

- Иди ко мне, ещё слишком рано.

Он закрыл глаза, когда её губы коснулись её шеи. На мгновение она подумала, что он воспротивится, но он обнял её.

Он целовал её слишком яростно, вжимал в песок рядом с углями.

- Я не знаю, что творю, - прошептал он.

- Ты прекрасно знаешь, что делаешь, - Мирабелла улыбнулась, - и можешь сделать это снова.

- Да... Я... Не понимаю, но это всё, чего я хочу.

Он откинулся назад, чтобы посмотреть ей в глаза.

Она наблюдала, как его выражение из недоверчивого превратилось в отчаянное.

- Нет... - пробормотал он. – О нет!

- Что? В чём дело?

- Ты королева, - прохрипел он, отодвигаясь. – Ты Мирабелла.

Он не узнал её прошлой ночью. Часть её уже задавалась вопросом, боялась, что он отправит её в Роланс, но что-то совсем не думало об этом.

- Нет, - промолвил он, и она хихикнула.

- Всё в порядке. Это ничего, что ты был с королевой. Ты не будешь наказан и не умрёшь.

- Что ты тут делаешь? – спросил он. – Почему не в Ролансе и... с белым плащом?

Она изучала его с опаской. Не потому, что была королевой, а потому, что он сожалел об этом.

- Как тебя зовут? – спросила она.

Он не Аррон, не тот вид. Одежда долго носилась и часто чинилась. Может, долго плавал. Его акцент был не тем, что она когда-либо слышала.

- Меня зовут Джозеф Сандрин.

Кровь Мирабеллы похолодела. Она знала это имя. Парень, что любит Арсиною. Что был сослан за попытку помочь ей бежать.

Она подняла платье с песка и натянула его на себя так быстро, как могла, под плащом Элизабет. Она спала с парнем, что любил Арсиною. Желудок сжался.

- Неужели ты думаешь, что я – она? – спросила она,

справляясь с застёжками платья. – Ты считал меня Арсиной? Учитывая его замешательство от бури и холода, это служило смягчающими обстоятельствами.

- Что? Нет!

А после он удивлённо рассмеялся.

- Если б я прикоснулся к Арсиное, как тебе, - он остановился и вновь повернулся к ней, - она бы меня ударила. Ударил его. Да. Арсиноя всегда нападала первой в детстве. Особенно если действительно заботилась о тебе. Джозеф смотрел на волны. Вода была тиха. Спокойно сияла, невинная после того, как творила всё это прошлой ночью.

- Почему это случилось? После того, как я так долго ждал её...

- Кого?

- Девушку, что я любил всю свою жизнь, - он не сказал Мирабелле её имя, но ладно. Пусть.

- Она никогда не будет знать, - проронила Мирабелла. – Ты невредим. Жив. Иди домой.

Джозеф покачал головой.

- Я знаю, - он посмотрел на неё и коснулся щеки. – Я уже... нанёс ущерб.

- Не говори так! Ущерб – это словно случилось что-то ужасное. А мы не знали!

Джозеф не смотрел на неё, лишь печально глядел на море.

- Мирабелла, было бы лучше, если б ты позволила мне утонуть.

Они не могли остаться на пляже навсегда. Они выкопали в песке мидий и моллюсков, высушили у свежего огня вновь намокнувшую одежду, но задержались. Время истекло.

- Куда ты идёшь? – спросила Мирабелла.

- Внутрь страны, к дороге. Я должен вернуться повозкой в Волчью весну – так и поступлю.

Джозеф смотрел на королеву рядом с собой. Она вообще не походила на Арсиною и не была такой, как он ожидал. Он слышал, Мирабелла живёт так, словно её уже короновали, что ты должен упасть на колени, если она прошла по улице. Он слышал, она заперта в поместье Вествудов или прячется в

храме. По его мнению, она была праздничной игрушкой, которую вынимают на торжество и никогда не играют с нею. Эта Мирабелла была не такой. Она дика и смелая, чёрные волосы не заплетены и не прижаты к голове. Он задавался вопросом, была ли это королева из Роланса... Если все слухи ошибались. Или, может, эта Мирабелла появлялась только на пляжах после шторма – тогда она только его.

Они засыпали песком остатки мёртвого огня, и Мирабелла повела Джозефа вверх по пути к вершине скалы.

- Легче вверх, чем вниз, - сказала она, показывая порезы на ладонях.

Когда они добрались к вершине, то вместе шли через деревья к дороге.

- Тебе, наверное, надо к следующему городу, чтобы отыскать повозку. Я шла этой дорогой как минимум один день, но мимо никто не проехал.

Джозеф остановился.

- Что ты тут делаешь? Почему не в Ролансе, в окружении своих придворных?

Средне звучали его слова, но он не хотел... Он взял её за руку.

- Опасно тут быть одной.

- Ты говоришь, как моя подруга Бри. Я буду в полном порядке.

- Это значит, ты пошла на юг, ведь Катарина и Арсиноя на юге. Но так нельзя! Идти против других королев нельзя до костров, если не поменялись правила. Или поменялись? Меня так долго не...

- Не поменялись. Я убежала. Хочу быть одна. Тебе повезло, что я сделала это!

- Это да, - Джозеф улыбнулся. – Предполагаю, должен тебе.

- Думаю, да.

Они почти достигли дороги, но не хотели расставаться.

Шаги были медленными, они увлеклись. Когда Джозеф сказал, что пойдёт с нею на юг, Мирабелла поцеловала его в щёку.

Поцелуй повлёк следующий. У них было так мало времени, они получали, что могли. К тому времени, как солнце начало заходить, они не отошли далеко, но под деревьями было легче

найти хворост для костра.

Дорога из Волчьей Весны

Джулс использовала дар, чтобы погнать лошадей быстрее.

Она никогда не пользовалась этим в жизни. Тем не менее, они должны были провести всё время ночью в Хайгейте, а добравшись до окраин Индрид-Даун, Арсиноя использует деньги отца Билли и получит новых лошадей, а эти отправит в Волчью Весну.

Джулс похлопывала каждого из них по холке, поцеловала в щёки. Они прекрасны, но заболеют от скачки.

- Хорошо, - сказала Арсиноя. – Поехали.

- Подождите, - Билли растянул спину. Он был избалованным горожанином, что не привык спать в седле. – Я ещё не настроил стремяна.

- Можно и без них.

- Не так хорошо, как с ними.

Он потянулся к седлу, и девушки воспользовались временем, чтобы отладить собственные. Они проверили и перепроверили подпруги, и Джулс дала Камдэн полоску сушеной копчёной рыбы.

Арсиноя хотела отправиться на дорогу. Во время каждой остановки Джулс выглядела несчастной. Но они почти там.

Если Джозеф отправился туда, то буря застала его у мыса.

- Мы отправляемся в лес, - сказала Арсиноя.

- Почему? – спросил Билли.

- Увидишь.

Она запрыгнула в седло и повернулась лицом к шпилям Волроя. Индрид-даун был городом её сестры, и Арсиноя не могла войти туда без приглашения. Но после костров всё изменится, и если она будет коронована, то шпили станут её, вопреки тому, что от этого вида кружится голова.

Они быстро ехали по лабиринту мощёных улиц, туда, где дорога превратилась в гравий, потом в грязь, пока не

перепрыгнули последнюю канаву и не исчезли среди деревьев.

В лесу было ехать дольше, а лошади Индрид-дауна оказались мечтой – иссиня-чёрные, которых Джулс не должна была бы толкать Камдэн устала и свесилась с седла Джулс, тяжёлая и

мурлыкающе цепляющаяся за шею лошади. Это было свидетельством силы дара Джулс, если лошадь ещё с ума не сошла от страха.

- Мы должны оставаться на дороге, - сказал Билли. Никто не ответил, и он умолк. С тех пор, как они покинули Волчью весну, они молчали, но было ясно – если он оказался в ледяной воде, то умер. Умер за пару минут, и никакие поиски его не вернут. Они скоро узнают. Если заклинание Арсиной приведёт их к воде, они узнают.

Когда они вышли на поляну, достаточно большую, чтобы уместить их всех и огонь, Арсиная остановилась.

- Хорошо. Давайте собирать дрова, - сказала она.

- Собирать дрова? Мы только взяли этих лошадей! – сказал Билли.

Арсиная стянула вещи верёвкой. Огонь не займёт много времени. Джулс срезала бересту ножом, капли падали на локоны – и на огромную кучу.

Она стояла на коленях рядом с огнём, когда Арсиная зажигала спичку.

- Тебе нужны мои волосы? – спросила Джулс.

Арсиная с удивлением посмотрела на неё. Конечно, она знает! Джулс всегда могла читать её куда лучше, чем кто-либо другой.

Арсиная потянулась за кожаным мешком и достала маленький серебряный клинок, вынула его из ножен. Он был немного изогнут, острый, чуть длиннее, чем остальные ножи. Вытащила одежду Джозефа, которую принесла, положила на неё нож.

- Что происходит? – спросил Билли. – Что ты делаешь?

Арсиная подпитывала огонь сухими травами и ветвями.

Никого вокруг в течении долгих дней пути во всех направлениях. Они не миновали ни одного ограждения, не слышали собачий лай. Безветренная и немного странная теплота пугала – её разрушал только треск дерева.

Джулс закатала рукав.

- Я думал, ты можешь заставить цветы расцвести и пуму ходить с книгами на голове... - прошептал Билли.

- Джулс не принуждает кошку, - Арсиная схватила нож и

наконечником провела по горе одежды. – И она может заставить цветы распусться, но не я. Я могу только вот это.

- Низменная магия, - пояснила Джулс.

- Магия для бездарных, - Арсиноя схватила рубашку Джозефа и зубами оторвала полосу.

- Почему мне не нравится это название? – спросил Билли. – Кажется, ты должна держать это в секрете?

- Это правда.

- Это ложь, - промолвила Джулс. – Смертельная.

- Почему тогда этим пользоваться? – спросил Билли.

Арсиноя покачала ножом.

- Ты хочешь найти Джозефа или нет?

Джулс со страхом наблюдала за тем, как он крутился в руке Арсинои. Она никогда не обманывалась низкой магией, даже в детстве, когда многие дети любопытствовали. Низменная магия – не игрушка. Она не дар. Её нельзя удержать. Жрицы храма называют её просрамлением молитвы – может быть, ты ответишь, может, нет, но цена есть всегда.

- Хорошо, - промолвила Джулс и сжала её руку.

- Подожди! – Воскликнул Билли прежде, чем Арсиноя смогла сделать надрез. – Джозеф не хотел бы, чтобы вы это делали, он бы не одобрил!

- Знаю, но он сделал бы это для меня, если б это я пропала без вести.

- Закрой глаза, - сказала Арсиноя. – Думай о Джозефе. Ни о чём, кроме него.

Джулс кивнула. Арсиноя спокойно дышала и надрезала руку Джулс, вонзилась в плоть над большим пальцем. Тонкая красная нить потекла на полосу, кругами падала на землю. Арсиноя тщательно вырезала сложную паутину символов, что ей показала Мадригал.

Она сжала руку Джулс и рубашку Джозефа.

- Сожми.

Джулс сжала пальцы. Кровь закапала на ткань. Когда её стало достаточно, Арсиноя бросила оставшееся в огонь и быстро замотала порезы Джулс полосой ткани.

- Дыши дымом.

- Ты потеряла слишком много крови? – спросила Джулс. –

Ох мне плохо. Мои глаза...

- Не бойся. Думай о Джозефе.

Дым был едким от крови. Арсиноя и Билли смотрели, как Джулс вдыхала его и испытывала заклинание. Джулс становилась судном для желаний дыма. Если Арсиноя сделала всё правильно, она пожелает Джозефа.

- Она в порядке? – спросил Билли.

- Будет, - сказала Арсиноя, хотя не знала. Не важно.

Слишком поздно повернуть назад.

Арсиноя и Билли вели лошадей за Джулс, когда она рывками обходила деревья. Это было трудно – лошади были пугливы и нервны без дара Джулс, успокоить некому, и они боялись, что Джулс стала просто вещью, магия заключилась в её коже, изгнав человека.

- Что ты с ней делаешь? – прошептал Билли.

- Ничего, - ответила Арсиноя. – Она ищет Джозефа.

Ищет. Но не Джулс. Но когда найдёт... Пусть идёт, это просто надежда.

Камдэн наткнулась на ногу Арсинои и нервно зашипела.

Казалось, заклинание отравило пуму. Она не хотела быть рядом с оболочкой, что не являлась Джулс, и была рядом с Арсиноей и лошадьми.

Билли смотрел то на кошку, то на Арсиною.

- Как долго ты это делала? – спросил он, покосившись на неё через плечо.

- А что?

- Не думаю, что ты достаточно знаешь, как делать вот это.

Он разочарованно хмурился. Арсиноя ударила его в руку.

- Не работает? Думаешь, ты тот, кто может судить?!

Джулс сказала, что Джозеф заставил Билли наполовину полюбить её. Но нет. Арсиноя видела сквозь него тёмные планы отца. Он женится на королеве. На той, что возьмёт корону. Но приятно быть другом. И она понимала его причины. Джулс впереди застонала. После почти закричала и ломанулась к побережью. У воды Арсиноя нервно посмотрела на Билли и сжала его плечо.

Через мгновение Джулс поменяла направление и

рванулась вперёд.

Арсиноя впихнула поводья своего коня в руки Билли.

- Держи, - пробормотала она. – Кэм, за мной!

Пума больше не нуждалась в просьбах, она словно чувствовала возвращение Джулс. Её уши поднялись, и она мурлыкала, когда они мчались вперёд.

Джозеф и Мирабелла шли рука об руку. Даже проведя долгое утро рядом с огнём, они приближались к столице.

Независимо от того, как медленно они шли, скоро они придут.

И никто не может отвадить время.

Джозеф вернётся в Волчью весну. К своей девушке, к месту, которому принадлежит, и всё это закончится.

Но не будет забыто.

- Глупо грустить, - сказала Мирабелла ночью, когда они лежали вместе. – Всё так, как есть. И если б ты был свободен, я б всё равно не держала тебя.

Мирабелла замерла при движении в деревьях, и Джозеф выступил перед нею. Может, это поисковая группа из Роланса. Она почти надеялась на это. Тогда они её утянут, и она не уйдёт от него по своему желанию.

Крик девушки разрезал лес. Пальцы Джозефа отпустили её руку.

- Джулс? – закричал он. – Джулс!

Он посмотрел на Мирабеллу с сожалением, а после рванулся вперёд.

Мирабелла следовала за ним на безопасном расстоянии.

Но достаточно близко, чтобы увидеть девушку, что помчалась сквозь листья, будто зверь.

- Джозеф!

Девушка бросилась ему на грудь, и он обнял её. Она рыдала, так громко для такого хрупкого тела.

- Твоей матери приснился сон... Я так испугалась!

- Я в порядке, Джулс, - он поцеловал её в голову. Она вскинула её и прильнула к его губам.

Сердце Мирабеллы сжалось. Она прильнула к дереву, пока Джозеф целовал девушку, которую любил всю жизнь.

Что-то пошатнулось, и золотая кошка запрыгнула на них

обоих.

Мирабелла наблюдала, как они ласкали пупу. Природа. И такой фамилиар соответствует королеве. Арсиноя рядом. Её сестра.

А после она увидела её. С улыбкой, которую узнала Мирабелла, с короткими, упавшими на плечи волосами. Мирабелле хотелось закричать. Широко раскинуть руки. Но она боялась двигаться. Она так давно видела Арсиною! Но та не изменилась – даже те же грязные пятна на её лице.

Из-за деревьев вышел ещё один парень с трёмя лошадьми, может быть, сопровождающий.

- Мы думали, что ты мёртв, - промолвила Арсиноя.

- Я вижу. Вы даже не прихватили ещё одну лошадь.

Все рассмеялись – кроме Джулс.

- Это не смешно, - выдавила она.

Они не видели Мирабеллу. Она наблюдала за их объятиями, слушала их смех. Но вопреки всем порывам, она не нашла в себе мужество, чтобы заговорить. Вместо этого она сжалась за деревом и молча страдала. Пройдёт много времени, прежде чем они уйдут.

Арсиноя с облегчением выдохнула, наблюдая за объятиями Джулс и Джозефа. Джулс была собой. С тех пор, как она увидела Джозефа, заклинание ею больше не владело.

- Тебе больно? – спросил Билли. Лошади ещё нервничали, и он едва мог их сдерживать.

- Нет, но лодка утонула. Я попал в шквал, пошёл ко дну.

Едва добрался до берега.

- Я думал, что научил тебя плавать получше, - Билли засмеялся.

- Ты вообще не учил его плавать. Он на лодке был до того, как родился!

- Джулс! – Джозеф смотрел на её руку, завёрнутую в окровавленную ткань. – Что случилось?

- Потом, - перебила Арсиноя. – Мало того, что ты едва не дотянул? Надо вытащить тебя из этого леса в тепло и покормить.

- Ты права, - Джозеф обнял Джулс и обернулся на лес.

Глаза Арсинои проследовали за его взглядом и наткнулись на

чёрные юбки. Когда они покидали луг, она незаметно выронила нож. Было просто притвориться, что она заметила это спустя мгновение, и вернуться одной.

Мирабелла ничего не слышала, прежде чем шаги не раздались совсем близко.

- Арсиноя!

- Ты плохо пряталась. Прекрасные чёрные юбки торчат.

Мирабелла застыла от тона её голоса. Её глаза покосились на руку Арсинои, в которой та держала нож. Все говорили, что сёстры слабы. Их просто убить. Но ей не было просто. Арсиноя выигрывала.

- Что ты тут делаешь? – спросила Арсиноя.

- Не знаю, - Мирабелла чувствовала себя душой. Когда она ушла из Роланса, не думала, что увидит свою сестру и услышит её голос. Но вот они. Вместе, словно и не расставались.

- Ты стала высокой, - сказала Мирабелла.

Арсиноя фыркнула.

- Высокой...

- Ты помнишь меня?

- Я знаю, кто ты.

- Я спросила иное, - трудно поверить, как ей хотелось коснуться Арсинои. Она ещё не поняла, сколько потеряла. Она сделала полшага вперёд. Арсиноя отступила и сжала нож крепче.

- Я тут не потому...

- Мне плевать.

- Ты не помнишь, - выдохнула Мирабелла. – Хорошо. Я помню достаточно для нас. И расскажу, если послушаешь.

- Что послушаю? – Арсиноя подозрительно прищурилась. Природа научила её бояться. Ненавидеть, как храм учил Мирабеллу. Но это ложь.

Мирабелла протянула руку. Она не знала, что будет делать, если Арсиноя возьмёт её, но должна попробовать. Загрохотали копыта. Только не это... Вооружённые жрицы окружили их.

- Что это? – прорычала Арсиноя. – Засада? – она посмотрела на нож в своей руке, словно думая взять Мирабеллу

в заложницы. – Джулс! – закричала она вместо этого. – Джулс! Это всего минута до девушки с пумой и Джозефа. Но они были отрезаны от них. Жрицы сомкнули их в кольцо.

- Нет, Арсиноя... - начала Мирабелла.

- Королева Мирабелла!

Мирабелла нахмурилась. Ро сидела верхом на высокой белой лошади с поводьями в одной руке. А во второй длинное копьё.

- Вы ранены?

- Нет, я в порядке. Я в безопасности! Прекрати это!

Ро вклинила лошадь между сестрами, и Арсиноя рухнула на траву.

- Ро, стой!

- Нет, - Ро затащила Мирабеллу в седло, словно та была невесомой.

– Слишком рано, - громко проронила она. – Даже ты не можешь нарушать правила и убить королеву до Костров! На земле Арсиноя смотрела на неё снизу вверх. Мирабелла покачала головой, но это никуда не годилось. Ро отдала сигнал жрицам, и они ускакали вместе, отклоняясь на север и оставляя Арсиною и Джозефа далеко позади.

- Верховная жрица недовольна тобой, Моя королева, - прошипела Ро в ухо Мирабелле. – Не стоило бежать.

Озеро Звездопада

Лука встретила Сару Вествуд на берегу озера Звездопада. Это было в глубине Роланса, большое глубокое озеро, чуть вытянутое. Место, где начинала свой бег река, где впервые Лука встретила Мирабеллу. Сюда пришлось идти очень долго, но нет ушей у двери, никто не подслушает.

Сара поприветствовала Верховную Жрицу и кивнула. Её волосы стали более седыми, в уголках глаз появились морщинки. К концу Вознесения Сара может очень постареть.

- Ни слова? – спросила она.

- Ничего, - ответила Лука. – Но Ро её найдёт.

Сара смотрела на стально-синее озеро.

- Наша Мира... - печально промолвила она. – Не знаю, была ли она несчастна... после её первого прибытия она никогда не скрывала эмоции. А что, если она ранена?

- Она не пострадает, Богиня защитит её.
- Но что делать? – спросила Сара. – Не знаю, как долго мы сможем сохранить тайну, слуги уже подозревают...
- У них не будет доказательств после возвращения Мирабеллы. Не волнуйся, никто не узнает о её пропаже.
- А если Ро её не найдёт? Если...

Лука схватила её за руку. Если прикосновение Верховной Жрицы было на что-то одарённым, то оно уж точно останавливало панику. А для паники у Луки времени не было. Она не требовала Сару пройти этот путь только для успокоения её страхов.

Она отвела Сару к вечнозелёной рощице с огромным камнем, тёмным и выветренным, плоским, будто стол. Её жрицы остановили тут чай и хлеб, вновь разогретый суп на небольшом огне для приготовления пищи.

Лука собралась с силами и поднялась на скалу. Она была рада тому, что подъём оказался лёгким, и она устроилась на подушка и одеялах.

- Присядешь со мной? – спросила она. – Будешь есть?
- Буду есть, - Сара серьёзно смотрела на каменный стол. – Но не сидеть, Верховная Жрица, если позволите.
- Почему нет?
- Это священный камень, - пояснила Сара. – Жрицы Природы однажды пожертвовали на нём зайцев, бросили сердца в озеро.

Лука провела рукой по скале. Кажется, это был просто камень, в прошлом пьяный от крови. И он пробовал кровь не только кролей. Столько всего таит в себе остров... Столько видит Богиня... И Лука считала, что как раз время обсудить жертвоприношение королев.

Лука разорвала хлеб пополам и протянула кусок Саре. Это был хороший, мягкий хлеб, с овсяной коркой, но Сара не ела, а мяла его в руках, пока не скрошила до конца.

- Никогда не думала, что она такое сделает... - проронила Сара... - Она была столь послушна.
- Не всегда, - Лука ела. Было время, когда Мирабелла никого не слушала. Но она тогда ещё не была достойной молодой королевой.

- И что желать?

Лука допила чай и боролась с желанием ударить Сару по лицу. Сара хорошая женщина, они давно дружат, но она слишком мягка. Слишком трудно проводить с нею во главе Чёрный совет. Луке казалось, что она помилует Верховную Жрицу, что будет это делать.

- Что делать... - проронила Лука. – В самом деле... Скажи мне, Сара, что ты знаешь о Королеве-Белоручке?

- Благословлённая... - нерешительно ответила она. – Четвёртая близняшка.

- Но не только. Королевы назывались Белоручками, когда сёстры умирали иначе... Например, их топила акушерка, или они умирали от проклятия, или... Или их приносил в жертву острову.

- Я об этом никогда не слышала.

- Это старая легенда. Я думала, что легенда... Но я так стара, что пропустила знаки.

- Какие знаки?

- Слабость Катарины и Арсинои. Безграничная сила нашей Мира. И, конечно, нежелание убивать. А ведь это её единственный недостаток.

- Я не понимаю... Вы думаете, Мира не желает убивать, потому что её предназначение быть белоручкой? И Арсиною и Катарину принесут в жертву?

- Они будут священными жертвами в ночь Вознесения.

Лука барабанила пальцами по камню. Сердце стучало так же глухо.

- Это старые сказки, - сказала она. – Сказки о королеве, что куда сильнее сестёр. Единственная королева... В ночь Вознесения люди признавали это и сжигали других королей.

Лука напряжённо ждала. Сара долго молчала. Она неподвижно стояла, скрестив руки на груди.

- Было б куда легче... - наконец-то проронила она, и Лука расслабилась. Глаза Сары были полны грусти, но правда ли она считала, что сказка не имела значения? Ро права. Сара сделает так, как скажет храм.

- Не обременяй себя. То, что должно случиться, случится. Я просто хочу, чтобы остров был готов. Ты сильный голос храма,

Сара. Было бы лучше, чтобы люди услышали об этом прежде, чем увидят.

Сара кивнула. Она так же прекрасно распространит их рассказ, как прославила Мирабеллу. К ночи Вознесения люди будут сгорать от нетерпения. Может быть, сами подберут ножи.

Одна из начинающих жриц подошла с тёплыми чашками свежего чая. Сквозь складки мантии Лука видела проблески длинных серебряных клинков храма. Придёт Белтейн, и каждая жрица возьмёт свои.

Это не ложь, говорила Ро. Это часть правды. Ради всеобщего блага. Кто-то должен это сделать, если королева не избранная.

После церемонии Вознесения, когда толпа на Белтейне опьянеет и будет в экстазе от чар Мирабеллы, жрицы выступят, чтобы отрубить Арсиное и Катарине головы. Они перережут им шеи, отрубят руки по плечи. И когда это закончится, у них будет новая королева

Грэйвисдрейк-Мэнор

Арроны

приветствовали

делегацию

с

Чатвортом

единственным известным им способом – небольшой сверкающей вечеринкой в северном зале. В то время, как всё сияло, они принимали младшего Чатворта как потенциального короля-консорта. Эта встреча будет в небольшой столовой на втором этаже – более интимная... И Катарина сможет похитить его сердце.

Интересно было находиться во вновь наполнившемся людьми доме. Кузен Люциан вернулся с прислугой из своего домашнего хозяйства, и он кланялся Катарине при каждой встрече. На его губах расцветала любопытная улыбка, и она не понимала, смеётся ли он с нею или над нею.

К сожалению, возвращение людей в Грэйвисдрейк подразумевало возвращение Женевьевы, что очень лично приняла свою высылку. Как младшая сестра, она ненавидела,

когда Натали прогоняла её, и после возвращения настаивала на своём максимальном участии в делах.

- Моя голова до сих пор болит от всех попыток причесать волосы, - проронила Катарина, прижавшись к спине Пьетра. Они спрятались в библиотеке, там, где она могла быть с ним наедине после возвращения Женевьевы.

- Пальцы бедной Жизель тоже болят, - продолжила она. – Женевьева всегда недовольна моими волосами.

- Твои волосы красивы... Идеальны.

Женевьева выложила косу с тесьмой. Она вплетала бусинки и струи жемчуга, только чтобы вновь их вырывать. И всё это чтобы заявить, что шея Катарина слишком тонка, а волосы следует распустить, дабы это скрыть...

- Мне иногда кажется, что она желает моего провала... - шепнула Катарина.

- Не слушай её, - Пьетр поцеловал красное пятно на её плече. – После ухода жениха Натали опять отправит её в город, и ты не увидишь её до костров.

Она вывернулась в его руках, чтобы поцеловать.

- Вот так ты должна целовать и Чатворта. Трудно будет подобрать момент за этот короткий глупый ужин... Но у тебя будет время.

- Что делать, если я его не люблю?

- Ты можешь полюбить. Но это не имеет значения. Ты королева и должна выбрать супруга.

Он коснулся её щеки, потом поднял подбородок. Он не увидит, как делегат попадётся в ловушку Мирабеллы. Только она...

Уильям Чатворт Младший был достаточно красив. Его внешность не бросалась в глаза, как у Пьетра, но плечи были сильны, подбородок твёрд, а короткие волосы светлы. Глаза обладали ничем не примечательным оттенком карего, но казались твёрдыми даже в условиях званого обеда Арронов. Он пришёл один, без матери или даже отца, только с двумя сопровождающими. Напряжённый взгляд не был его идеей. Его швырнули в логово волков. Но были дома и хуже... многие Арроны тесно контактировали с последним королём-

консортом. Из всех семей на острове они лучше всего знали материк и его обычаи.

Помимо короткого приветствия и представления, они с Катариной не говорили. Большую часть он говорил с Луцианом, но теперь Катарина вновь подняла голову и рассматривала его. Подали медальоны из телятины и золотой картофельный пирог.

Неядовитые,
само
собой.

Арроны
пытались

притворяться, что едят, но только голодные смогут положить в рот хотя бы кусочек.

Женевьева взяла Катарину за руку и с силой сжала её пальцы.

- Не превращайся в свинью только потому, что оно не ядовитое.

Для того, чтобы запомниться, она с силой повернула кожу на локте Катарины. Было так больно, что Катари почти закричала. А завтра придётся прятать перчатками синяк. Пьетр сидел на противоположной стороне, сжав зубы. Он был готов прыгнуть через тарелки и сжать руки на шее Женевьевы. Катарина поймала его взгляд, и он, казалось, расслабится. Он прав. Только пока тут Чатворт. А потом Женевьеву вновь прогонят.

После окончания ужина, когда еду уже будто бы съели, Натали провела всех в гостиную. Эдмунд протянул что-то, очевидно, отравленное, ибо Арроны бросились туда, как птицы к куску хлеба. Горничная принесла поднос с зелёной бутылкой – что-то особенное для королевы и жениха.

- Позвольте, - проронила Катарина. Она взяла бутылку за горлышко и всмотрелась в стекло. Казалось, все на неё смотрели.

- Вы будете пить, Уильям Младший? – спросила она.

- Конечно, королева Катарина.

Она налила им обоим, и шампанское искрилось в бокалах.

- Можете называть меня просто Катариной, если хотите...

Или Катари. Я знаю, полное имя слишком сложно.

- Я не привык к этому. Придётся попрактиковаться.

- У нас для этого будет много времени.

- Тогда зовите меня Билли. Или Уильям. Некоторые предпочитают называть меня Младшим, но мне бы не хотелось распространения...

- Странно называть ребёнка как родителя. Словно родитель собирается заполнить его тело.

Они рассмеялись.

- Кажется, отец считает своё имя достаточно хорошим.

Катарина рассмеялась и оглянулась.

- Каждый смотрит на нас и делает вид, что отворачивается. Не хочу тут говорить...

- Да? А где же?

- На тропе, в прекрасный весенний день... На лошадях вы докажете свою храбрость и поймаете меня.

- Вы не думаете, что моё прибытие уже доказывает мою храбрость?

- Это правда. Именно так.

Она нервничала и быстро пила. Катарина вновь наполнила свой стакан.

- Арроны долго жили тут, - проронил он, и Катарина кивнула.

Арроны обитали в Грэйвисдрейк. И это больше, чем их яды и болезненные произведения искусства на стенах – натюрморты с мясом и цветами, обнажёнными чёрными змеями. Они просочились в само поместье. Теперь каждый дюйм дерева, даже тени были ими...

- Конечно, наследственная усадьба Арронов находится в Принне, - сказала Катарина. – Грэйвисдрейк-Мэнор – это законный дом стюардов королевы, и он переходит от королевы в королеве.

- Вы имеете в виду, что если Арсиноя станет королевой, то тут будут жить Милоны? – Билли быстро умолк, словно ему говорили не упоминать имена сестёр.

- Да, - ответила Катарина. – Думаете, они этого хотят? Как это бы выглядело?

- Нет, - ответил он и посмотрел на высокие потолки, окна с

бархатными шторами. – Мне кажется, им больше бы понравилось жить в палатках во дворе. Катарина позволила себе живой смех. Настоящий – и взгляд виновато искал Пьетра. Он был в дальнем углу, делая

вид, что пристально слушает советника Ренату Харгроув и Маргарет Биюлин, но он всё время ревниво наблюдал за Катариной. И ей не хотелось думать, что без Пьетра было бы куда легче...

- Билли, вы не хотели бы рассмотреть поместье?

- С удовольствием.

Никто не возражал, когда они вместе покинули зал, хотя тишина закралась в разговоры. Освободившись от гостинной, Катарина глубоко вздохнула. Когда материковец посмотрел на неё, она покраснела.

- Иногда мне кажется, что если ещё немного церемоний, я закричу... - промолвила она. Он улыбнулся.

- Я понимаю, о чём речь.

Она так не думала... Но скоро он поймёт. Белтейн – это ритуалы. Охота, Высадка, Вознесение. Его бедный умишко будет пытаться вспомнить все правила этикета.

- От этого перерыва не будет, думаю... - сказал он. – Даже не от встреч... А сколько женихов будет, королева Катарина?

- Я не знаю. Прежде было много, но теперь Натали считает, что лишь шестеро или семеро.

Но даже эта цифра казалась бременем, когда она думала о Пьетре. Как просить его стоять и смотреть? Он говорит, что желает этого, но она знает, что это ложь.

- Вы не говорите возбуждённо, - промолвил Чатворт. – Никто из королев, казалось, не желает ухаживаний. Девушки, которых я знал дома, сошли бы с ума, получив столько поклонников.

Катарина попыталась улыбнуться. Она позволила ему говорить, отойти от Мирабеллы и Вествудов. Заставила себя сделать шаг к нему и податься вперёд.

Когда она его поцеловала, губы были теплы. Он прижался к ней, и она едва не отшатнулась. Она никогда не будет тонуть в нём, как это было с Пьетром. Нет смысла надеяться. Она

получит куда больше королевой. Бесстрастные моменты молчаливого крика, пока не вернётся к Пьетру.

- Это было прекрасно, - проронил Чатворт.

- Да, именно.

Они неловко улыбались. Он не был похож на счастливого больше, чем она, но они всё равно подались друг к другу вперёд, чтобы повторить это.

Волчья зима

- Ты ненавидишь её, да? – спросил Джозеф, сидя с Арсиной за столом на кухне Милонов, когда Мадригал омывала свежие порезы рун на руке Арсиной. Они достигали запястья, и теперь раны кровоточили на каждой ладони.

- Ты имеешь в виду Мирабеллу? – спросила Арсиная. – Конечно, ненавижу.

- Но почему, если даже не знаешь её?

Может быть. На мгновение в лесу, когда Мирабелла протянула руку, Арсиная едва не поверила в альтернативу. А потом пришли жрицы, куда больше солдаты, чем рабыни храма, и всё пропало. Её сестра хитра и сильна. Она подошла очень близко. Столько солдат – и все на неё одну... Чтобы уберечь её от слишком быстрого убийства.

- Я не думаю, что это странно. Разве ты не видишь. Это будет одна из нас. Она. Всю жизнь я слышала, что это будет она. Я должна умереть, она будет править. И не имеет значения, что я тут.

Бабушка Каит бросила полотенце через плечо, прогоняя ворону, что отправилась в другую комнату и вернулась с банкой мази. Она упала на стол и покатила по дереву.

- Я к этому не прикоснусь, - сказала Мадригал. – Пахнет жиром.

- Тогда это сделаю я, - грубовато проронила Каит и воспользовалась тем же полотенцем, чтобы согнать дочь с кресла.

Руки Каит казались грубыми ранам Арсиной, когда она втирала мазь в порезы. Грубыми от волнения, но ведь она ничего не говорила. Никто ничего не сказал об использовании Арсиной низменной магии. С тех пор, как она вернула Джозефа, молчала даже Джулс.

Это было не в природе Каит держать язык за зубами. Но наказание Арсиной к добру не приведёт. Она слишком долго рвалась и привыкла поступать по нраву.

- Ты должна позволить этому дышать некоторое время.

Прежде чем вновь замотать.

Каит минуту держала руку Арсиной, а после сжала и положила на стол. Арсиной нахмурилась. Милоны любили её, но так, как любит обречённую вещь. Только Джулс считала иначе. А теперь Мадригал.

- Не думаю, что это важно, ведь Мирабелла в этом не виновата, - сказал Джозеф, и Каит ударила его своим полотенцем.

- Перестань защищать эту королеву, Джозеф Сандрин, - огрызнулась она.

- Но она спасла мне жизнь.

- Этого хватит, чтобы купить твою верность? – спросила Каит, и Джозеф с Арсиной улыбнулись.

Джозеф встал, когда Джулс проскользнула сквозь переднюю дверь, наклонился и поцеловал Арсиной в лоб.

- Ты тоже спасла меня, нашла меня, - он положил руку ей на плечо. – Но я не хочу видеть никаких ран на Джулс, понимаешь?

- Даже если ты опять пропадёшь?

- Даже если так.

Она шумно вздохнула.

- Ты прямо как послушник храма.

- Может быть. Но так звучит всё самое правильное.

Арсиной увидела Джулс намного позже, когда та вернулась в их комнату вечером, с Камдэн. Если б не печально обвисший хвост горной кошки, Арсиной могла бы и не понять, что что-то не так.

- Джулс. Ты вернулась?

- Да. Я тебя разбудила?

Арсиной села и пыталась найти тумбочку, пока не отыскала спичечный коробок. Она зажгла свечу, чтобы увидеть обеспокоенное лицо Джулс.

- Я не спала, а это уже хорошо, - Арсиноя протянула руку к Камдэн, но кошка только зарычала. – В чём дело? Что-то случилось?

- Нет. Я не знаю, - Джулс забралась в одежду в постель. – мне кажется, что-то случилось с Джозефом.

- Что ты имеешь в виду?

- Он изменился после крушения.

Джулс устроилась тихо на подушках, и Камдэн улеглась рядом с нею, положила огромные лапы на плечи.

- Как ты думаешь... - начала Джулс. – Что могло случиться с твоей сестрой?

- Моей сестрой? – повторила Арсиноя. Джулс никогда прежде не говорила так о других королевах. Это казалось обвинением, хотя Арсиноя не могла поверить в то, что такое возможно. – Нет, ничего. Тебе привиделось.

- Он слишком часто пытается найти шанс вспомнить о ней,

- проронила Джулс.

- Только потому, что она спасла его.

- Они были вместе две ночи.

Клубок стягивался в животе Арсинои. Она хотела, чтобы Джулс перестала говорить об этом. Она не хотела знать.

- Это ничего не значит. Она... Вероятно, использовала его, чтобы найти меня. Может быть, она даже послала шторм.

- Может быть.

- Ты спрашивала его? – спросила Арсиноя, и Джулс покачала головой. – Так спроси. Уверена, он скажет, что ничего не было. Джозеф столько тебя ждал! Он бы никогда...

Арсиноя умолкла и посмотрела в сторону коридора. Когда Джозеф пришёл домой, они трудились над заклинанием. На

крови – и связывали всё. Но она уничтожила его до окончания. Или она думала так.

- Спи, Джулс, - Арсиноя погасила свет. – Лучше подождать до утра.

В ту ночь девушки плохо спали. Джулс и Камдэн боролись за место на кровати, сталкиваясь лапами и коленями. Арсиноя долго прислушивалась к шороху одеял. Когда она наконец-то закрыла глаза, ей снился Джозеф в кровавом море.

Утром Каит отправила Джулс и Арсиною в город, чтобы подобрать надлежащую фестивалю одежду. Мантии, как говорила она, морщась. Каит и Арсиноя ненавидели платья. Коричневые и зелёные шерстяные платья она носила потому, что так было надо. Но.. Эти костры будут первыми с дня рождения Джулс. И как распорядители Арсини, Милоды должны присутствовать. Белтейн, как говорила Каит, обязанность молодых.

- Мы увидим Джозефа? – спросила Арсиноя.

- Чтобы заставить его идти за покупками?

- Нет причин страдать одним. Мы можем попробовать куртки и вышвырнуть еду для клешней краба... Он будет огромен!

- Хорошо, - сказала Джулс. – Он всё равно не будет в море. Джозеф ещё долго не будет в море. Нельзя потерять его так скоро после прибытия. И мать особенно... Она с Ионой заставили его работать на верфи. Даже Мэтью было запрещено выходить далеко, хотя это означало отдать лучшие места. Арсиноя вдохнула потеплевший утренний воздух. Волчья весна оживала. Скоро деревья расцветут, и вокруг будет столько запахов.

- Подождите, Джулс! Арсиноя!

Миниатюрная чёрная ворона взлетела над головой и дважды ударила крыльями по лицу Джулс.

- Арья! – вспыхнула Джулс. Камдэн прыгнула за птицей, но ворона вновь бросилась к Мадригал.

- Я иду с тобой, - сказала Мадригал. Она была так хороша в светло-голубом платье и высоких коричневых сапогах. Её волосы локонами спадали с плеч. Корзина в руке была прикрыта белой тканью. Пахло печёным хлебом.

- Зачем? – спросила Джулс.

- Я знаю о нарядах больше вас, - сказала она. – И не хочу проводить этот день в доме.

Джулс и Арсиноя переглянулись и вздохнули. После плохого ночного сна они не могли ворзжаться.

Они нашли Джозефа с Мэтью, что говорили на палубе Уистлера.

- Вот они, - Мэтью широко улыбнулся. – Три из наших

любимых дам.

- Мэтью Сандрин, - Джулс бросила взгляд на свою мать, - ты слишком вежлив, - но она улыбнулась, когда Джозеф запрыгнул на скамью и притянул её к себе.

- Они так милы... - проронила Мадригал.

- Именно, хотя мне б не хотелось это видеть, - промолвил Мэтью и толкнул Джозефа в плечо.

- Мы пришли его отобрать у тебя, - промолвила Арсиноя.

- А взамен? Ваша компания за то время, как я притащу крабов?

Арсиноя покраснела. Мэтью Сандрин был единственным парнем, что заставлял её покраснеть. Даже в детстве она завидовала тёте Караф.

- Может быть, это подойдёт? – Мадригал протянула свою корзину. – Свежий хлеб из отрубей и копчёная ветчина. Два помидора из теплиц. Лучшее, что есть – я сама растила. Мэтью наклонился, чтобы взять корзину.

- Спасибо. Это неожиданно.

- Я потом вернусь за корзиной, - сказала Мадригал. – Заплыв надолго?

- Не с моей мамой.

- Давай... - Джулс помахала рукой. – Если поскорее закончим, можем заглянуть к Луке на чай!

Их

предназначение,

Воздушный

Рынок,

был

единственным местом, где можно найти подходящую для королевской одежды.

- Может, что-то из этого кружевного? – предложил Джозеф, и Арсиноя схватилась за рукав.

- Кружева, - пробормотала она себе под нос. – Кружева, кружева, я тебя убью...

- Ну, не кружева, - но выбирать было не из чего. Платья казались стандартными, в синих и зелёных цветах.

- Может, тебе что-то надо? – Арсиноя схватила его за куртку. – На охоту? У вас тут что-то есть?

- Для праздника, ты имеешь в виду, - сказала Мадригал. – На охоте мужчины Природы без рубашек. Голые по пояс, с символами на них. Джулс, ты можешь подумать о знаках для Джозефа, - она улыбнулась и протянула платье Джулс, что отмахнулась от него, как пума. – Мэтью присоединится к охоте в этом году?

- Не знаю. Он может. И не может. Говорит, что это для молодых.

- Но Мэтью не стар, ему не больше тридцати!

Джозеф сжал руку Джулс. Мэтью двадцать семь – как и Луке, - но Лука намного моложе. Он не знал печали Мэтью. Потери. Все годы Мэтью казались веками после того, как они забрали Караф.

- Я поговорю с продавцом, - заявил Джозеф. – Может, они ещё возят вещи из Индрид-Даун, если ещё не боятся отравленных платьев.

- Он не отличается, как по мне, - шепнула Арсиноя Джулс после того, как он ушёл.

- Возможно, ты права.

- Так почему не отправиться куда-то? Мы тут ничего не получим.

- Ты уверена? – Джулс покосилась на мать. – Я могу остаться...

- Иди, - сказала Арсиноя и покосилась на платье из кружева и с чёрными лентами. – Итак, ты сможешь увидеть мой позор впервые на высадке, как и остальные.

Джулс толкнула её в плечо, и Арсиноя наблюдала, как она пошла к Джозефу и шептала ему на ухо что-то глупое из разговоров влюблённых, что она сама никогда не сможет сказать.

Конечно, Джулс не права. Джозеф, может, сделал всё, что мог, но она единственная девушка в его сердце... Или нет? Кроме того момента, как они уходили из магазина, Арсиноя ловила его виноватое отражение в стёклах.

- Арсиноя? Что случилось? – спросила Мадригал.

- Ничего, - но она схватила Мадригал за запястье. – Это первое заклинание под деревом, когда вернулся Джозеф... Этого не случилось. Оно разрушено. Да?

- Не знаю. Я предупреждала, не надо его трогать.
Она не предупредила об этом, Арсиноя помнила – и они молча шли к книжному магазину Гиллеспи. Она подумала только после того, как сожгла...
Низменная магия мстит. Сколько она слышала об этом...
Джулс, Каит... Караф очень давно.
- Что делать, если мы навредили? Что-то изменили в Джулс и Джозефе?
- Что бы ты ни сделала, ничего не изменить. Оно работает само по себе. Ты должна нести это, - она игриво толкнула

Арсиною. – Моя Джулс влюблена и счастлива. Ты беспокоишься по пустякам.

Но даже когда Лука вытащил свой прекрасный сервиз и подал торт, она могла думать только об этом. Когда Мадригал отправилась к Мэтью проверить дневной улов, Арсиноя едва услышала её слова.

- Знаешь... - протянул Лука, и по тому, как она тянул хвост Хэнка, было видно, что он мнётся уже пару минут. – Эти платья это... И для Джулс. Поиски по рынку излишни. Я могу сделать что-то куда лучше...

Арсиноя посмотрела на него и заулыбалась.

- Лука, ты прекрасен! Мне надо, чтобы ты сделал самое красивое платье, что тебе по силам. Я просто хочу, чтобы ты сделала... и для Джулс.

Джулс и Джозеф сидели рядом с Кизиловым прудом на широком бревне, когда Камдэн била лапами куски льда и слизывала капельки воды. Теперь, когда всё таяло, пруд был не так хорош, как в суровую зиму. Он был мутен и вонял гнилью. Но это было всё тем же их местом, где они так часто бывали детьми.

- Не думаю, что Арсиноя найдёт платье, - Джозеф бросил палку в воду в центре пруда. – И если да, не думаю, что Каит заставит её это надеть.

- Не думаю, что это важно, если у неё нет дара, который можно показать на Вознесении. На днях я спросила её, что она покажет, и она планирует потрошить рыбу... Сумасшедшая.
Джозеф рассмеялся.

- Это наша Арсиноя.

- Она иногда невыносима.

Джозеф сжал руку Джулс и поцеловал её. Перевязки больше были не нужны. Порезы от заклинания Арсинои почти

зажили. Но она скрывала его, как Арсиноя свою руку, особенно в городе.

- Мадригал должна быть наказана за то, что почувствовала в этом.

- Да, но я меньше противлюсь после того, как тебя вернули. Да и она дала надежду Арсиное. Пусть это держит её в безопасности, пока не придёт настоящий дар.

- Разве это не твоя кошка должна быть её?

Так все говорили. Джулс и Камдэн предназначались королеве. И они будут её защищать, пока всё не закончится.

- Тем не менее, у неё мало времени. Ей стоит подумать о чём-то величественном, Белтейн через пару дней.

Джозеф посмотрел вниз.

Они с Джозефом планировали провести вместе ночь впервые на фестивале. Они были очень близки, валяясь в кровати или в лодке, но Джулс хотела подождать. Её зачали на Белтейн, и она считала, что их первый раз должен быть во время Костров.

- Я знаю, тебе не нравится об этом думать, - промолвил Джозеф, - но ты задумывалась, что будет, если Арсиноя проиграет? Что случится с твоей жизнью?

Джулс вырывала мёртвые камыши вокруг бревна и скручивала их. Он не сказал "умрёт". Не то, что это означало. Джулс тайно думала, что если погибнет Арсиноя, она уйдёт с нею. И будет за неё бороться.

- Я не часто об этом думаю, - сказала она. – Но... Мне не кажется, что после этого надо жить. Но мы будем. Я займусь домом. Поля и фруктовый сад. Богиня знает, когда это будет делать Мадригал...

- Она может. Ты не знаешь. Ты способна свободно думать о другом.

- О чём?

- Там весь мир, Джулс.

- Ты имеешь в виду материк.
- Он не так плох. Там есть удивительные места.
- Ты... Хочешь вернуться туда?
- Нет, - Джозеф взял её за руку. – Никогда, если ты не хочешь. Просто... Если наш мир закончится тут, можно начать всё заново там, - он опустил голову. – Не знаю, почему говорю об этом. Почему думаю об этом.
- Джозеф... - она поцеловала его в ухо. – В чём дело?
- Я не хочу лгать тебе, Джулс. Но не хочу причинить боль...
Он резко встал и направился к краю пруда.
- Кое-что случилось ночью, когда Мирабелла меня спасла, - он запихнул руки в карманы и смотрел на воду. – Я едва не утонул... Замёрз... Обезумел... - он остановился и выругался себе под нос: - Богиня, Джулс! Я не хочу говорить так, словно оправдываюсь...
- Оправдываешься за что? – тихо спросила Джулс.
Он повернулся к ней лицом.
- Сначала я был в бреду. Может, даже когда она начала... Но тогда нет. И она была, и я... И мы...
- Ты что?
- Я не хотел, чтобы это случилось, Джулс.
Может быть. Но это случилось.
- Джулс? Богиня, Джулс, скажи что-то!
- Что ты мне скажешь? – спросила она. Думать было трудно. Тело будто бы превратилось в дерево. Тепло давило на колени – тяжёлая голова Камдэн. И нацеленное на Джозефа рычание клекотало в её горле.
- Назови меня как-то ужасно... Скажи, что я дурак! Скажи...
Что ты меня ненавидишь.
- Я никогда не буду тебя ненавидеть, - выдавила из себя она. – Но если ты сейчас не уйдёшь, моя кошка разорвёт твоё горло.

Роланс

- Отойди от окна, Мира, - сказала Лука. – И попробуй это...
Мирабелла ещё несколько минут смотрела на скалы Чёрного Пути, где они с Бри часто бегали детьми. Бри выросла из этого, но не Мирабелла. Её любовь к ветру и открытым пространствам часто приводила её к этим скалам. Приводила,

пока не заперлись все двери.

- Зачем? – спросила Мирабелла. – Тут не так много... Я не сбегу.

Лука опустила руки. Она держала одежду Мирабеллы для ночи церемонии Вознесения. Две чёрные полосы ткани, что будут кипеть в травах и экстрактах, чтобы не сгореть.

Для церемонии Вознесения она исполнит танец огня.

- Что за музыка? – спросила Мирабелла. – Флейта? Скрипка?

- Барабаны, - ответила Лука. – Целая линия. Чтобы для тебя был ритм, как у биения сердца.

Мирабелла кивнула.

- Это будет красиво, - продолжила Лука. Она зажгла лампу с длинной конической свечой и оставила её открытой сверху. – Ночная церемония, пылающий огонь... Весь остров будет смотреть на тебя.

- Да.

- Мира... - Лука вздохнула. – Что не так?

Тон верховной жрицы был сочувствующим. Но и разочарованным, словно она не понимала, почему Мирабелла несчастна. Словно Мирабелла должна радоваться дому и плену, радоваться, что её не распяли.

Но хотя Лука знала, что случилось на дороге, как она встретила сестру и протянула ей руку, она не знала всего. Не знала, что Мирабелла встретила парня, что разбил ей сердце. И не знала, что на мгновение она увидела проблеск доверия в глазах Арсинои.

- Где Элизабет? – спросила Мирабелла. – Ты обещала не высылать её.

- Нет, не навсегда. Она скоро вернётся из своего наказания.

- Я хочу увидеть её сразу же после возвращения.

- Конечно, Мира, и она хочет. Она беспокоилась об этом больше всего.

Мирабелла сжала губы. Да, Бри и Элизабет беспокоились больше всего. И они были верны. Они не выдали её даже после того, как их спины украсили дюжины рубцов. Она должна была знать, что это случится. Как и знать, что храм осудит Элизабет, ведь Мирабелла носила её белый плащ. Мирабелла говорила, что украла, но никто не верил ей.

Она должна найти способ держать их в безопасности. Трудно будет смотреть на Элизабет после возвращения. И трудно столкнуться с Арсиной на кострах, не в состоянии объяснить, что это ошибка. Мирабелла скривилась. Мысль о будущем заставляла её грудь сжаться. Её единственным утешением были ночи с Джозефом, и те оказались запятнаны любовью к другой девушке.

- Он подбежал к ней, - прошептала она, с трудом понимая, что говорит вслух, - словно не видел её сто лет...

- Что? – спросила Лука. – Мирабелла, что ты сказала?

- Ничего, - она потянулась в сторону пламени лампы. Одно прикосновение пальцев, и огонь прыгнул с фитиля на тыльную сторону ладони. Лука довольно отметила, как он обвивался вокруг запястья Мирабеллы любопытным червём. Вот как это начнётся. Медленно и тепло. Барабаны наполнят её уши. Огонь будет тянуться к ней, и она схватит его, пустит по телу и раскинет руки. Она завернётся в его пылающие цепи. Может быть, он выжжет её любовь к сёстрам прямо из сердца.

Несколько дней спустя Мирабелла ходила по лесу у Вествуд-Хаус, когда слышала стук дятла. Она подняла глаза вверх –

маленький, с чёрно-белым хохолком. Может, Спайс... Она думала о нём так, хотя все дятлы были похожи.

- Не отвлекайтесь, королева Мирабелла.

Одна из жриц затолкнула её обратно в центр. Словно из этого окружения можно бежать! Их шестеро, они молоды и сильны. Когда ветер подхватывал плащи, он показывал блеск их мечей. Жрицы носят их всегда? Мирабелла так не думала. Не так часто. Но теперь каждая носила.

- Как всё изменилось...

- Именно, - проронила Жрица. – И чья в том вина?

Впереди сквозь деревья поднималась острая крыша Вествуд-Хаус, усеянная громоотводами, словно нитями. Она не могла дождаться, когда попадёт внутрь. Там можно хотя бы свободно ходить по коридорам. Может, она будет мирно пить чай с Сарой. Сара так волновалась, когда она сбежала... Так бела, и эта глупая причёска! Она так обнимала Мирабеллу, когда та вернулась...

- Мира!

Бри выскочила на путь, коричневые косы расплелись, а глаза были красны, словно от слёз.

- Бри, в чём дело?

Бри протиснулась мимо жриц и схватила руки Мирабеллы.

- Ничего, - сказала она, но не смогла спрятать своё выражение лица.

- Бри, что?

- Элизабет... - выдохнула она, и жрицы оскалились. – Я должна была всё сжечь! – закричала она. – Убить тебя во сне!

- Бри!

Мирабелла оттащила подругу и крепко обняла её.

- Мы говорили, что она не виновна! – рыдала Бри. – Что плащ украли...

- Что вы сделали? – спросила Мирабелла, но они, казалось, были так же встревожены.

Мирабелла и Бри помчались, отталкивая эскорт.

- Не бегите, королева Мирабелла!

Кто-то пытался схватить её за руки, но усилие было слабым, и она вырвалась. Они знали, где она. Они с Бри гнались всю дорогу вверх, мимо деревьев, вокруг дома.

Элизабет стояла спиной к ним, рядом с каменным фонтаном. Жрицы, что сопровождали её, опускали глаза, когда подошла Мирабелла.

Мирабелла вздохнула с облегчением. Элизабет дома. Она холодна, но жива.

- Элизабет? – Мирабелла подступила ближе.

Молодая жрица наполовину обернулась.

- Я в порядке, - сказала она. – Это не так уж плохо.

- Что не так уж плохо? – спросила Мирабелла, и Элизабет позволила упасть рукаву мантии.

Они отрубили левую руку.

Культия, завернутая в грубые белые бинты, сочилась кровью.

Мирабелла натолкнулась на подругу и рухнула на колени, сжимая юбку Элизабет.

- Нет, - простонала она.

- Они держали меня... - промолвила Элизабет. – Но всё к лучшему. Они пользовались своими мечами, это заняло больше

времени, чем топором... Так что хорошо, что держали. А то я могла бороться... Бороться...

- Нет! – закричала Мирабелла, чувствуя руку Бри на спине, и Элизабет коснулась её головы.

- Не плачь, Мира. Это не твоя вина.

Но это её вина. Разумеется, её.

Волчья Весна

- Она скоро его простит, - сказала Мадригал, упоминая о Джулс и Джозефе. – Так злиться и болеть, как у неё... Она простит. И я верю ему, когда он говорит о любви к ней. Не думаю, что он заулыбался, когда она послала его куда подальше.

- Откуда вы знаете? – спросила Арсиноя, и Мадригал пожала плечами.

- Я была в доках, видела, как он работает. Всё хмурится. Даже твой Билли не смог бы заставить его рассмеяться.

Губы Арсинои сжались, когда Мадригал назвала Билли её.

Это ложь – забавная ложь. И это правда – то, что говорит Мадригал. Джулс скоро простит Джозефа. Так думала Арсиноя. Не так легко вспоминать о Мирабелле. В некотором роде, ей казалось, что он предал и её тоже.

- Это не устраивает его... - вздохнула Мадригал. – Сандрины не предназначены быть столь серьёзными. Столь грустными. Они созданы для смеха и радости.

- Он заслужил страдание, - сказала Арсиноя. – Каждое его слово... И от меня, и от неё. Кто будет заботиться о Джулс, если я не выживу? Я рассчитывала на то, что он присмотрит за нею.

- Я присмотрю за нею, - сказала Мадригал, но она не смотрела Арсиное в глаза, когда говорила. Мадригал никогда не ухаживала за людьми достаточно хорошо. И Джулс бы не позволила ей это сделать.

- Я думаю, наша Джулс прекрасно одарена, чтобы позаботиться о себе, - Арсиноя остудила свой гнев. – Может, и не надо будет... вдруг я стану королевой?

- Ты можешь, - Мадригал взяла свой маленький серебряный нож и передала его через огонь. – Но время ожидания закончилось, пора делать что-то стоящее.

Мадригал

подняла

кувшин,

наполненный

тёмной

жидкостью. Это была кровь Арсиной, свежая и от пропитанных ранее шнуров. Шнуры вновь смочили водой из бухты. Она шла к стволу согнутого дерева.

- Что ты делаешь? – спросила Арсиная.

Мадригал не ответила. Она перенесла банку по ту сторону холма, через обнажённые плиты священного камня, через витый стол и корни, через скалы, оставила её там. Шептала что-то на кору, и дерево словно дышало. К удивлению Арсиной, вдоль ветвей дерева внезапно вспыхнули ряды бутонов, словно муравьи.

- Я не знала, что оно цветёт, - сказала она.

- Не цветёт, или нечасто, но сегодня должно. Дай мне руку.

Арсиная подошла к дереву и протянула руку, ожидая боль.

Она не ожидала, что вместо этого Мадригал дёрнет её за ладонь к стволу и проведёт ножом по всему пути.

- Ай! Мадригал! – вскрикнула Арсиная. Боль промчалась вверх по руке в грудь. Она не могла двигаться. Она была скручена, в ловушке, а Мадригал начала петь.

Арсиная не знала ни слова, или, может быть, та говорила слишком быстро. Трудно было разобрать что-либо из-за боли от ножа. Мадригал вновь пошла к огню, и Арсиная упала на одно колено, борясь с желанием оторвать руку. Лезвие вонзилось в древесину. Она сначала легко потянула за ручку, потом с силой, но ничего.

- Мадригал! – прошипела она сквозь зубы. – Мадригал!

Мадригал зажгла факел.

- Нет! – закричала Арсиная. – Оставь меня в покое!

Лицо Мадригал было таким, как никогда прежде. Она не знала, прожжёт ли Мадригал её руку, приплавит ли к дереву, но и узнавать не хотела. Она сделала вдох, собираясь рвануться, даже если это будет означать потребность разрезать руку между пальцами.

Быстрая, как молния, Мадригал рванулась вперёд и

выдернула нож из ствола. Арсиноя отползла назад, прижимая руку к груди, и Мадригал подожгла дерево. Оно вспыхнуло ярко-жёлтым пламенем и разило горелой кровью.

Арсиноя рухнула, и мир казался тёмным.

В ту же ночь она чёрт знает как вернулась, и Арсиное снился медведь. Большой бурый медведь с длинными изогнутыми когтями и розово-фиолетовыми дёснами. И он ревел над согнутым деревом.

Едва рассвело, когда Арсиноя мягко встряхнула Джулс, вызывая рычание и девушки, и пумы на её подушке.

- Арсиноя? – переспросила Джулс. – Что это? С тобой всё в порядке?

- Лучше, чем в порядке!

Джулс щурилась в бледно-сером свете.

- Тогда почему ты меня так рано разбудила?

- Для чего-то грандиозного, - Арсиноя усмехнулась. –

Вставай, одевайся, я хочу пригласить Джозефа и Билли.

Это не заняло у Джулс много времени – одеться, умыться, собрать волосы лентой. Они вышли из дома и направились в город задолго до того, как проснулись остальные, даже бабушка Каит.

Джулс не возражала, когда Арсиноя решила притащить Джозефа. Но когда они дошли до дома, она не отправилась постучать.

Арсиноя думала, что она не желала. Не терпелось добраться до дерева, и она чувствовала себя виноватой, нарушая покой Сандринов так рано. Но как только она собиралась бросить камушком в окно Джозефа, через дверь выскользнул Мэтью. Он содрогнулся, увидев их, а после улыбнулся.

- О, что вы двое так рано тут делаете?

- Ничего, - ответила Арсиноя. – Ищем Джозефа. Он не спит?

- Только что проснулся. Я отправлю его к вам.

- И материковца тоже, - Арсиноя направилась за ним, когда тот двинулся внутрь.

- Когда они выйдут... - обратилась Джулс к кошке, - что мы будем делать?

- Может, это будет удивительно, - сказала Арсиноя. Она

расхаживала возле Джулс. Кровь Арсиной бурлила, и даже забинтованная рука не вызывала боль. Но она ещё не решилась сказать об увиденном. Она боялась, что Джулс скажет, будто это просто сон. И боялась, что Джулс окажется права. Похоже, всё только усугубилось, когда вышли парни, все в замешательстве. Джозеф просветлел, увидев Джулс. Билли поглаживал волосы, когда видел Арсиною, и та закашлялась, скрывая улыбку. Билли не видел её с тех пор, как вернулся от Катарины, и несмотря на то, что она этого не признавала, она беспокоилась, не переманили ли его на свою сторону отравители.

- Долгожданное зрелище! – промолвил Билли. – Ты так скучаешь по мне, что должна видеть меня сию секунду?

- Я думала, ты вернулся давно, - солгала Арсиноя. – И я тут не за тобой, за Джозефом.

- Ты говорила и обо мне, я ж не глухой.

Арсиноя ничего не сказала. Она была слишком занята тем, что наблюдала, как Джозеф смотрел на Джулс, а Джулс уставилась на свою пуму.

- Арсиноя, ты меня слышишь? Куда мы идём?

- Север, - растерянно ответила она, – в лес.

- Тогда пойдём мимо головы Льва... Куплю еды.

- Я не хочу останавливаться.

- Но остановишься, - сказал Билли, - если нуждаешься в моей компании. Мы не позавтракали!

Они заглянули в поварёнку Львиной головы перед завтраком, и это заняло больше времени приготовить яичницу

и поджарить бекон с бобами. Арсиноя подпрыгивала всё время, хотя и вправду съела всё на своей тарелке, да и часть у Джулс.

После того она направила их по кривому пути по улицам Волчьей Весны, выбирая самый прямой путь к дереву. Она сжимала раненную руку – та пульсировала.

Может быть, это хорошая примета. Или она должна привести Мадригал. Может, это просто сон, и она тащит их по снегам просто так.

Когда они углубились в лес, Джулс узнала направление и остановилась.

- Скажи мне, Арсиноя. Сейчас.

- Что? – спросил Джозеф. – Что не так? Что случилось?

- Это ещё более сильная низменная магия, - Джулс устала на свежую рану на руке Арсиной. – Разве нет?

- Я всё ещё не понимаю, что такого плохого в низменной магии, - сказал Билли, глядя на Джулс, - что это так отличается от тебя с пумой.

- Это другое, - сказал Джозеф. – Дар Джулс принадлежит ей. Низменная же для всех. Ты... Каждый мог вернуть меня домой. Но это опасно. И не для королев.

- Подожди! – сказал Билли. – Ты говоришь, что вернувшись домой, ты бы... - он махнул запястьем, и Арсиное это не понравилось. Джозеф кивнул, и спустя мгновение Билли пожал плечами. – Это невозможно. Не могу представить, что ты колдуешь. Ты как мой брат!

- Это важно? – спросила Арсиная.

- Нет, - быстро проронил Билли. – Я не знаю... Я встретил Луку, и Эллиса, и много других, но... заклинания? Заклинания только для девушек.

- Почему только для девушек? – спросила Арсиная, хотя на самом деле обвинять его не могла.

- Никогда не забывай о настоящем, - сказала Джулс. – Арсиная. Ответь на вопрос. Почему ты привела нас сюда.

- Потому что я видела своего фамилиара, - ответила Арсиная.

Джулс и Джозеф выпрямились. Даже Камдэн наострила уши. Арсиная держала свою руку, размотала бинты, чтобы показать кровавую рану, что пронзала её руку насквозь.

- Мы воспользовались моей кровью. Меня прибили к дереву, мой дар проснулся. Мадригал... Она знала о священном месте, моя кровь впиталась в корни...

Звучало безумно. Но она там была. Она чувствовала, как что-то пронзило её. Камни и остров. Под согнутым деревом остров был больше, чем просто островом. Там он дышал и слушал.

- Что ты увидела? – спросила Джулс. – И где?

- Во сне прошлой ночью. Большого бурого медведя.

Джулс издала гортанный звук. Медведь сделает Арсиною самой сильной королевой Природы острова за всю жизнь. Сильнее Бернадины и волка. Сильнее Мирабеллы и молний.

- Ты уверена? – давила Джулс.
 - Я ни в чём не уверена. Но я видела. Мне снилось.
 - Это может быть правдой? – спросил Джозеф.
- Арсинья сжала кулак, и кровь прорвалась на свободу.
- Храм может передумать поддерживать Мирабеллу, - сказал Джозеф.
 - Это так тебя волнует? – Джулс повернулась к Арсиное. – может, его нет тут. Может, он не должен прийти.
 - Я только к тому, что всем плевать, элементарь королева или натуралист, - мягко проронил Джозеф. – Пока она не отравитель.
- Джулс нахумрилась. Она не двигалась, даже когда Арсиноя направилась к дереву.
- Это не может навредить? – Билли ступил за Арсиноей. – Если просто посмотреть, да?
- Арсинья похлопала его по плечу.
- Ты прав, Младший! Давай!

Она быстро двигалась сквозь деревья, пробираясь сквозь снег и лёд. Она не смотрела назад. Несмотря на то, что она не слышала тихие шаги Джулс и Камдэн, она знала, что они там. Права она или нет, Джулс не даст ей идти одной.

Когда они оказались у дерева, медведь всколыхнул мысли Арсинои. Даже во сне он был огромен. Он затмил всё. Просто гора меха и рёв. Белые клыки, изогнутые чёрные когти – способны разрезать оленя на бегу.

- Это ручной медведь, да? – спросил Билли.
- Как Камдэн ручная, - ответил Джозеф.
- Не ручная вообще-то, но не опасная для друзей, - вмешалась Джулс.

- Эта кошка укрощена лучше, чем половина спаниелей моей матери, - проронил Билли. – Но я не могу даже представить, чтобы медведь вёл себя подобным образом. Они спустились с холма и направились к древним священным холмам и изогнутому дереву.

Дерево осталось нетронутым. Пусть вчера оно пылало ясным пламенем, сегодня в качестве воспоминаний осталась только обгоревшая земля. Ветви были свободны от побегов, да и следов крови не осталось, словно Арсиное это привиделось –

или она была слишком пьяна.

- Что тут случилось? – Джулс скривилась, обогнула столб и коснулась его обуглившейся поверхности. А после попыталась вытереть пальцы о свои одежды, несмотря на то, что даже не коснулась грязи.

- Я думаю... - начал Билли. – Нет, я почти чувствую какую-то вибрацию...

- Это место устало, - промолвил Джозеф. – Словно его уже использовали.

- Нет, - возразила Джулс. – Это ощущение запредельности. Это место – не то, что весь остальной остров.

- Да, - Арсиноя затаила дыхание. – Это точно.

Волосы на голове Арсинои вставали дыбом. Так она себя никогда не чувствовала – словно волнение Джулс и предвкушение Билли передались ей.

- Он тут? – спросил Джозеф. – Ты его тут видела?

- Да.

Именно под этим деревом, и ревущее пламя поглощало его.

Но ветви не горели. Тут ничего нового не было.

- Мы будем ждать? – спросил Билли. – Или, может, свистнуть?

- Это не собака! – взвилась Арсиноя. – Не домашнее животное! Просто надо подождать... Пожалуйста.

Она повернулась и изучала деревья. Ни звука. Ни ветра. Ни птицы. Всё такое же безмолвное, как и всегда.

- Арсиноя, - мягко промолвила Джулс. – Нам не надо быть тут. Это ошибка.

- Нет, это не так! – настаивала Арсиноя.

Джулс не прибавали к этому дереву. Она не поливала его кровью. Она не чувствовала изменений в воздухе. Мадригал говорила о мощи королевской крови, и это правда – низменная магия Арсинои сильна.

- Медведь придёт, - бормотала она. – Он придёт.

Она направилась на север.

- Арсиноя? – начала было Джулс, но Билли схватил её за руку.

- Дай ей время, - проронил он, но сам шагал следом, пока она искала.

Когда он пришёл, обнаружить его было нетрудно. Огромный бурый медведь, массивный и сонный, тучей выплывал из гор деревьев.

Арсиноя почти закричала, но что-то остановило её. Медведь не был таким, как во сне. Его клешни были грязны, голова разmozжена, и казалось, словно его мёртвого выволокли из канавы и заставили встать на его гниющие ноги.

- Он узнал меня, - прошептала Арсиноя, заставляя ноги сделать шаг. Потом ещё один.

Он пах чем-то разлагающимся. Мех медведя казался мёртвым, будто в нём копошились мириады личинок и муравьёв.

- Джулс, - прошептала она и посмела оглянуться назад, но Джулс была слишком далеко и не могла видеть.

- Арсиноя, отойди от него, - промолвил Билли. – Это безумие! Но она не могла. Она его призвала, это её. Она протянула руку.

Сначала, казалось, он не знал, что она тут. Он ломал лес и едва мог идти – левое плечо опускалось ниже, чем правое. Она видела полосы красного под его лапой. Когти вросли, как у очень старых или больных медведей.

- Это? – спросил Билли. – Это твой фамилиар?

- Нет, - сказала она, и злобные мутные глаза медведя наконец-то столкнулись с её собственными. – Беги! – закричала она и повернулась под медвежий рёв. Земля тряслась под его тяжестью, когда он гнался за нею.

Они мчались вниз по склону, и время замедлилось.

Несколько лет назад, когда они с Джулс были детьми, фермер принёс своих мёртвых гончих на площадь, чтобы предупредить людей о медведе. Охотничий отряд нашёл и убил его спустя несколько дней. Он был обычным бурым медведем, но собаки не походили больше на гончих, разорванные пополам когтями. И спустя годы Арсиноя помнила, как челюсть одной собаки болталась на маленьком кусочке кожи.

Грязь сдерживала её. Она не сможет сбежать.

Джулс вскрикнула и бросилась к ней, но Джозеф схватил её за талию.

Хороший мальчик. Он не может позволить ей рисковать

собой. Он должен заботиться о ней, и Арсиноя знала, что он это делает.

Нога Арсинои застряла в грязи, и она упала. Закрывла глаза. В любой момент когти оторвут её ноги. Кровь окрасит землю.

- Эй! – закричал Билли. – Сюда, сюда!

Дурак подошёл ближе, прямо на глаза медведя. Он размахивал руками, бросал в шкуры шары льда и грязи. Он не смог ничего сделать, но Арсиноя успела подняться на ноги.

- Беги! – закричал он. – Беги, Арсиноя!

Но Билли отдаст свою жизнь за её. Медведь разорвёт его в любой миг. Может быть, он считает, что достоин этого, но она так не думала.

Арсиноя бросилась между Билли и медведем. Он толкнул её лапой, с лёгкостью выбив плечо из сустава, изрезал лицо.

Снег окрасился алым.

Камдэн рычала и бросилась вперёд, чтобы столкнуться золотистым пятном с огромной горой.

Билли обхватил Арсиною за талию и потянул её.

- Горячо и холодно, - бормотала она, но нормально говорить не могла.

- Давай! – повторял Билли, и Джулс кричала. Камдэн жалостливо вопила. Она резко остановилась, когда была швырнута в дерево.

- Нет! – закричала Арсиноя. Но звук едва был слышен на фоне Джулс, кричавшей всё громче и громче, словно её голос стал сиреной. Коричневая гора трясла головой, после била себя лапой, царапала грудь, словно пыталась вырвать сердце.

И на мгновение среди криков Джулс медведь взлетел в воздух.

А после он упал замертво.

Пот стекал по Джулс, словно это была середина весны, и она рухнула на одно колено. Медведь был мёртв. Медлведь был мёртв и раскинул в стороны свои огромные лапы. Он был

почти мирным сейчас, уже не слишком старым и больным, но страдающим.

- Джулс... - промолвил Джозеф, присев рядом с нею. Он

положил руку ей на плечи, повернул лицо к себе. – С тобой всё в порядке?

- Д-да... - она выдохнула. Такая красивая... И все силы ушли на убийство медведя, на то, чтобы разорвать его сердце. Может быть, сердце вернулось в корявое, изогнутое дерево.

- Кэм... - прошептала она. – Арсиноя...

- Я знаю, - промолвил Джозеф. Он прошёл через деревья на холм, где лежали Арсиноя и Камдэн. Билли отрывал рукава от рубашки и завязывал руку Арсинои, прижимая оставшуюся ткань к её лицу.

- У неё недостаточно крови, чтобы начать, - прорычал он. – Мы должны отправить её к врачу, сейчас же...

- Не к кому угодно, - тихо ответил Джозеф. – Есть целители.

- Кто угодно, - покачал головой Билли. – Они ей нужны.

- Они в храме, - промолвила Джулс. – Или дома в городе... О богиня! Кровь!

- Дома ближе, да? Не паникуй, Джулс. Ты должна слушать. Щека будет ужасно кровоточить, и от снега будет казаться ещё больше. Ты поможешь нам без сознания?

- Я не потеряю сознание.

- Мы можем её перемещать? – спросил Джозеф.

- У нас нет выбора, - ответил Билли. – Кровотечение слишком сильно, я не могу его остановить.

Они с Джозефом серьёзно смотрели друг на друга над телом Арсинои. Джулс почти ничего не видела, слёзы накатывались на глаза. Билли сказал, что она не должна паниковать, но помочь она тоже не могла. Арсиноя была так бледна...

- Хорошо, - промолвил Билли. – Возьми её под бёдра за ноги. Я за плечи... И надо продолжать держать лицо.

Джулс выполнила приказ. Тёплое от крови пальто красило её руки.

- Джозеф... - промолвила она. – Камдэн. Пожалуйста, не оставляй Камдэн.

- Ни за что, - он быстро поцеловал её. – Обещаю.

Билли и Джулс тащили Арсиною через деревья, обратно вниз по пути. Джозеф следовал с Камдэн на плечах. Огромная кошка тихо стонала. Когда Джулс бросила взгляд через плечо, Камдэн лизала его ухо.

К тому времени, как они добрались до Волчьей Весны, сил не было. Дом первого целителя был в четырёх улицы, но они не могли...

- Волвертон, - пробормотал Билли, кивнув куда-то подбородком. Он колотил ногами в дверь, пока та не открылась, и закричал на выбежавшую миссис Кастиль. – В этом городе что, совсем нет целителей?!

Они положили Арсиною на диван у входа и ждали. Когда целитель с двумя жрицами наконец-то прибыл, он прижёт раны и плотно забинтовал их, отталкивая Билли и Джулс с дороги.

- Что это? – спросила одна из жриц. – Откуда эти раны? Ещё одно нападение из Роланса? Мирабелла пришла сюда лесом.

- Нет, - возразила Джулс. – Это был медведь.

- Медведь?

- Мы... - Джулс запнулась. Всё случилось так быстро, но она должна была знать! Должна была защитить!

- Мы шли, - вмешался Джозеф, - по лесу. И внезапно на нас напал медведь.

- Где? – Жрица коснулась зазубренного ножа, что свисал с бедра. – Мы отправим отлов...

- В этом нет необходимости, - ответила Джулс. – Я убила его.

- Ты?

- Да, одна, - холодно ответил Джозеф. – Ну, и её горная кошка.

Он обнял Джулс за талию и притянул её к себе безо всяких вопросов. Они медленно подошли к Билли, что стоял на коленях и гладил голову Камдэн. Кошка ещё не могла встать, но мурлыкала.

- Джозеф, - прошептала Джулс, - ведь она выживет, правда?

- Ты сделала Камдэн сильной, - он крепко обнял её. – И теперь мы двое знаем, что Арсиноя намного злее любого медведя!

Грэйвисдрейк-Мэнор

В Грэйвисдрейк-Мэнор всегда хватало ядов. Открыть любой шкаф или ящик – и уже видно какой-то порошок, настойку, токсический корень. Шептались на улицах Индрид-даун, что когда Арронов вытеснят, то Вествуды сменят дом. Они боятся,

что каждая стена отравлена. Дураки. Словно Арроны столь небрежны со своим ремеслом. Словно они небрежны с чем угодно.

Натали стояла перед камином в комнате отравителей, пила поздний чай с Женевьевой. Катарина была за столами, смешивала что-то в своих защитных перчатках.

- Наконец-то, - проронила Женевьева. – Погода хороша, и слишком жаркий огонь. Тебе стоит начинать открывать окна.

- Не тут, - проронила Натали. Тут никогда. В этой комнате любой ветерок, поднявший в воздух несколько пылинок, может означать мёртвую королеву.

Женевьева нахмурилась и наполовину повернулась в своём кресле.

- Что она там делает?

- Работает, - ответила Натали. Катарина всегда была хороша в ядах. С тех пор, как она была ребёнком, она склонялась над столами и рылась в флаконах с таким энтузиазмом, что Женевьева тащила её в сторону и била, заставляя быть серьезнее. Но Натали положила этому конец. Катарина радовалась создавать яды, и Натали обожала это в ней. Женевьева вздохнула.

- Ты слышала новость? – спросила она.

- Да. Полагаю, потому ты пришла домой? Убедиться, что я слышала её?

- Но интересно, так ли это, - проронила Женевьева, положив на место чашку с чаем и стряхнув с платья бисквитные крошки.

– Первая попытка Вествудов, и Арсиноя при смерти в постели?

За ними тихо зазвенело – Катарина не прислушивалась.

- Они говорят, напал медведь, - сказала Натали.

- Медведь напал на королеву Природы? – Женевьева прищурилась. – Или Мирабелла умнее, чем мы думали?

Случайная смерть не будет казаться её происками.

- Она не бросилась на неё, когда оставила Роланс, не убила Арсиною в лесу, - сказала Натали и посмотрела на Катарину.

Нападение напугало всех. Вествуды в полудне езды от Индрид-Даун, выскочка-элементаль подобралась слишком близко.

Натали отошла от камина и пересекла комнату, положила руку на плечо Катарины. Стол был в полном беспорядке,

казалось, она вытащила яды из каждой полки и каждого ящика.

- Что тут, Катари? – спросила она.

- Пока ничего, - ответила молодая королева. – Он должен настояться, а потом его надо будет проверить.

Натали посмотрела на стеклянную банку, на два дюйма наполненную янтарной жидкостью. Нет конца созданным тут комбинациям.

Во

многих

отношениях

запасы

ядов

Грэйвисдрейк побеждали камеры Волроя. К тому же, тут всё организованнее, и тут много собственных смесей Натали.

Натали нежно провела рукой по снадобьям. Сколько жизней она отравила с помощью этих бутылочек? Сколько нежелательных мужей, неудобных любовниц? Сколько материковых проблем, что пытались почтить интересы короля-консорта...

Она потянулась к банке, и Катарина напряглась, словно Натали следовало беспокоиться.

- Не проливайте на дрова, - покраснев, пояснила Катарина. – Это каустик.

- Каустик? – спросила Натали. – Кому нужен такой яд?

- Разумеется, не Арсиное. Её ещё можно помиловать.

- Милосердие, - пробормотала Женевьева, не вставая со своего слова.

- Тогда для Мирабеллы? – спросила Натали.

- Все говорят, что она так красива, - сказала Катарина. – Но это только тонкая кожа...

Она так застенчиво посмотрела на Натали, что та рассмеялась и поцеловала её в макушку.

- Натали.

Это был её дворецкий, Эдмунд, он стоял прямо за дверью.

- Вас хотят увидеть.

- Сейчас?

- Да.

Катарина смотрела то на яд, то на Женевьеву. Она ещё не

закончила, но не любила оставаться с Женевиёвой наедине.

- На сегодня хватит, - Натали проворно налила яд в стеклянный флакон и закрыла его. После подбросила в воздух – и поймала. Когда она открыла свои ладони Катарине, яд пропал в её рукаве. Простой трюк, так узнаваемый отравителями. И она хотела, чтобы Катарина была в этом идеальна.

- Я придержу для тебя, потом закончишь.

Посетитель ждал Натали в её кабинете. Это не было незнакомое лицо, но неожиданное – Уильям Чатворт, отец первого поклонника, уже сидел на одном из стульев. На её любимом.

- Могу я предложить вам выпить? – спросила она.

- Я взял своё, - сказал он, полез в куртку и продемонстрировал ей серебряную фляжку. Его глаза скользили по её бару с презрением. Они задержались на коньяке, настоящем на болиголове, с красивым чёрным скорпионом у дна.

- В этом нет необходимости, мы всегда держим запасы чистых товаров для гостей.

- И сколько же случайно отравились?

- Никто с серьёзными последствиями, - она улыбнулась. – Мы три поколения сотрудничаем с материком, и никогда их не отравили, так что не будьте параноиком.

Чатворт так развалился в кресле, словно был его господином. Столь же красив и высокомерен, как и при первой их встрече. Она наклонилась, и рука скользнула по плечу и груди.

- Нет, - сказал он. – Не сегодня.

- Полагаю, я разочарована, - она погрузилась в кресло напротив. Уильям был прекрасным любовником, но в постели совершенно не думал о ней. Словно она была постельной принадлежностью, к которой потом можно вернуться.

- Мне нравится ваша речь.

Она отпила свой напиток. Ему может нравиться её речь. Её вид. Его глаза никогда не перестанут скользить по её телу, даже когда они обсуждают дела. Для материкового мужчины каждая дорога к женщине стелится между её ног.

- Как вам мой сын?

- Он прекрасный молодой человек, обаятельный, как и его отец. И, кажется, влюбился в Волчью Весну.

- Не волнуйтесь, он будет делать то, что сказал. Наше соглашение ещё в силе.

Их соглашение. Поразительно старое, когда Натали искала, куда бы сослать мальчишку Джозефа Сандрина. Её друг и любовник был лёгким выбором. Она не смогла убить мальчишку, как хотела, но не всё можно отрицать. Всегда есть что-то, что можно получить, если очень постараться.

- Хорошо. Прекрасно, что он подчинится. Одни только торговые соглашения поднимут вашу семью выше всех.

- Да. И остальное?

Натали допила свой коньяк и налила ещё рюмку.

- Ты столь брезглив... - она засмеялась. – Не можешь выдавить из себя слово "убийство". "Отравление".

- Не будь вульгарна.

Это не вульгарно – но она вздохнула.

- Да, остальное, - она убьёт того, кого надо, тайно и с большого расстояния – пока их союз стоит. Арроны всегда делали это для семей королей-консORTов.

- Но зачем ты пришёл? – спросила она. – Так срочно и неожиданно... Не для того, чтобы перефразировать старую деловую сделку.

- Нет. Я узнал секрет, что мне не по душе. Что может оборвать все наши хорошо обдуманнные планы.

- И что же это?

- Я только что вернулся из Роланса, после встречи между моим сыном и королевой Мирабеллой. И Сара Вествуд рассказала мне секрет, о котором вы вряд ли догадываетесь. Натали фыркнула. Ну уж нет. Остров скрыт, но не от неё.

- Если это от Сары Вествуд, вы только зря мучили лошадь, - сказала Натали. – Она просто милая женщина, сладкая и благочестивая. И более бесполезных слов в своей жизни я не слышала.

- Большинство Феннбёрнцев набожны, - сказал Чатворт. – Если б вы слушали храм, мне не надо было бы говорить то, что я говорю сейчас.

Глаза Натали вспыхнули. Если она погрузит письменный ножик в бренди, можно ударить его в шею. Интересная гонка – он умрёт от яда или от потери крови?

- Они планируют убить королев.

На мгновение слова прозвучали так нелепо, что Натали не сдвинулась с места. Она не могла понять значение.

- Что? – переспросила она. – Ну, разумеется. Мы все...

- Нет, - сказал Чатворт. – Я имею в виду храм. Жриц. После церемонии на фестивале. Они собираются устроить засаду. Убить нашу королеву и ту, что из Волчьей Весны. Она назвала это "жертвенным годом".

- Жертвенный год, - повторила Натали. Поколение двух слабых королев и одной сильной. Никто не сомневается в истинности этого. Но она никогда не слышала, чтобы слабых королев убивали жрицы на церемонии Вознесения. – Лука... Столь умна...

- Ну что? – Чатворт подался вперёд в своём кресле. – Что будем делать?

Натали покачала головой, а после нацепила на лицо яркую улыбку.

- Мы ничего не будем делать. Ты сделал всё, что надо. Пусть Арроны работают с храмом.

- Ты уверена? – спросил он. – Думаешь, ты сможешь? Почему?

- Потому что последние сто лет были моими.

Волчья Весна

Когда Арсиноя проснулась, она знала, что с её лицом что-то не так. Сначала она подумала, что плохо спала, может, надавила подушкой – но ведь она лежала на спине.

В комнате стоял тихий яркий полдень, и она не знала, как долго спала. Сине-белые шторы были плотно закрыты, нетронутая пища горой стояла на письменном столе.

- Медведь, - прошептала она.

Джулс появилась рядом с нею, усталая, и каштановые волосы превратились в бесконечный клубок.

- Не двигайся, - промолвила она, но Арсиноя привстала на локтях. Правое плечо завывало от боли. – Ну хоть позволь

помочь... - она потянула её и положила подушку под спину.

- Почему я не умерла? – спросила Арсиноя. – Где Камдэн?

- Всё в порядке. Она там.

Она кивнула в сторону кровати, где валялась пума Джулс.

Большая кошка, развалившись на постели, казалась довольно лёгкой. Было пару ран, передняя лапа оказалась на перевязи, но могло быть и хуже.

- Плечо сломала, - тихо промолвила Джулс. – К тому времени, когда ею занялись... Оно никогда нормально не срастётся.

- Это моя вина, - промолвила Арсиноя, и Джулс опустила глаза.

- Ты могла умереть. Мадригал не должна была тебя учить.

- Она просто пыталась мне помочь. Это не её вина, что что-то пошло не так. Мы ведь знаем, так бывает с низменной магии. Все знают о риске.

- Ты так говоришь, словно собираешься вновь повторить всё это.

Арсиноя нахмурилась – или пыталась. Губы не работали так, как надо, а щека казалась тяжёлой. Часть кожи лица превратилась в камень.

- Ты откроешь окно, Джулс?

- Да.

Она отправилась на другую сторону комнаты, отодвинула шторы. Свежий воздух принёс облегчение. В комнате пахло кровью – и сном.

- Тут был Лука, принёс печенье.

Арсиноя коснулась полос бинтов на лице.

- Арсиноя, не надо!

- Дай мне зеркало.

- Ты должна оставаться в постели.

- Ну не будь такой. Принеси одно от Мадригал...

На мгновение казалось, что Джулс откажется – и тогда подоспел реальный страх. Но в конце концов она направилась в спальню Мадригал и рыскала там, пока не нашла зеркало с красивой перламутровой ручкой.

Арсиноя скользнула здоровой рукой по чёрной шапке волос, приглаживая их, и откинулась на подушки. А после подняла зеркало и посмотрела.

Она не мигала. Даже когда Джулс плакала и хватала её за руку. Она должна увидеть. Каждый дюйм, прошитый красным. Каждый чёрный узел на том месте, что осталось от её лица. Большая часть её правой щеки пропала, полая там, где должна быть пухловатой. Линии тёмных стежков шли из угла её рта ниже внешнего края глаза. Другая линия швов срывала скулу, вела к линии подбородка.

- Ну, - сказала она, - на волос выше, и мне нужна была бы глазная повязка, - она расхохоталась.

- Арсиноя, прекрати!

Она смотрела на швами в зеркало, пока кровь не поплыла по подбородку. Джулс пыталась её успокоить, позвала Каит, Эллиса, но Арсиноя только сильнее смеялась.

Раны открывались. Слёзы жгли раны. Ей повезло, что она никогда не заботилась о том, как выглядела.

Джулс нашла Джозефа в верфи его семьи, пробралась через бесконечные верёвки и такелаж. Был тёплый день, он снял куртку и закатал рукава рубашки. Она смотрела на него, пока он утирал пот со лба – он был таким красивым для всех...

- Джулс! – он увидел её и отбросил то, что делал, в сторону. – Как она?

- Арсиноя... порвала швы. Их опять накладывают. Я не могу оставаться. Больше не могу терпеть.

Он вытер пальцы о платок – и взял бы её за руку, если б она позволила.

- Я собирался принести ей цветы, - он усмехнулся. –

Представляешь? Хочу её увидеть и не знаю, хочет ли она...

- Хочет. Арсиноя никогда ничего не скрывает.

Джулс повернулась лицом к воде, что темнелась вокруг лодок, едва видимая за краем пирса.

- Странно себя чувствую без Камдэн. Без Арсинои. Словно я потеряла свои тени.

- Они вернутся.

- Не такие.

Джозеф положил пальцы на её плечо, пока она не оттолкнула его. Мгновение казалось, что он мог поднять её одной рукой.

- Я тоже люблю её, Джулс... - промолвил он. – Почти так же,

как я люблю тебя.

Вместе они вышли на бухту. Тут было тихо – только низкие волны и ветер, что будет, кажется, вечно.

- Джозеф... Как бы мне хотелось увести её из этого острова пять лет назад.

Билли не улыбнулся, когда вошёл в комнату, и это было хорошо. Ну, лучше, чем виноватые дрожащие улыбки целителей и Милонов. Он держал её за руку. Принёс цветы.

Яркие жёлто-оранжевые цветы, которые не растут в Волчьей Весне.

- Мой отец прислал от любимого флориста матери. Послал за ним, когда мы слышали... Прежде чем мы знали, выживешь ты или умрёшь... Он сказал, это можно использовать и для ухода, и для соблезнования. Мне стоит их растоптать?

- В доме Природы?

Она взяла их. У цветов были маленькие бархатные лепестки и апельсиновый запах – они так подходили лету.

- Они прекрасны. Джулс может поддерживать в них жизнь очень долго.

- Но не ты.

- Не я.

Она положила цветы на тумбочку, рядом с подоконником, с сухим мёртвым зимним папоротником. Билли положил свой пиджак на стул, но не сидел на нём, а устроился у неё в ногах.

- Как ты попала сюда? – спросил он. – Если ты и вправду... бездарна, то почему с Милонами? Они что-то выиграли или кого-то потеряли?

Арсинья усмехнулась, и боль искрой рванулась в сторону лица. Билли наклонился вперёд, когда она схватилась за щёку, но ничего не мог сделать. К тому же, смешил её ещё больше.

- Они никогда не говорили о том, что я бездарна, - сказала Арсинья. – Ну, не тогда... Никого не клеймили так.

- А как узнали?

- Королева знает, когда рожает, - сказала Арсинья. – А потом оставляет нас на акушерку. И когда мы становимся достаточно взрослыми, на нас претендуют семьи. И у меня это была Джулс. Единственное, что меня не пугало. Она пришла, держа одной

рукой тётю Караф, а второй Мэтью.

- Ох, - Билли откинулся на спинку стула. – Тётя Караф и брат Джозефа Мэтью. Как я понимаю, они друг друга очень любили.

- Да. Некоторые говорили, что она для него слишком серьёзна, что он слишком молод. Но я никогда не забуду его лицо, когда они её забрали.

Арсиноя закашлялась. Как смешно она смотрелась, прикованная к постели, вся в бинтах, рассказывающая о потерянной любви.

- Ты прыгнула перед медведем из-за меня, - сказал он.

- А сначала ты сделал это для меня.

Он слегка улыбнулся.

- А потом Джулс убила его, - сказал он. – Я раньше думал, что она слишком сильна... Но нам повезло, что она там была.

- Да. В следующий раз я обязательно возьму её с собой.

- Ещё раз? Арсиноя, тебя чуть не убили!

- И если не попробовать ещё раз, то убьют точно.

Она закрыла глаза. Билли отвернулся.

- Королевы... Ты одна из них, - он покачал головой. – И это так странно во всех отношениях.

- Ты слышал, что королевы не люди... Потому, убивая друг друга, мы людей не убиваем, - она смотрела вниз. – Так они говорят. И я не знаю, правда ли это.

Правда или нет, неважно. Это путь острова. Время начала.

Белтейн наступает. Остров вновь начнёт двигаться – снаружи и к сердцу. Все Великие дома соберутся в долине Айнисфила.

- Вчера пришло письмо от отца, но я не открывал. Знаю, он говорит, надо встретить Мирабеллу, а я не хочу.

- Ты хочешь, чтобы я выиграла, - сказала Арсиноя. – И женишься на мне.

Билли усмехнулся.

- Я не хочу на тебе жениться. В тебе нет ничего от примерной жены. Но я не хочу, чтобы ты умерла. Ты стала моим другом, Арсиноя.

Он взял её за руку и держал, и она удивилась, сколько это значило. Его слова были искренними, хотя он знал, что в конце концов вынужден будет пойти навстречу Мирабелле.

- Ты хочешь это увидеть? – она коснулась своего лица.

- Я что, маленький мальчик? Боюсь посмотреть?

- Тебе придётся, если я выиграю.

Она повернула голову и стянула бинты. Швы стягивали щёку, но не кровоточили.

Билли понадобилось время – и он всё увидел.

- Мне стоит лгать, что я видел что-то похуже? – спросил он, и она покачала головой. – О тебе есть стишок дома... Маленькие девочки поют, когда играют в верёвку.

*Три королевы тьмы
Рождаются в лощине.
Тройняшек милых мы
Друзьями не увидим.*

—

*Три тёмные сестры,
Да справедливость судит...
И две поглощены,
И королева будет!*

- А ещё вас там называют ведьмами. Так отец говорит.

Монстры. Звери. Но ты не монстр.

- Нет, - тихо промолвила она. – И остальные тоже. Но это не меняет того, что надо сделать. – Она мягко сжала его руку. – Вернись к Сандринам, младший. Вернись и прочти письмо.

Индрид-Даун

Пьетр Ренард никогда не бывал внутри Волроя, но всегда об этом мечтал. Ещё с детства, после рассказов отца. В залах ничто не издаст ни звука, говорил он. Волрой бросает вызов красоте, ведь есть слишком много важного внутри, чтобы возиться с гобеленами. И зал, где Совет проводит заседания, обладает только чёрными гладкими стенами и скульптурой, показывая цветы натуралистов, пожары элементарей, яды отравителей и бойню войны. Он рисовал часть отравителей углём на белой бумаге для Пьетра, гадючье гнездо на ложе из лепестков олеандра.

Он пообещал привести туда Пьетра в день его совершеннолетия. Но то было до новой страны и новой жены.

- Итак... - протянул служитель, что вёл Пьетра вверх по лестнице Восточной Башни, где жила Натали.
На самом деле ему не нужен был гид. В мыслях он сто раз бывал тут.

Когда они миновали окно, он смотрел на западную башню. Огромная и неуклюжая, сглаживала всё остальное. С близкого расстояния она не была столь грандиозна, а сдала словно ножом разрезала небо. Отсюда она была просто чёрной и накрепко запертой до прибытия новой королевы.

Служитель остановился у маленькой двери. Пьетр постучал и вошёл.

Помещение было маленьким и круглым, почти как лачуга жриц, одна из бесчисленных келий, вырубленных в скале. И для этого окошка Натали казалась огромной.

- Ну... - промолвила она.

- Я был удивлён, когда ты меня сюда вызвала.

- Я знала, что ты этого не ждал. Намёк на приз. Это то, что ты себе представлял?

Пьетр посмотрел в окно и присвистнул.

- Признаться, я думал, что должно быть три башни вместо двух. Как королев. Но теперь вижу... поразительно! Даже две – огромное достижение.

Натали пересекла комнату и согнулась перед небольшим шкафом, её шаги были громки, как стук лошадиных копыт по мощёной дороге. Слишком мало ковров. Ноги слуг, пожалуй, жутко болят.

Натали налила в два стакана вино соломенного цвета.

Майское. Он чувствовал запах из окна... странный выбор.

Напиток для ребёнка-отравителя. Он взял его и фыркнул, но не обнаружил токсин.

- Какое событие? Я не пил вино много лет. Моя мачеха делала его для меня летом... Мёд, клубничный сок.

- Я так готовила его Катарине. Она всегда его так любила... Но сначала это делало ей больно, бедняжке.

Пьетр сделал глоток – прекрасное, не сладкое даже.

- Это из виноградников Волчьей Весны, - сказала Натали. –

Природа грязна, но умеет растить виноград. Маленькое солнце фруктов, они говорят, - она фыркнула.

- Тётя Натали, что случилось?

Она покачала головой.

- Ты набожен, Пьетр? Ты знаешь что-то о храме?

- Не особо много. Маргарита пыталась убедить после того, как отец на ней женился, но прошло слишком много времени.

- Никогда не поздно. Она ведь уговорила твоего отца оставить совет. Отказаться от капитала и семьи, - она вздохнула. – Я бы хотела, чтобы Паулина не умирала. Это было оскорбительно, когда Кристоф женился на Маргарите.

- Да. Но ты позвала меня не потому.

Натали рассмеялась.

- Ты так похож на меня. Так прям. И ты прав. Я призвала тебя сюда, потому что храм выступает против нас. Ты слышал о Жертвенном годе?

- Нет, - ответил Пьетр.

- Не удивлена. Ты совершенно поглощён Катариной. Жертвенный год – это королевы, две из которых слабы, а одна сильна.

- Как это поколение.

- Да. И большая часть истории правдива. Даже я помню, мне рассказывала бабушка. Но храм решил её перекрутить.

- Как?

- Они говорят, что на жертвенный год две слабые королевы убиваются толпой во время церемонии Вознесения.

- Что? – переспросил Пьетр. Он поставил своё вино на подоконник, но то выплеснулось из бокала.

- Они говорят, что толпа поднимается, отрывает руки и головы от тел, бросает в огонь. И они собираются сделать это с Катариной и Арсиной, провозгласить Мирабеллу Королевой-Белоручкой.

Пьетр задержал дыхание. Белоручек любит народ. Они уступают только Голубым королевам. Но ни одной не было уже двести лет.

- Эта часть истории о Жертвенном годе не соответствует действительности, - проронила Натали. – Я никогда такого не слышала.

- Старуха Лука столь отчаянна? Может, с элементом что-то не так?

Может быть. Или храм мечтает захватить первенство.
Плевать. Важно то, что мы наем.

- Откуда?

- Меня проинформировала пташка с материка. Прошептала на ушко.

Пьетр провёл рукой по лицу. Катарина. Милая Катарина.

Они оторвут ей руки и голову. Сожгут её.

- Почему я тут один, Натали? Где Женевьева, Луциан, Аллегра?

- Я не сказала им. Они ничем не помогут, - она смотрела через окно на город и деревни. – Ничто на этом острове не происходит без моего ведома. Или я так думала. Но я знаю, что каждое лезвие жриц уже на пути к Айнисфил. Каждая жрица будет вооружена.

- Так мы можем вооружиться!

- Мы не солдаты, милый. Не сейчас. Нам нужен был бы каждый отравитель в городе... В Айнисфил жриц будет больше в три раза...

Пьетр схватил тётю за руки и с силой сжал их. Может, он не видел, как она переживает, но знал из историй отца, чтобы понять, как это выглядит. Глава Арронов не признаёт проигрыш.

- Мы не будем стоять в стороне и позволить обезглавить нашу королеву! – его руки и голос смягчились. – Не Катарину. Не нашу Катари!

- Что бы ты сделал, чтобы спасти её, Пьетр? – спросила Натали. – На кострах мы бессильны. Жрицы ведут всё, от Охоты до Вознесения. Это почти невозможно – победить.

- Почти невозможно, - поправил он. – Но не невозможно. Я сделаю всё, что должен. Всё, что угодно.

Она поджала губы.

- Ты любишь её.

- Да. И ты тоже.

Волчья Весна

Эллис вырезал Арсиное маску, чтобы скрыть её шрамы. Она была так тонка и плотно прилегала, что могла держаться на лице, на её носе, но в ней прорезались отверстия по бокам,

была просунута тонкая чёрная лента, чтобы завязать за головой. Маска была полакирована в чёрный, касалась здоровой щеки, сужалась от носа к подбородку по правой стороне. Он нарисовал яркие красные полосы на лице, по щеке от глаза, как она попросила.

- Это впечатлит женихов, - сказал он, - когда они сойдут со своих кораблей. Они будут знать, кто ты. Та, что в маске.

- Они будут в ужасе, когда поймут, почему, - она коснулась руки Эллиса, когда тот нахмурился. – Маска прекрасна. Спасибо.

- Позволь мне помочь надеть её, - сказала Джулс.

- Нет, - ответила Арсиноя. – Сохрани. Для высадки, как говорит Эллис.

Каит строго кивнула.

- Хорошая идея. Слишком красивая вещь, чтобы носить без причины.

Она захлопала в ладоши, сгоняя мух. Она готовила пирог – последние яблоки с лета. Джулс уже нарубила длинные ломтики. Мадригал должна была помогать, но этим утром её нигде не могли найти.

Снаружи что-то копошилось у угла дома, возле курятника.

Джулс посмотрела в окно.

- Это Билли поймался в барбарисовых кустах. Он должен был пройти через сад.

- Я пойду, Арсиноя оттолкнулась от стола. Облегчением было больше не валяться в кровати. Может, она вновь сходит на холм. Или нет. Холм Ветра слишком близко к изогнутому дереву, а туда никто из Милонов её не пустит. Но как хочется! Снаружи Билли отталкивал шипы.

- Чёрт подери это дьявольское растение!

- Это барбарис, - сказала Арсиноя. – Каит вырастила их вокруг, чтобы не пускать лис. Что ты тут делаешь?

Он перестал сражаться.

- Не слишком тёплый приём. Пришёл тебя увидеть, но ты в чёрном настроении.

- Чёрном настроении?

- Мрачном, - сказал он. – Депрессия. Чернота. Что-то среднее,

- он хихикнул. – Ох, какие люди иногда странные...

Он протянул руку, и она вытянула его из куста.

- Я думал, ты захочешь уйти, - сказал он. – Подальше от постели больной.

- Это хорошая идея.

Он повёл её к докам, к Сандринам. Там была лодка со светло-голубыми парусами, окрашенным в жёлтый корпусом. Арсиноя не должна была плыть. Ей не убежать. Но это не запрещалось. Это был хороший день на воде – залив такой же спокойный, и несколько камней у скал...

- Давай, - сказал он. – Я попросил миссис Сандрин, она приготовит обед, - он протянул корзину под тканью. – Жареная курочка, немного картошки. Сметана. Она сказала, это одно из твоих любимых блюд.

Арсиноя
рассматривала
корзину,
чувствуя
плохо

скрываемый взгляд мужчины, что торговался с двумя рыночными торговцами. О чём теперь шептаться? Шрамы? Нападение сестры или медведь? Даже верные ей сейчас сомневаются. Даже Лука.

- Жареная курица? – она шагнула в лодку.

Билли последовал за нею. Они проплыли немного дальше, и ветер бился в парус, тянул их вдоль западной части острова.

- Если поедем дальше, можем увидеть китов, - сказала она. – Надо было взять Джулс! Она бы привела их к лодке, и можно было бы свернуть паруса.

Билли засмеялся.

- Звучит почти горько, знаешь.

Не почти, а горько. Ей бы хотелось хоть капельку дара Джулс. Она потянулась к своей щеке. Они даже не исцелятся к кострам, эти шрамы... Они будут красны и отвратительны.

- Когда отправляешься на высадку? – спросила Арсиноя.

- Скоро. Наша лодка недалеко. Отец говорит, не надо останавливаться на ночь, даже если ветер будет, лучше прибыть раньше. К тому же, нам надо к Сэнд-Харбор. Оттуда проще. Я помню, Джозеф говорил.

- Думаю, он многое тебе рассказал.

- Мне следовало отдавать ему должное. Но ничто не было реальным, пока я не прошёл через туман и не увидел Феннбёрн.

Арсиноя смотрела на остров. С моря он казался другим. Безопаснее. Словно не дышал кровью.

- Я разочарован тем, что женихи пропускают Охоту, - сказал он. – Единственная, как по мне, весёлая часть фестиваля.

- Не будь столь грустен. Королём-консортом ты поведёшь охоту ежегодно. И даже если не станешь королём-консортом, женихи участвуют в охоте на оленей в следующем году перед свадьбой.

- Ты была там, куда мы собираемся? В Айнисфил?

- Нет, - ответила Арсиноя. – Несмотря на то, что это очень близко к Чёрному Коттеджу.

- Там теперь тётя Джулс, Караф, - вспомнил Билли. – Это трудно... Быть так близко. Джулс и Мадригал попытаются увидеть её, как думаешь?

- У Джулс может быть желание, но указ совета она не нарушит, вопреки несправедливости. А что касается Мадригал, они с Караф никогда не заботились друг о друге.

- На этом острове все сёстры друг друга ненавидят? – спросил он, и Арсиноя фыркнула.

- Говоря о сёстрах, почему ты тут? Почему не в Ролансе, с Мирабеллой?

- Не хотел уезжать после твоего ранения. Я увижу её на фестивале, как остальные.

Эти слова заставили Арсиною ощутить тепло. Он был хорошим. И хотя не лгал, что она отвратительная жена, он будет прекрасным королём-консортом для сестёр. Она не может думать о том, что он будет её супругом. Такие надежды опасны.

Билли спустил паруса, когда они повернули от острова, в открытую воду.

- Не стоит заходить слишком далеко, - сказала Арсиноя. – Или во время возвращения будет слишком темно.

- Мы не вернёмся в Волчью Весну.

- Что? – переспросила она. – Куда?..

- Я делаю то, что должен сделать любой цивилизованный

человек. Отвезу тебя с острова. Домой. Можешь исчезнуть. Можешь остаться со мной. Я дам всё, что тебе будет нужно. Но ты не можешь остаться тут.

- Остаться со мной?

- Ну, не со мной, надо будет вернуться к фестивалю... Если меня не будет, папа снимет с меня скальп. Но если я не стану королём, то вернусь и найду тебя. И моя мать и сёстры будут помогать тебе.

Арсиноя этого не ждала. Он пытался её спасти, забрать силой от опасности. Этот материковец делает то, что надо. Смело для друга.

- Я не могу позволить тебе. Тебя накажут, если я уйду.

- Я сделаю это, скажу, что ты вытолкнула меня за борт. Ты пробовала это раньше сделать, мне поверят.

- Младший... - она смотрела на море, ожидая увидеть туман среди чистоты. – Он не отпустит меня, разве Джозеф не говорил?

- Будет иначе! Эта лодка не из Феннбёрна. Моя, она приходит и уходит, когда хочет, - он коснулся мачты, словно гладил шею коня. – Я послал за нею. Последний раз, когда отец был дома, попросил его привезти её мне... Подарок Джозефу. Либо я уплыву.

Надежда поднялась в её душе. Это казалось возможным.

- Билли, ты был мне хорошим другом. Самым хорошим на свете. Но я не могу. И ты должен верить. Даже с таким лицом я ещё могу выиграть.

- Нет, - прищёлкнул пальцами он. – Арсиноя, они тебя убьют. И не до следующего фестиваля. Не через несколько месяцев. Сейчас. Отец сказал о планах. Именно потому послал письмо. Жрицы этого кровавого, богом забытого острова. Они разорвут тебя и Катарину! Они бросят вас в огонь и коронуют Мирабеллу до рассвета следующего дня!

- Это не так, - сказала она, а после слушала его рассказ о заговоре и жертвенном годе.

- Арсиноя, ты мне веришь? Я б не стал лгать! Я б такое не придумал!

Арсиноя сидела тихо. Справа от неё был остров и неспящие волны. Всё тянулось в них. Если б только был способ

остановить их... Если б это был просто остров, а не спящий пёс с песком на лапах и скалами на плечах, которого вот-вот разбудят...

- Твой отец может ошибаться.

Но он не ошибался. Билли говорил правду.

Арсиноя думала о Луке и Милонах. О Джозефе. Джулс.

- Мы будем бороться, несмотря на то, что я уже проиграла.

Но я думала, времени больше... Не хочу умирать, Младший.

- Не волнуйся, Арсиноя. Я не позволю. А теперь возьми верёвку. Помоги мне сделать это быстрее.

Фестиваль Белтейн

Долина Айнисфил

Лагерь Вествудов

- Ничего не нашли. Ни одного следа. Она не скрывается на чердаке в Волчьей Весне, и лодки не вытащили сетями ничего, кроме рыбы. Арсинои больше нет.

- Она не может исчезнуть, - сказала Мирабелла, и Бри поджала губы.

- Не может быть, не может быть... Но есть!

- Это хорошо, - сказала Элизабет. – Если б она сбежала, ты б не причинила ей вред. И она не причинит его тебе.

Вред. Слишком мягкое слово для того, что стоит сделать.

Но не стоит ждать чего-то более жестокого от Элизабет.

Мирабелла стояла перед высоким зеркалом, когда Бри шнуровала её длинное чёрное платье. Удобное, свободное и не слишком тяжёлое. Хорошее для того дня, когда её рассматривать не будет.

Элизабет присела на пол, пытаясь отыскать среди всего мягкую расчёску. Когда она это делала, то забывала о травме и случайно ударилась культией запястья по углу из крышек. Она крепко сжала свою руку, закусил губу, и Спайс скользнул на плечо.

- Элизабет, - промолвила Мирабелла. – Ты не должна ничего делать.

- Я должна узнать, как ею пользоваться.

Тени надвигались снаружи. Жрицы всегда под рукой.

Всегда смотрят. В щедрой чёрно-белой палатке Мирабеллы с

толстыми коврами и кроватями, мягкими подушками, столами и стульями легко забыть, что это не помещение с плотными стенами, а из холста и шёлка, и их легко услышать.

Бри закончила шнуровку платья и встала рядом с Мирабеллой перед зеркалом.

- Ты видела местных парней? – громко спросила она. – У палаток без рубашек! Как думаешь, парни Природы действительно такие дикие, как о них говорят?

Мирабелла задержала дыхание. Парни Природы. Джозеф.

Она не говорила Бри и Элизабет о том, что было между ними. Хотелось, но она боялась сказать об этом вслух. Джозеф будет на фестивале. Она может его увидеть. Но он будет с Джульеной Милон. И что бы не случилось между Мирабеллой и Джозефом на пляже, насколько бы они не утонули друг в друге, забыв о буре, Мирабелла знала, что чужая в их истории.

- Скорее всего, нет, - Мирабелла ответила так же громко. – Но я уверена, что ты узнаешь и расскажешь мне.

Тени двинулись вперёд, и Бри сжала плечо Мирабеллы.

Это будет длинный день после путешествия. Тряска в повозке из Роланса была сложна, особенно вокруг Сэнд-Харбор, где пахло солью и рыбой у пляжа.

Мирабелла выглянула из палатки. Столько людей, смеются, работают на солнце. Она не видела большую часть долины. Они держали её в закрытой повозке, пока палатка не была готова, и сразу же провели внутрь. Она видела только предрассветные скалы и густые, тёмные леса, то окружали широкую поляну.

Жрицы говорили, что она должна чувствовать себя как дома. Как Королева в центре острова, так близко от Богини, что вырывалась на свободу. Но это было не так. Мирабелла чувствовала гул острова под ногами, и ей это не нравилось.

- Где Лука? – спросила она. – Я почти не вижу её.

- Она занята поисками, - ответила Элизабет. – Я никогда не видела её столь возбуждённой и злой. Она не может поверить, что твоя сестра такая вызывающая.

Но это Арсиноя. Она всегда была такая, а Волчья Весна сделала её ещё хуже. Мирабелла видела это в её глазах там, в

лесу. Она видела это в глазах Джозеф тоже. Волчья Весна так растит детей.

- Лука занята ещё и контролем в повозках. И ящики. Много ящиков. Никто не знает, что там, а ты, Элизабет?

Жрица покачала головой. И неудивительно. Храм больше ей не верил, к тому же, в погрузке и разгрузке от неё теперь мало пользы.

- Как думаешь, - промолвила Элизабет, - её найдут? Или она сошла и выжила?

- Никто не думает так, - мягко промолвила Бри. – Но лучше умереть так, чем иначе.

Лагерь Арронов

Отравители прибыли ночью, всем кланом, что сходил на территорию фестиваля, словно муравьи. Они поставили палатки при свете луны, только при маленьких лампах, работали так тихо, что когда день обрушится на лагерь, жрицы будут смотреть на него с открытыми ртами.

Внутри палатки Катарина расхаживала взад-вперёд. Пьетр должен был принести ей завтрак, но ушёл слишком давно. Это несправедливо, что он свободен ходить по лугу, а она закрыта до высадки. Может быть, если найти Натали, они смогут гулять вместе.

Она вышла из палатки рядом с Берtrandом Романом.

- Лучше оставаться внутри, моя королева, - сказал он и положил огромные руки ей на плечи, чтобы запихнуть обратно.

- Убери от неё свои руки, - Пьетр подошёл к ним и оттолкнул Бертрана назад, хотя тот был столь огромен.

- Это для её безопасности.

- Мне плевать. Вы больше не посмеете так к ней касаться.

Он обнял Катарину за талию и увёл её внутрь.

- Мне он не нравится, - сказал он.

- Мне тоже. Я не видела его с тех пор, как в детстве он дал мне молоко олеандра, - сказала Катарина. – Не думаю, что ему нужно было просто продемонстрировать что-то!

- Тем не менее, он лучший для конвоя, - пробормотал Пьетр.

– Мы должны помнить о твоей безопасности.

Но были и другие, столь же уместные. Бертрана выбрала Женевьева, Катарина в этом не сомневалась.

Пьетр поднялся на её импровизированную кровать и выложил еду, что нашёл. Большая часть пищи была ещё тщательно спрятана для праздников, но он нашёл немного хлеба и масла, а ещё вареные яйца.

- Пьетр, у тебя цветы в волосах.

Он вытащил один из волос – лишь распространённая тут маргаритка.

- Где ты её взял?

- Жрицы, не иначе, - сказал он, и Катарина скрестила руки на груди. – Катари... - он встал и обнял её, целовал её лицо, пока она не захихикала. Он целовал её губы и шею, пока её руки не скользнули под его рубашку.

- Несправедливо, я ревную, - сказала она.

- Это не имеет значения. Это наша участь, сводить друг друга с ума от ревности. Ты будешь целовать женихов, я жриц, и наш огонь будет гореть ярче.

- Не дразни! – воскликнула она, и он улыбнулся.

Вне

палатки

отравители

распаковывали

сундуки.

Подготовка к ночной охоте начиналась. Каждый отравитель скоро схватит луки и арбалеты, будет макать наконечники стрел и болтов в раствор ядовитой зимней розы.

- Я б хотела поучаствовать в охоте, - Катарина подошла к кровати и присела, чтобы втереть масло в кору. – Было б неплохо взять лошадь в горы и пойти на перепелов и фазанов. Ты будешь на коне или пешком?

- Я не пойду. Останусь с тобой.

- Пьетр, не надо! Я буду скучна, буду переживать о черноте и высадке...

- Нет. Не беспокойся об этом.

- Трудно думать о другом.

- Ну, я тебе помогу.

Пьетр притянул её к груди и вновь поцеловал, пока они оба не начали задыхаться.

- Не думай об этом, Катари. Не переживай, - он уложил её на

кровать. – Не бойся.

Он придвинулся ближе, дыша ей в ухо. В Пьетре что-то изменилось – его прикосновения были отчаянны и немного грустны, она представляла, что это потому, что скоро между

ними встанут ухажёры, но молчала, боясь, что он остановится. Его поцелуи заставляли её голову кружиться, даже если она не понимала, когда он скользил пальцами по коже, где были руки, плечи, невидимые линии у горла...

Лагерь Милонов

Джулс поднималась на высокий холм по палаточной карте – прикосновениями. Когда она пошатнулась, то разделила всё пополам. Потеряла хорошую часть, но это пугало зевак. После того, как Арсиноя пропала, Джулс не было покоя. Все думали, что она знала, куда ушла та.

Даже отец Билли. На следующий день после пропажи лодки Уильям Чатворт наконец-то нанёс Милонам визит, но только требовал ответов. Наказания. Но не было кого наказывать.

Королева ушла вместе с Билли.

Эллис наклонился к белому спаниелю Джейку.

- Я не хотела разбивать его, - сказала Джулс.

- Я знаю. Не переживай, Джейк сможет потянуть это и то, что на тележке...

Джулс вытерла лоб, когда собака остановилась под акацией.

Их главная палатка валялась на траве, как крыло мёртвой летучей мыши, пахла, словно сметана. Это было совсем не то, что палатки Катарины и Мирабеллы. Но не важно. Не стоит её устанавливать. Не надо было прибывать в Айнисфил без Арсинои вообще.

Джулс коснулась палатки, отыскав дырку, которую надо было зашить.

- Стыдно. Нам стоило больше заботиться. Относиться к ней, как королеве...

- Мы это делали, - сказал Эллис.- Относились, как к королеве Природы. Нос в грязи, бег и рыбная ловля. Природа – это королева народа. Потому они такие хорошие, когда достаточно сильны для победы.

- Чёрт!

Джулс и Эллис повернулись и увидели, как Каит выгнала Камдэн из палатки. Ворона каркала и кружилась вокруг головы пумы.

- Что случилось? – спросила Джулс.

- Ничего. Только съела бекон, - она кивнула на подбородок. –

И вот Джозеф...

Она помахала рукой сгорбившемуся силуэту. Остров тоже косо смотрел на него после пропажи Билли и Арсиной.

- Эй, Джозеф! – воскликнул Эллис. – Где вы с семьёй поселились, где ночевали?

- Мы только проделали путь, - он указал на восток. – Мои родители остались с Ионой, так что прибыли лишь я и Мэтью.

- Вы разведали почву для охоты? – спросила Каит.

- Ещё нет.

- Лучше поскорее сделать это. Вдвоём с Джульеной. Если будете идти достаточно медленно, можете прихватить этого зверя.

При своём упоминании Камдэн с надеждой посмотрела на Джулс. Её левая передняя лапа и плечо плохо заживали, но глаза уже посветлели и зазеленели. "Я не бесполезна, - говорили они, - а ещё жива и готова".

- Пошли, - шепнула Джулс, и кошка захромала на трёх ногах.

- Сделай хорошее дело, - сказала Каит. – В этом году будет столько смертей от затаптывания... - она смотрела огромный луг. – Скоро палатки потекут на пляж.

И дойдут до вершины. А потом будут спать под звёздами без палаток.

- Джулс... - проронил Джозеф, когда они оказались под деревьями.

- Подлесок не годится, - сказала Джулс. Тут было легче идти, но охота в темноте деревьев опасна. Людей топчут. Они ломают кости на неровной поверхности. Или их ловит неосторожная стрела.

- Джулс.

Он коснулся её плеча.

- Как дела? Я имею в виду, после всего этого...

- Разве мы не должны радоваться? – она отмахнулась от

него. – Разве не мы всегда желали, чтобы она сбежала?

- Да, но я не думал, что это будет так внезапно и без слов. И без нас.

Глаза Джулс жгло.

- Да, но я не сужу. У неё появился шанс.

Камдэн прорвалась вперёд и заворчала на краю скользкого обрыва вдоль расширяющихся берегов ручья. Во время охоты Кэм будет в лагере с другими фамилиарами. Она хочет присоединиться, но это не место для неё, ведь собаки могут принять её за добычу.

- Мирабелла тут, - сказала Джулс, увидев, как насторожился Джозеф. – Ты видел её повозку? Позолоченная... Люди не беловолосы. Это серебро – и они походили на теней.

- Я не видел их. И не видел её, Джулс.

- Хорошо, что Арсиноя ушла, - продолжила Джулс. – Она не хотела выиграть. Она могла бы, если б была с Вествудами или Арронами, не с нами. Вествуды или Арроны. Если б мы были способны дать ей что-нибудь...

- Арсиноя была счастлива, она была нашим другом и... Ты сделала её достаточно сильной, чтобы уйти.

Уши Камдэн насторожились, когда хрустнула ветвь. Другие охотники просматривали лес. Он их не знал. Природа, но у них может быть любой дар. В костры люди смешиваются и смешиваются, хотя палатки этого не показывают. Природа разбила лагерь рядом с Природой, Принн и Индрид-даун стояли вместе. Даже во время охоты только Война выйдет за пределы партии, только потому, что их мало, да и дар Природы обеспечивает более широкие возможности для убийства.

- Время близится, - глаза Джозефа просветлели. Он был ещё молодым волком и впервые оказался тут.

- Не думаю, что на материке была столь грандиозная охота.

- Нет. Мы охотились, но ничего подобного не было. При дне, чтобы можно было что-то увидеть, для начала.

В отдалении у лагеря кто-то бил в барабан. Скоро наступит завтра. Огонь будет высоко гореть, люди будут прыгать через него. Натуралисты станут торговать замшевой одеждой с чёрно-белыми красками на телах.

К тому времени они вернулись на луг, и солнце уже

спряталось за деревьями, свет стал сумеречно-жёлтым. Каит была права. Айнисфил наполнилась почти до предела. Палатки занимали всё вокруг, даже шагу не ступишь, а ещё дорожки и огненные ямы, возбуждённые, улыбающиеся лица.

Они добрались до палатки Джозефа, и он снял рубашку.

- Ты оставишь это? – Джулс указала на его брюки из материка.

- Почему нет? Всё равно все считают, что я с материка.

Он помог ей выбраться из рубашки – до мягкой кожаной туники и леггинсов. Она не была в настроении для охоты, но кровь Природы в её жилах не позволит остаться. Её тянуло к деревьям.

- Оставишь руны? – спросил Джозеф, протягивая ей банку с чёрной краской.

Сначала она не знала, что рисовать, а потом решилась.

Она умочила четыре пальца и провела линию по плечу.

Потом опять – вниз по правой щеке, прежде чем сделать это для себя.

- Для Арсинои, - сказала она.

- Это прекрасно. Но надо ещё один.

- Ещё один?

Он взял её за запястье.

- Хочу носить отпечаток твоей руки под своим сердцем.

Рука Джулс парила над его грудью. После она покрыла ладонь краской, прижала к сердцу. И прижала губы в его губам.

Она позволила коснуться. Тепло, сила рук... С Мирабеллой или нет, он иногда чувствовал, что не стоит возвращаться на остров. Но даже если нет Арсинои, даже если они обещали быть вместе на костры, это было испорчено.

Джозеф крепко обнимал Джулс. И целовал так, словно боялся остановиться.

Она подняла руки к груди и оттолкнула его.

- Джозеф, я неправа. Не стоило это делать.

- Нет, - он затаил дыхание. – Всё хорошо. Мы можем остаться на ночь, Джулс, мы не должны охотиться.

- Нет.

Он коснулся её лица, но она не смотрела ему в глаза. То, что она бы там увидела, могло заставить её изменить своё мнение.

- Неужели ты никогда не простишь меня?
- Не сейчас. Не хочу, чтобы всё испортилось. Хочу, чтобы это было правильно – потом.
- А если это потом никогда не наступит?
- Значит, мы будем знать, что это не должно было случиться никогда.

Достояние

- Такой чёрный, - сказала Катарина.
 - Да, - сказал Пьетр. – Но чёрный – цвет королев.
- Его голос звучал за её спиной. Он отказался идти так близко к краю. Но когда Катарина увидела Достояние Бречии, она скользнула к нему змеей.

Достояние Бречии было глубокой пропастью, "сердцем острова". Священное место. Говорили, тут нет дна, и Катарина не могла описать темноту. Чёрный до синавы.

Пьетр провёл её, как только Натали и Женевьева отвлеклись на Охоту. Они тихо скользнули в глубокие южные леса, где запрещено охотиться, пока деревья не открыли серые скалы и тёмную трещину острова, словно рану от зубчатого лезвия.

- Иди ко мне, - сказала она.
- Нет, спасибо.

Она засмеялась и наклонилась через край. Пьетр не видел того, что видела королева. Это её место.

Она ещё раз глубоко вздохнула.

Достояние Бречии существовало. Было много священных мест на Феннбёрне, но оно соединяло всё. Это источник. Если б Катарину растили в храме, как Мирабеллу, она бы слышала что-то в гуле в воздухе, понимала, что касается холодом её шеи. Холодный, плотный воздух врывался в кровь и делал её более легкомысленной, чем следовало.

- Катари, отойди оттуда сейчас же!
- Ну зачем идти? Тут хорошо!
- Не вижу причин. Тут плохо.

Она положила голову на руку и смотрела вниз на трещину.

Пьетр прав. Ему не так хорошо. Прежде сюда сбрасывали тела королев, что не выживали. Женевьева говорила, что внизу они разрушенные лежали горой.

Но теперь Катарина так не думала. Достояние Бреччии было таким огромным, королевы не разбились о дно, они ещё падают.

- Катарина, нельзя быть тут всю ночь. Надо вернуться до конца охоты.

Она ещё долго смотрела в черноту и вздыхала, а после встала и счистила пыль с платья. Лучше вернуться. Она должна отдохнуть до завтра.

Завтра они будут готовиться к высадке на закате, когда они с Мирабеллой впервые увидят женихов и друг друга. Она задавалась вопросом, будет ли её элементарь удивлён, увидев, что слабенькая отравительница столь здорова.

- Какие траты... - сказала Катарина. – Целоваться с этим парнем, Билли, что бежал с Арсиной.

- Целоваться? Что ты имеешь в виду? – спросил Пьетр. – Ты его поцеловала?

- Конечно, да. А для чего, по-твоему, я покинула гостинную? Чтобы ты не видел.

- Да, но я не смогу этого избежать. Ты должна делать вид, что меня нет, Катари. Сделать вид, что меня не существует.

- Да, не просто делать вид. Никто не коснётся меня во время костров. Я не останусь с ними до Вознесения.

Пьетр смотрел в сторону, и Катарина быстро подошла к нему и поцеловала. Она украдёт у него куда больше поцелуев сегодня вечером, и завтра, скрываясь от осуждающих взглядов Женеьевы.

- Мы не расстанемся, - прошептала она ему в губы. –

Несмотря на то, что всегда надо будет скрываться.

- Я знаю, Катари, - он обнял её, и она положила голову ему на грудь.

Это трудно, но не невозможно. Они научились хорошо скрываться.

Охота

Когда началась охота, Джулс была так близка к Джозефу, что они почти соприкасались, стоя среди первых линий Природы под бой барабанов. Жрицы дунули в рога, и они помчались с остальными, и в ушах были только крики охотников и хруст трав под ногами.

Они были вместе некоторое время, бежали, пока Природа мчалась к деревьям. А потом она посмотрела направо, и он пропал.

Она искала его везде, где могла. Она даже схватила факел и посветила на землю, если он упал, но его не было, и лес затих.

- Джозеф? – повторила она. Природа и Война оставили её далеко позади. Какое-то время на слышала победные возгласы, но не теперь. Отравители с испорченными стрелами и мечами заняли высокие охотничьи угодья в горах ниже скал, и быстрая Природа затопит северные леса позади палатки драгоценных королев.

- Джозеф! – позвала она вновь и ждала.

Он будет в порядке. Он здоров и способен. Легко потерять компаньона в такой толпе, может, они были глупы, пытаюсь остаться вместе.

Джулс держала свой факел и вглядывалась в темноту.

Ночной воздух не хладил её кожу, когда она не бежала. Через мгновение она направилась в противоположную сторону – далеко зашла. И нет причин, по которым она не должна найти что-то.

Мирабелла сидела перед холодными фруктами и сыром.

Она быстро встала, когда что-то ударилось за пределами палатки, а спустя несколько мгновений Бри и Элизабет затащили её потерявшую сознание стражу внутрь.

- Что это? – спросила она.

Бри была очень красива в чёрной подпоясанной тунике с серебряной окантовкой, в высоких мягких сапогах. Они с Элизабет были в плащах из тёмно-серой шерсти. Охотничьих плащах.

Мирабелла изучала бессознательных жриц – ну, пока что они не шевелились.

- Что вы сделали?

- Мы их не убили, - сказала Бри таким тоном, словно ей было плевать на это. – Они только под воздействием снадобий.

Трюк отравителей, но что хорошего может быть тут среди Арронов, если тебе могут принести отравленную воду?

Элизабет протянула сложенный серый плащ для

Мирабеллы.

- Нас обнаружат, - Мирабелла посмотрела на то место, где должна быть рука Элизабет. – Нельзя рисковать.

- Не используй меня в качестве оправдания, - сказала жрица. – Пусть я из храма, контролировать меня они не будут! – её оливковые щёки покраснели от волнения.

- Ты будешь плохой жрицей, - Бри расхохоталась. – Почему ты остаёшься? Можешь жить с нами! Ты не владеешь своей судьбой.

Элизабет втокнула плащ в руки Мирабеллы.

- Это не так плохо быть изгоем. Отвернулись Жрицы, не богиня. Пора. Нельзя уходить надолго. Мы просто увидим Природу. Настоящих охотников, с перьями в волосах и костями вокруг шеи.

- И с голым торсом, - добавила Бри.

- Мы можем отправить этих двух на посты, когда вернёмся.

Может, они проснутся и постыдятся того, что уснули!

За пояс Бри был заправлен лук и стрелы, арбалет был перекинут через плечо Элизабет. Не для игры, для защиты.

Глаза Мирабеллы уставились на отсутствующую руку подруги. Ей надо будет помощь для перезарядки.

- Хорошо, - сказала она, заворачиваясь в плащ. – Но быстро.

Джулс слышала медведя, прежде чем увидела логово. Она сместила свой факел, так что свет падал на вход, и он смотрел на неё яркими, пожарно освещёнными глазами.

Он был огромен и бур. Она не искала его. Она мчалась за оленем и почти догнала его – вот бы ещё подъём...

Медведь не хотел неприятностей. Он просто отступил в логово, чтобы избежать от охотников.

Джулс выхватила нож, длинный и острый, что мог прорезать шкуру медведя. Но медведь всё равно её убьёт, если он решит сражаться.

Медведь посмотрел на нож и понюхал её. Часть её мечтала, чтобы он подошёл. Она была удивлена теплоте гнева, весу отчаяния.

- Если ты ищешь королеву, то пришёл слишком поздно.

Не нужно было видеть отравителей или элементарей, чтобы знать, что у Природы мяса будет больше. Так много охотников среди деревьев, столько победных криков. Большинство тех, кого видела Мирабелла, привязывали к поясу кроликов или хороших жирных фазанов. Кто-то из Природы поднял даже козла.

Они с Элизабет и Бри побежали с охотниками. Может, забежали дальше, чем следует. Но все двигались так быстро. Почти невозможно было оставаться в стороне.

- Дар Природы становится сильнее, - сказала Мирабелла, думая о Джульене Милон и её горной кошке.

- Я слышала шёпот о девушке с пумой, - сказала Элизабет.

- Не только шёпот. Я видела её в лесу в тот же день с моей сестрой.

- С твоей сестрой? – спросила Бри. Она говорила встревоженно, но в тусклом свете луны была всего лишь тенью.

- Что? – спросила Мирабелла. – В чём дело?

- Ты не удивляешься, что натуралисты умны и сильны?

Может, это скрытая сила Арсиной, а пума её?

- Я так не думаю, - ответила Мирабелла.

- К тому же, - добавила Элизабет, - горная кошка или нет, Арсиноя б не пропала.

Мирабелла кивнула. Они должны вернуться в лагерь.

Жрицы скоро проснутся. Но прежде чем она сказала это, другая охота налетела на них и смела в сторону.

- Джулс!

Это был только резкий шёпот, едва слышный над криками охотников и смехом Бри с Элизабет.

- Джулс!

Мирабелла замедлилась, остановилась. Бри и Элизабет бежали без неё.

- Джозеф?

Ещё один, держит пылающий факел. Чёрные следы на его лице и плече. Но это он.

Когда он увидел её, то замер.

- Королева Мирабелла... что ты тут делаешь?

- Не знаю. Наверное, я не должна тут быть.

Он мгновение колебался, а после взял её за руку и потянул

за широкий ствол дерева, где их не было видно.

Никто не знал, что говорить. Они крепко держали друг друга за руку. Подбородок Джозефа был испачкан кровью, едва видной при свете умирающего факела.

- Ты поранился, - сказала Мирабелла.

- Это просто царапина. Споткнулся в начале охоты.

Потерял свою часть.

Потерял Джульену, вот что он имел в виду. Мирабелла едва заметно улыбнулась.

- Кажется, ты часто ранишься. Может быть, тебе нельзя быть одному.

Джозеф засмеялся.

- Думаю, да. Вернувшись сюда, я будто притягиваю всякие проблемы.

Она коснулась следов крови на его подбородке – ничего серьёзного. Только добавляло ему дикости в сочетании с чёрными полосами на его лице и на голом плече. Она задавалась вопросом, кто это рисовал, представила себе пальцы Джулс, что скользили по коже Джозефа.

- Я знала, что ты тут. Даже после побега Арсинои. Знала. Надеялась.

- Не думаю, что хотел бы тебя видеть. Тебе стоит спрятаться.

Спрятаться. Быть в плену под усиленной охраной. Но они с Бри срывали попытки храма запереть её с детства.

Удивительно, что жрицы не отказались теперь от этого.

Мирабелла коснулась рукой груди Джозефа, сжала плечо.

Он был горяч от бега, пульс его подскочил от её касания. Она прижалась ближе, и их губы почти соприкоснулись.

- Ты не знаешь меня, как Джулс, - сказала Мирабелла. – Но ведь хочешь? Имело значение то, что случилось той ночью, в шторм?

Джозеф тяжело дышал. Он смотрел на неё из-под нахмуренных бровей. Он не сопротивлялся. И не мог.

Она обвила его шею руками, и он поцеловал её, прижимая к дереву.

- Это имело значение, - прошептал он. – Но, богиня, я бы хотел, чтобы это было не так...

Лагерь Арронов

Отравители в основном убивали птиц и кроликов. Ничто в сравнении с Природой, но того стоило ожидать. Охота – это часть Природы на кострах.

Катарина присоединилась к Натали в длинной белой кухонной палатке, когда та ощипывала фазана.

- Я должна, - начала Катарина, - позвать слуг?

- Нет, - сказала Натали. – Те, кого мы привезли, заняты. Но есть ещё птицы... Белтейн заставляет нас кружиться.

Катарина закатала рукава платья и схватила ближайшую птицу.

Натали одобрительно кивнула.

- Пьетр оказывает на тебя хорошее влияние.

- Он не учил меня ощипывать птиц, - сказала Катарина. – Я могу всё испортить.

- Но ты уверена в себе. Очаровательна. Ты выросла с тех пор, как он появился.

Катарина улыбнулась и стянула перья со своего носа.

Большинство птиц готовились на праздник, но лучшие будут оставлены на церемонию её Черноты.

- Разве это не то, почему он остался в Грэйвисдрейк?

- То. Это была его задача, превратить тебя в прекрасную леди, и он справился, - на её пальцах была кровь – она тянула слишком сильно и порвала кожу. – Это была моя задача развить твой дар и держать в безопасности. Сделать из тебя королеву.

- Натали, в чём дело? – спросила Катарина. – Ты говоришь, словно думаешь, что мы проиграли.

- Может быть, - её голос обратился в шёпот, хотя никто не был в палатке, и не было теней на холсте. – Я надеялась, что побег Арсиной изменит планы... Что они будут слишком заняты поисками. Сочтут нужным... Но я видела ящики и знаю, что там. Ножи.

Катарина продолжала работать. Далёкий, отсутствующий взгляд в незамерзающих голубых глазах Натали и страх в её голосе заставлял её дрожать.

- Арсиноя умна, - сказала Натали. – Труслива, но умна. С помощью материкового мальчика... Кто б мог подумать, что это

реально?

- Я не думаю, что они это сделали, - сказала Катарина. – Они на дне моря, и рыба их съела.

Натали рассмеялась.

- Но если она на дне моря, она не тут. И у них только одна цель.

- У них? Натали, о чём ты? Что-то не так? Ты думаешь, я проиграю на Черноте?

- Нет, нет. Это будет поразительный успех.

Катарина опустила голову. Она боялась черноты. Такое унижение в день рождения... Это означало, что Женевьева и Натали плохи... Неудача испортит остров.

- Поразительный? Нет, - сказала она.

Натали оттолкнула в сторону мёртвых птиц Её глаза скользнули по Катарине, словно видели её впервые.

- Ты мне веришь, Катарина?

- Конечно.

- Тогда ешь на Черноту, сколько можешь! – её рука скользнула, чтобы схватить королеву так быстро, как змея. – Без страха! И поверь, не будет никакого яда.

- Как? Как?!

- Жрицы могут думать, что умны, - сказала Натали, - но никто не лучше меня! И я сделаю всё, чтобы ты показалась сильной! И никто не скажет, что это Жертвенный год!

Лагерь Милонов

- Мы используем наше мясо вместе, - сказал Эллис, - вместо того чтобы делить на отдельные праздники. Отравители, натуралисты, воины, элементали, бездарные. Мы все едины были на праздники во времена моей молодости.

- И когда ж это было, дедушка? Сто или двести лет назад? – спросила Джулс.

Эллис усмехнулся и согнал Джейка со стола.

Следующее утро после охоты было тихим. Каждый человек на лугу работал или отдыхал. Или был ранен. Как и предполагалось, многие получили ранения, но о смерти не было ни слова. Некоторые шептались, что этот Белтейн благословлён.

Но это не было благословение ухода Арсиной.

Камдэн неуклюже забралась на колени Джулс и обнюхивала порез на её плече. Не от медведя. Он ушёл, обратно в логово. Она вместо этого поймала оленя и быстро перерезала ему горло, но копыто задело её.

Джулс потянулась через стол и протянула Кэм большой кусок оленьего сердца.

- Этот олень лучшее с охоты, - сказала Каит. – Сердце по правилам сделают королевам.

- Отправьте остаток, - сказала Джулс. – Всех королев тут нет. Арсиноя отдала бы Кэм свою часть.

Зашелестело в палатке Мадригал. Джулс нахмурилась и сжала пуму. Палатка шуршала – она проснулась... Хихикала. И была не одна.

- Вставай! – Каит пнула заслонку. – Есть работа!

Лоскут отогнулся. Мэтью держал его так, что Мадригал скользнула под его рукой.

Каит и Эллис замерли. Мэтью был с Мадригал, но это бессмысленно. Он любил тётю Караф. Но любит ли? Пальцы

Мадригал сжимали открытый воротник рубашку, он улыбался. И ничто спрятать это не могло.

Джулс вскочила так быстро, что почти уронила Камдэн.

- Что ты сделала? – она закричала. Рука опустилась вниз, и стол затрясся. – Отойди от него!

- Джулс, нет, - Эллис схватил Камдэн, чтобы она не бросилась вперёд. Мэтью выступил перед Мадригал, защищая её, и Джулс зарычала.

- Я... - начала Мадригал. – Я...

- Мне плевать, что ты моя мать! Закрой рот!

- Джульена Милон!

Джулс успокаивалась. Она сжимала кулаки и зубы, слёзы накатывались на глаза, она смотрела то на Мэтью и Мадригал, то на бабушку.

- Уйди, - спокойно промолвила Каит. – Иди.

Джулс глубоко вдохнула воздух, но успокоилась, и Эллис отпустил Камдэн. Она повернулась на каблуках.

- Джулс, подожди! – воскликнула Мадригал.

- Мадригал, - оборвала её Каит, - соблюдай тишину.

Джулс проникла в толпу костров и спустя мгновение затерялась в ней.

Некоторое время она бродила без цели, и горная кошка отпугивала всех. Мэтью и Мадригал были такими непринуждёнными. Совсем не похоже на новоявленных любовников. Учитывая частные пропажи Мадригал, трудно понять, когда это началось.

- Я ненавижу её, - тихо сказала Джулс Камдэн. Эгоистка Мадригал всегда творила то, что хотела. Она превратила жизнь Джулс в хаос и не пыталась это исправить. А теперь Мэтью... Ей всегда нравилось отбирать что-либо у Караф. Даже это. Единственное, что осталось у Караф.
- Джулс!

Она повернулась. Это Лука проталкивался сквозь толпу. Она не была уверена, что он прибудет. Верный Лука. Он верил в Арсиною с самого начала. Единственный, кто никогда не сомневался.

Когда он добрался до Джулс, то заключил её в свои тёплые объятия. Хэнк спрыгнул с его спины и приветственно клюнул Камдэн.

- Я рада, что ты тут, - промолвила Джулс. – Один из немногих желанных на этом фестивале.

Он протянул ей пакет, завёрнутый в бумагу.

- Что это? – спросила она.

- Платье для Арсиной.

Джулс сдвинула ткань внутри упаковки.

- Зачем? Ведь некому носить...

Оно никогда не предназначалось для неё. Она попросила сделать это для тебя. Сказала, чтобы ты сияла. Ты – и в глазах своего возлюбленного.

Джулс прижала пакет к груди. Милая, глупая Арсиноя думала о ней, а не о себе. Или нет. Может, она сделала это, потому что и тогда знала, что сбежит.

- Она и вправду оставила тебя, Джулс? – спросил Лука. – Или это материковец? Принудил её...

Джулс не мог себе представить, чтобы Арсиноя делала то, чего не хотела. Но это возможно. И мысли утешат Луку.

- Не знаю. Всё может быть.

Лука вздохнул. Вокруг них было столько бодрых лиц. Безмятежные гости фестиваля. Большинство радовалось, что Арсиноя ушла. Меньше препятствий на пути Мирабеллы. Теперь есть только Катарина, слабая и болезненная отравительница.

- Полагаю, теперь стоит поддерживать Мирабеллу, - сказал Лука. – Может, и полюбить её. Легче это сделать, когда она не убивала нашу Арсиною.

Джулс угрюмо кивнула. Она никогда не полюбит Мирабеллу по определённым причинам, но это не значит, что та будет плохой королевой.

- Я видел корабли женихов, когда проходил мимо Сэнд-Харбор, - сказал Лука. – Пять штук, но не стоит рассчитывать на Билли.

Джулс мрачно кивнула, ведь Лука говорил ей о том, какие были флаги. Два из земли супруга Бернадины. Один от Камиллы. Один неизвестный. Но Джулс больше не слушала. Корабль отца Билли был в Айнисфиле. С Билли? Она так не думала. Она сомневалась, что Чатворт больше знал о судьбе Билли и Арсинои, чем кто-то другой.

- Странно, да? – задумался Лука. – То, как мы принимаем жителей материка, пускаем их...

На юго-востоке гавани делегации будут ждать захода солнца, а потом отправятся к заливу. И только там бросят якорь для высадки пассажиров. Если б Арсиноя была с нею, Джулс могла бы взять Камдэн в скалы, чтобы посмотреть. Сейчас это не имело значения. Пусть Мирабелла выбирает того, кто ей понравится. Это неважно. Короли-консорты лишь номинальные правители, символ мира с материком.

- Что это? – спросил Лука.

Жрицы бежали вниз от скал чёрно-белой линией. Джулс и Лука подались вперёд, чтобы видеть получше. Так делали многие. Невысокая Джулс вынуждена была прыгать, чтобы увидеть за их головами и плечами.

Что-то случилось у палаток Вествудов. Или, может, палатка Верховной жрицы... Они были так близко друг к другу, что трудно определить. Лука ткнул высокого парня в спину.

- Что там происходит?

- Я не уверен, - ответил мужчина, - но, кажется, поймали предательницу-королеву.
- Этого не может быть!

- Может. Жрицы прибывают.
- Пустите! – закричала Джулс, но толпа была слишком густой. Она зарычала, а Камдэн разодрала кому-то рубашку. Ткань покраснела, он закричал.
Толпа расступилась. Они кричали на неё – Природа со зверем. Но плевать. За её спиной Лука мчался к Каит и Эллис. Если это действительно Арсиноя, Джулс понимала, что она будет нуждаться в них всех.

Лагерь Верховной Жрицы
Собрать Чёрный Совет в палатке Луки получилось быстро. Палатка была маленькой, обычно пустовала, тут оказалось только несколько ковров и ящики.
Непродуманное непостоянство, но люди заставляли всё это казаться значительным, словно твёрдая порода.
Отравители Паола Венд и Лукиан Марлоу, и Война Маргарет Бьюлин стояли с Ренатой Харгроув. Натали Аррон во главе всего этого... Змеиная голова, как говорила Лука. За нею стояли остальные Арроны – Аллегра, Антонин, Лукиан, Женевьева. Женевьева так близко к Натали... Она – её уши на совете, говорят. Нож во тьме. Мирабелла её ненавидела.
Мирабелла тут оказалась случайно. Она была с Лукой, когда жрицы пришли с новостями об Арсиное, и Лука не имела времени заставлять её уйти.
Мирабелла и Джулс смотрели друг на друга через всю палатку. Казалось, это не длилось долго, но Мирабелла запомнила пламя в выражении Джулс и сходство с её пумой.
- Королева Мирабелла не должна быть тут, - холодно и ровно промолвила Натали. Она была единственной в палатке, чьё сердце не вылетало из груди. – У неё нет голоса на совете.

- Тут у многих нет голоса на совете, - хмыкнула Каит.
- Каит, разумеется, ты можешь остаться, - сказала Натали. –
Как воспитатели, Милоны могут тут находиться.
- О, да, благодарим, - с сарказмом ответила та. – Но это правда? Её нашли?
- Скоро узнаем, - сказала Лука. – Я послала жриц к побережью, чтобы забрать путешественников, кем б они ни были.
Чёрный совет фыркнул на слове "путешественники", и Натали шикнула на них, как на детей.

- Если одна из них действительно Арсиноя, королеве Мирабелле следует уйти. Вы лучше всех знаете, что им не стоит знакомиться до высадки.
- Они однажды встречались. Второй раз хуже не сделает, - сказала Лука. – Королева останется. Останется и будет молчать. Как и молодая Милон.
Пума прижала уши. Старики Милоны положили руки на плечи Джулс.
Жрицы вернулись с пляжа и пытались протолкнуться. Мирабелла напряжённо слушала, как бормотала и душилась толпа. А после палатка открылась, и жрицы швырнули Арсиною внутрь.
Мирабелла закусила щёку, чтобы не закричать. Трудно было сказать, что это Арсиноя. Она промокла до костей, тряслась, сжалась на тонком храмовом ковре, и её лицо испортили глубокие порезы
Жрицы стояли на страже и держали руки на рукоятках ножей. Смешно – девушка едва могла стоять!
- Что случилось с её лицом? – спросила противная Рената Харгроув.
- Так это вправду был медведь... - пробормотала Женевьева за спиной Натали.
Швы казались красными – раздражёнными от солёной воды. Шум грохотал снаружи, и две жрицы вступили с парнем, что боролся с ними. Благодаря пропитанной песком одежде, Арсиноя узнала в нём парня, что был в лесу, когда Арсиноя и Джулс искали Джозефа. Он искал лошадей, она приняла его за слугу, но это оказался жених, Уильям Чатворт Младший.

Парень рухнул рядом с Арсиной и задрожал.

- Арсиноя, - шептал он. – Всё будет хорошо.

- Арсиноя, я тут! – закричала Джулс, но Каит и Эллис удержали её.

Лукиан Марлоу наклонился и потянул Чатворта за шиворот.

- Мальчонку следует убить! – сказал он.

- Может быть, но он делегат, - Натали подошла к нему и сжала пальцами подбородок. – Вы сознательно похитили королеву Арсиною? Может, пытались помочь ей бежать? Или она сама взяла судно под контроль?

Её голос был нейтральным, словно ей было всё равно, что именно он ответить.

- Нас поймал шторм... Мы едва оказались тут и не хотели уходить!

Маргарет Бьюлин громко рассмеялась, Женестьева Аррон покачала головой.

- Он не знал, - прошептала Арсиноя с ковра. – Это я сделала. Я.

- Прекрасно, - сказала Натали. Она щёлкнула пальцами, и жрицы схватили Билли за руки.

- Нет! Она врёт.

- Почему мы должны верить словам материковца, а не нашей королевы? – спросила Натали. – Отведите его к гавани.

Отправьте к отцу. Скажите, что мы испытываем облегчение, что он вернулся целым и невредимым. И спешите, у него мало время до высадки.

- Тут все сошли с ума! – зарычал Билли. – Не трогайте её, не смейте к ней прикасаться!

Он вырывался изо всех сил, но был так измучен, что увести его не составило труда.

После его ухода все уставились на Арсиною.

- Это печально, - проронила Рената.

- И неприятно, - добавила Паола. – Лучше б она потерялась или утонула. Теперь будут беспорядки.

Женестьева выскользнула из-за Натали и склонилась к уху Арсиной.

- Очень глупо, - прошептала она. – Ещё одна лодка и мальчишка. Даже не придумала другой план...

- Отойди от неё, - голос Джулс Милон превратился в рычание. Женестьева посмотрела мгновение на пуму, словно не понимала, кто именно это сказал.

- Тихо, - сказала Верховная Жрица. – И ты, Женестьева. Вернись.

Женестьева стиснула челюсти. Она смотрела на Натали, но Натали не соглашалась. Костры – это храм. Время Богини, хотел этого Чёрный Совет или нет.

Лука встала на колени перед Арсиноей. Она взяла руки королевы в свои и принялась их растирать.

- Ты как лёд. Как всплывшая вверх животом рыба, - она кивнула одной из жриц. – Принесите ей воды.

- Я не хочу пить.

Лука вздохнула. Но она любезно улыбалась Арсиное, стараясь быть терпеливой.

- Чего ты хочешь? Ты знаешь, где ты?

- Я пыталась уйти от вас, - сказала Арсиноя. – Бежать, но туман не пускал. Мы боролись. Плыли. Но он держал нас, как сети.

- Арсиноя, - промолвила Каит, - помолчи...

- Это не имеет значения, Каит. Я не могла уйти. Она держала нас в тумане, пока не вышвырнула прямо в эту проклятую гавань.

Руки Арсиной дрожали, но взгляд был твёрд. Красные, усталые глаза, с ненавистью и отчаяньем, но они были неподвижны – смотрели на верховную жрицу.

- Она знает? – спросила Арсиноя. – Ваша драгоценная королева знает, что вы собираетесь сделать?

Лука резко выдохнула. Она попыталась вырваться, но Арсиноя не отпускала. Жрицы бросились на помощь и схватили Арсиною за плечи.

- Она знает, что вы собираетесь убить меня?!

Жрицы толкнули Арсиною на ковёр. Джулс закричала, и Эллис крепко сжал Камдэн, дабы удержать её от прыжка.

- Она знает?! – кричала Арсиноя.

- Убейте её, - спокойно промолвила Лука. – Побег нельзя помиловать во второй раз, - она кивнула жрицам, и те достали

свои ножи. – Отрежьте ей голову и руки. Вырежьте сердце. И бросьте это в Достояние Бречии.

Арсиноя сопротивлялась, когда жрицы надвигались на неё.

Они вдавили её в землю. Подняли свои ножи. Совет шокировано смотрел на это. Даже отравители не были к этому готовы. Только Война Маргарет Бьюлин ещё держалась.

- Нет! – вновь закричала Джулс.

- Уберите её отсюда, - вмешалась Натали. – Для её же блага, Каит! Ей не надо видеть это.

Каит и Эллис тянули Джулс, потянули её из палатки.

Мирабелла шагнула вперёд и взяла Луку за руку.

- Вы не можете сделать это, - сказала она. – Не тут. Не сейчас. Она королева!

- И она получит смертельные обряды королевы, хотя умирает в позоре.

- Лука, остановись. Остановись!

Верховная Жрица мягко оттолкнула Мирабеллу.

- Ты не должна оставаться. Может быть, лучше было бы сопровождать тебя...

Арсиноя на тонком коврике закричала, когда жрицы потянули её руки, чтобы заложить за спину. Казалось, она плакала кровавыми слезами, но только потому, что швы на лице расходились.

- Арсиноя, - прошептала Мирабелла. Арсиноя преследовала Катарину, как грязный монстр... Всегда грязная. Всегда сердитая. Всегда смеющаяся.

Одна из жриц поставила ногу на спину Арсинои и так потянула руку, что вырвала её из сустава. Арсиноя завопила.

Она больше не могла бороться. Не будет трудно отрубить ей руки и голову.

- Нет! – закричала Мирабелла. – Вы этого не сделаете!

Она призвала шторм. Ветер поднимал полы палатки, срывал их. Жрицы были так сосредоточены на Арсиное, что ничего не заметили, пока первая молния не сотрясла землю под ними.

Чёрный совет разбежался, будто крысы, прежде чем она смогла послать на них пламя свечей или обрушить на голову молнии. Лука и жрицы пытались её остановить, но Мирабелла только усилила бурю. Половина палатки разрушилась под

действием силы ветра.

Наконец-то они отступили.

Мирабелла бросилась к Арсиное, убрала волосы с раненной щеки сестры. Буря успокаивалась.

- Всё будет хорошо, - мягко промолвила Мирабелла. – Ты будешь в порядке.

Арсиноя моргнула уставшими чёрными глазами.

- Ты заплатишь за это.

- Мне всё равно. Пусть убьют нас обеих.

- Хм, - фыркнула Арсиноя, - я б хотела увидеть, как они попробуют.

Мирабелла поцеловала сестру в лоб. Та была слаба, её лихорадило. Узловатые раны на лице порвались. Каждая клеточка болела. Но Арсиноя не морщилась.

- Ты сделана из камня, - прошептала Мирабелла, касаясь защитой щеки Арсинои. – Удивительно, что они смогли тебя схватить.

Арсиноя вырывалась их рук Мирабеллы. Она помнила сестру такой. Дикая, не способная на объятия.

- Есть вода? – спросила Арсиноя. – Или ты превратила её в лёд и пронзила Натали Аррон?

Мирабелла потянулась к кувшину, который сбросил на пол шторм. Почти всё вытекло, но на чашку ещё хватало.

- Тут немного, - сказала она. – Я не сосредоточилась. Я только хотела удержать их подальше от тебя. Это так похоже на тот день в Чёрном Коттедже...

- Я не помню тот день, - Арсиноя потянулась к кувшину и жадно пила. Она не могла его даже отбросить.

- Потом попробуй вспомнить.

- Не хочу, - Арсиноя поставила кувшин. Это заняло немного времени, но она смогла подняться.

- Твоё плечо, - промолвила Мирабелла. – Будь осторожна.

- Я попрошу Джулс его вправить. Мне надо идти.

- Но... Совет и Лука... Они будут ждать...

- О, - Арсиноя сделала шаг, задержала дыхание, повторила попытку. – Не думаю. Ты им показала.

- Но если ты позволишь мне...

- Позволю что? Слушай, я знаю, ты думаешь, что только что

сделала что-то грандиозное. Но я тут. Я в ловушке. Мы все.

- Ты меня ненавидишь? – спросила Мирабелла. – Хочешь меня убить?

- Да, я ненавижу тебя, - сказала Арсиноя. – Всегда. Я не пыталась бы бежать, если б могла от тебя избавиться.

Мирабелла наблюдала, как её сестра хромала к выходу.

- Полагаю, я была очень глупа, - сказала она. – Думаю...

- Не говори так грустно. И не смотри на меня так. Это то, что мы есть. Неважно, что мы этого не просили.

Арсиноя схватилась за палаточный лоскут. Она колебалась, словно могла сказать больше. Словно ей было жаль.

- Я ненавижу тебя куда меньше теперь, - тихо промолвила она, а после ушла.

Лагерь Милонов

Джулс ждала Арсиною у полуразрушенной палатки.

Арсиноя не опёрлась о плечо, но приняла руку Джулс и подтянула к лицу воротник рубашки. По крайней мере, это хоть немного защищало её от толпы.

- Назад все! – закричала Джулс. – И ни слова!

Они отступали благодаря Камдэн. Но говорили – и бросали что-то.

- Как и дома, да? – мрачно промолвила Арсиноя.

Внутри палатки в лагере Милонов, вдали от посторонних глаз, к ним присоединились Эллис и Каит. Лука и Джозеф тоже были тут. Как только Эллис вправил плечо Арсинои, Лука зарыдал.

- Королева Мирабелла права, - сказал Эллис. – Даже жрицы не могут нанести вред королеве раньше времени.

- Она потому остановила их? – спросила Джулс. – Или хочет сделать это сама?

- Какой бы ни была причина, думаю, храму будет труднее её контролировать, чем они думали, - промолвил Эллис.

- С Билли всё в порядке? – спросила Арсиноя. – Кто-нибудь слышал о нём?

- Он был в безопасности, когда его сопровождали в Сэнд-Харбор, - ответил Джозеф. – Уверен, он сейчас там, готовится к высадке.

- Высадка, - проронила Мадригал. – Времени до захода

солнца мало.

- Молчи, Мадригал, - отрезала Джулс. – Её это не беспокоит.

- Нет, - возразила Арсиноя. – Беспокоит. Я тут и не позволю тебе попасть из-за меня в неприятности.

- Но... - промолвила Джулс.

- Я предпочла идти к скалам, а не тащиться за жрицами.

Каит и Эллис торжественно посмотрели друг на друга.

- Мы лучше закончим подготовку к празднику, - промолвила Каит, - и вытащим одежды из нафталина...

- Я помогу, - Лука выглядел очень красиво и умно в своей фестивальной одежде, но Лука всегда одевался лучше, чем остальные в волчьей Зиме. – Если я останусь и поем, то должен буду тянуть свой вес... - он сжал руку Арсинои. – Был рад тебя увидеть, - и он последовал за Каит и Эллисом из палатки.

Арсиноя устроилась на импровизированном ложе из подушек и одеял. Она могла спать несколько дней в воняющей плесенью палатке, без мебели, на деревянном столе, лишь бы там был кувшин с водой.

- Я должна свернуть тебе шею, - промолвила Джулс.

- Будь ко мне доброй. Мою шею почти оторвали час назад. Джулс налила Арсиное чашку воды, прежде чем присесть рядом.

- Я должна тебе кое-что сказать. Я всё должна тебе рассказать...

Они придвинулись. Джулс и Джозеф. Мадригал. Они слушали о том, что рассказал ей Билли. О жертвенном годе, о том, что жрицы хотели убить её и Катарину.

- Это не может быть правдой, - выдохнула Джулс, когда Арсиноя закончила.

- Но это правда. Я видела это в старых глазах Луки, - вздохнула Арсиноя. – Луке следовало уйти. Кто-то должен его защитить. Он встанет между мной и ножами тысячи жриц, и я не хочу, чтобы он пострадал.

- Подождите, - промолвил Джозеф. – После всего этого нельзя отказаться... Это... Надо найти способ их остановить.

- Перехитрить Верховную Жрицу на Кострах? – спросила Арсиноя. – Нет. Тебе следует... - она умолкла. – Тебе следует

увести Джулс, Джозеф. Как и Луку.

- Я никуда не поеду, - глаза Джулс вспыхнули при виде Джозефа, будто бы он планировал увести её прямо сейчас.

- Я не хочу, чтобы ты это видела, Джулс. Не хочу, чтобы кто-либо это видел.

- Тогда мы это остановим, - промолвила Мадригал.

Они повернулись к ней. Говорила она очень чётко.

- Вы говорите, что храм пользуется жертвенным годом, - сказала Мадригал. – Сильная королева и две слабые.

- Да, - кивнула Арсиноя.

- Значит, мы сделаем тебя сильной. Они не смогут ударить после Вознесения, если остров не увидит слабость. Ложь не удержится.

Арсиноя смотрела на Джулс и Джозефа.

- Это может сработать, - устало промолвила Арсиноя. – Но нет никакого способа сделать меня сильной.

- Подожди, - взгляд Джулс был каким-то далёким.

Независимо от мыслей, она отвлеклась так сильно, что даже не отреагировала, когда Камдэн впиалась в её штанину своими когтями.

- Что делать, если есть способ заставить тебя выглядеть очень сильной? – её взгляд метнулся к Арсиное. – Если ты завтра на сцену призовёшь фамилиара, и он окажется огромным бурым медведем?

Арсиноя коснулась порезов на лице.

- О чём ты?

- Я видела одного в западных лесах. И могу заставить его пойти к тебе. Я даже смогу его удержать.

- Это слишком трудно, даже для тебя. Огромный бурый медведь среди толпы и шума... Ты его не удержишь. Он порвёт меня на части на глазах у всех, - Арсиноя покачала головой. – Хотя, предполагаю, предпочла бы, чтобы это сделал он, а не жрицы.

- Джулс способна на это, - сказала Мадригал. – Но удержать медведя на сцене – это не всё, что нужно. Надо, чтобы он тебе повиновался, или никто не поверит. Мы должны привязать его к тебе кровью.

Джулс схватила мать за запястье.

- Нет. Не надо больше!

Мадригал вырвалась и пренебрежительно содрогнулась.

- Джульена, нет выбора. Это опасно. Это не будет сильная связь. Ты не сможешь с ним общаться. Это будет просто домашнее животное.

Арсинья посмотрела на Камдэн. Это не домашнее животное, это продолжение Джулс. Но лучше это, чем разорванное горло или потерянные руки и голова.

- Что тебе нужно? – спросила Арсинья.

- Его кровь и твоя.

Джулс шумно выдохнула воздух. Джозеф взял её за локоть.

- Слишком много... - сказал он. – Притянуть медведя – это одно, но кровь? Должен быть другой путь!

- Его нет.

- Это слишком опасно, Джулс.

- Тебя долго не было, - сказала Мадригал. – Ты не знаешь, на что она способна.

Джулс сжала ладонь Джозефа.

- Поверь. Ты прежде всегда верил.

Джозеф стиснул челюсть. Кажется, каждая мышца его тела могла лопнуть от напряжения, но он сумел кивнуть.

- Чем я могу тебе помочь? – спросил он.

- Держись подальше.

- Как?

- Увы, но я именно это имею в виду. Это самое трудное, что я когда-либо требовала от своего дара. Нельзя отвлекаться. И времени у меня нет. Надо будет привести его из леса. Я должна обвести его мимо долины, чтобы никто не видел. Даже если я

улизну вечером, когда все уснут, не сделаю это вовремя, а если охота загнала его далеко...

- Это наш единственный шанс, - промолвила Арсинья. –

Джулс, если ты готова, я хочу попробовать.

Джулс бросила взгляд на Мадригал, а после кивнула.

- Сегодня вечером.

Высадка

Арсинья была последней королевой, что заняла своё место

на вершине скалы перед Высадкой. К тому времени, как она проделала путь через луг и вверх, долина опустела. Все собрались на пляже у факелов и ждали двор.

Арсиноя поправила маску на лице. Даже самое лёгкое прикосновение к её порезам было болезненно, но маска ей нужна. Эллис столько всего сделал... Кроме того, красные полосы выделяются на кострах. Пусть и не так, как её настоящие раны.

Она подошла к импровизированному павильону на вершине скалы и посмотрела вниз на людей. Они увидят. Одета в чёрные брюки, рубашку и жилет, Арсиноя не скрывалась. В самом дальнем углу от Арсинои стояла Катарина, статуя среди Арронов. Чёрное платье плотно облегалo молодую королеву, чёрные камни сжимали горло. Живая змея вилась вокруг запястья.

На центральной платформе Мирабелла была в платье, раскинувшись вокруг неё. Её волосы были распущены и спадали на плечи. Она не смотрела на Арсиною. Она смотрела прямо перед собой. Мирабелла стояла, как королева, и не было смысла искать другую.

Арроны и Вествуды отошли от своих павильонов. Арсиноя запаниковала и бросилась к Джулс.

- Подожди! Что надо делать?

- То, что и всегда, - Джулс подмигнула ей.

Арсиноя сжала её руки. Джулс должна стоять там, между факелами, в прекрасном платье от Луки. Вернувшись в палатку, Мадригал подкрасила губы Джулс красным, свернула медные волосы тёмно-зелёными лентами, чтобы те соответствовали окантовке платья... Если б на платформе была Джулс, на

острове увидели бы прекрасную Природу с её горной кошкой, и ни у кого не было бы сомнений.

Арсиноя бросила взгляд на пляж, и её голова закружилась.

- Мне страшно.

- Нет, не страшно, - промолвила Джулс, прежде чем отойти к своей семье.

Барабаны начали бить, и желудок Арсинои сжался. Она ещё была слаба после лодки, а в животе была соль.

Она выпрямила плечи. Не упадёт, не потеряет сознание.

Либо рухнет со скал к удовольствию её сестёр.
Она вновь посмотрела на Мирабеллу, красивую и величественную, на прекрасную, как чёрный бриллиант, Катарину. В сравнении с ними она ничто. Предательница и трусиха. Бездарная, отвратительная, со шрамами. В сравнении с ними она и вовсе не королева.

В бухте ждали пять королей с материка. Как часы Арсиной, каждый корабль ждал своего мгновения, каждый нёс парня, что мечтал стать королём острова. Все они были украшены и освещены факелами. И она задавалась вопросом, какой из них принадлежал Билли. Она надеялась, что его отец был добрым, когда он вернулся.

Барабаны ожили, и толпа отвернулась от королев, чтобы наблюдать за Высадкой. Толпа, вся чёрная, казалась внушительной с берега, но только один ухажёр, казалось, испугался: загорелый, темноволосый парень с красным цветком на своём камзоле. Остальные подавались вперёд, улыбаясь.

Билли отставал от остальных. Женихи были далеки от слов или введений. Это позже. Высадка церемониальная. Первое впечатление и первая влюблённость.

Арсиноя подняла подбородок, когда первый парень поклонился Катарине. Катарина улыбнулась и присела в полуреверансе. Когда он поклонился Мирабелле, она кивнула.

Когда он наконец-то поклонился Арсиное, то словно не видел её. Только смотрел на маску. Он подарил только слишком длинный взгляд.

Арсиноя не двигалась. Она смотрела на них до последнего и позволила маске сделать свою работу. Пока Билли не ступил на берег.

Её сердце забилося. Он не был слабым и раненным.

Билли стоял ниже и смотрел на неё снизу вверх. Он поклонился, медленно и низко, и толпа забормотала. Арсиноя задержала дыхание.

Он поклонился только ей.

Лагерь Арронов

Отравители не допускали яд на праздниках Костров. Таковы

правила храма, чтобы любой мог поучаствовать и попробовать. Кажется, это было несправедливо по отношению к Натали, когда элементали могли провевать долину ветром, а Природа позволяла играть своим противным фамилиарам.

На тарелке Натали была безголовая жаренная птица, полностью лишённая яда. Она не наклонилась, чтобы попробовать её. Вчера она пела в кустах, а теперь – это просто отходы.

Она боролась с раздражённым отвращением, а после прошла внутрь палатки. Ткань пошатнулась за ней, и она повернулась, чтобы увидеть Пьетра.

- Они должны позволить нам делать то, что мы хотим, со своим пиром, - промолвил он, читая её мысли. – Всё равно никто не смел достаточно, чтобы попробовать нашу еду.

Она смотрела в ночь, на костры и людей. Он прав, разумеется, даже те, кто слишком много выпьет, не посмеет попробовать еду отравителей. Нет. Слишком много страха. Слишком мало доверия.

- Делегаты могут подойти достаточно близко, чтобы поесть,

- сказала Натали. – А мы не хотим их отравить. Хотя это было бы зрелищно, их конвульсии на ковре.

И они не могут позволить себе кого-то потерять. Каждое поколение было всё меньше и меньше женихов. На материке истощается число семей, что делят тайну острова. Однажды Феннбёрн окажется лишь слухом, легендой для местных детей. Натали вздохнула. Она видела некоторых женихов перед праздником Катарины. Первый был красивым широкоплечим парнем с золотыми волосами. Казалось, она ему очень понравилась, хотя они ещё не могли поговорить.

- Надеюсь, ты научил её флиртовать на расстоянии, - сказала Натали.

- Она знает, как пользоваться глазами и движениями, не волнуясь.

Но он волновался, она видела это в линии его плеч.

- Жаль, что Чатворт так верен Арсиное, - сказал Пьетр.

- Да? Я не уверена. Я была уверена, что он попадёт в линию....

- Нет, путь на пляже.. Он и сейчас вне праздника, бежит за Арсиноей, словно собака, молящаяся о куске мяса.

Натали закрыла глаза.

- Всё в порядке, тётя? Ты выглядишь уставшей.

- Всё хорошо.

Но она устала. Этот год был вторым в её жизни. И последним, вероятно. С Камиллой было проще, когда Натали была ещё девушкой, а мама была жива и могла быть главой семьи.

Пьетр смотрел сквозь палатку.

- Дураки – страна приближается к нашему празднику... Вот одно, влияние. Трудно поверить, что завтра всё закончится. Что жрицы победили.

- А кто тебе такое сказал? – спросила Натали, и Пьетр удивлённо уставился на неё. – Ты говоришь, что я устала, но почему ты так думаешь? Ты просил меня найти способ спасти Катарину. Весь день я готовила неотравленную еду на Черноту.

- Как? – спросил Пьетр. – Жрицы ведь всё контролируют!

Натали склонила голову. Никто из отравителей не ловчее её.

- Натали, они всё проверят.

Натали не ответила. Будто бы это не она незаметно подливала яд большую часть своей жизни.

Лагерь Верховной Жрицы

- Не могу поверить, что это отродье вернулось, - сказала Ро, стоя с Лукой рядом с палаткой верховной жрицы, наблюдая за тем, как свои дела заканчивала последняя из храма.

- Это любопытная вещица, - сказала Лука – Королева Арсиноя... Не ждала я её на пляже, конечно, но это был не её выбор.

- Но её роль в этой истории ещё не окончена, - сказала Ро. – Или, может быть, Богиня, если помнить о традиции, не оставляет ни одну королеву и правит руками сестёр её?

- Что ты слышала Ро? – спросила Лука, скользя по ящикам. – О сегодняшнем фиаско? Какой шепоток?

- Шепчутся только о возвращении Арсинои. Они упоминают шторм Мирабеллы, говорят о её ярости. Никто не говорит о причинах шторма.

Ро крикнула на одну из жриц, что позволила поставить что-то повреждённое. Она одёрнула воротник. Посвящённая, едва тринадцати лет, убежала в слезах.

- Не стоило это делать, - сказала Лука. – Трещины неопасны.

- Это для её же блага. Если б её поймали, она б потеряла руку.

Ро схватилась за клеть и дёрнула её. Сколько лезвий. Три десятка зазубренных ножей храма.

Лука взяла один из них из ящика. Длинное, слегка изогнутое лезвие зловеще накалялось в свете костров. Она не знала, сколько ему лет, но рукоятка выглядела притёртой. Оно побывало в стольких храмах до Айнисфила. Может быть, от природы, использовался там для резки чего-либо... Но неважно, каково происхождение, нет сомнений, что он уже почувствовал вкус крови.

Она повернула нож назад и вперёд. Как верховная жрица, она столько лет не делала этого...

- Завтра сделаем, - сказала Лука. – В тишине, после того, как закончится танец Мирабеллы. Прежде чем я заговорю. Иди в часть Арронов, доберись до Катарины, это не займёт много времени. Я хочу, чтобы ты была рядом, когда мы возьмём Арсиною.

- Да, я буду там. Милон с горной кошкой – единственное, что будет проблемой. Сначала кошка, если нас попытаются остановить.

Лука провела пальцем по лезвию ножа и не осознавала, что он разрезал ей кожу.

- Они должны быть такими ж острыми. Это случится быстро, и они ничего даже не почувствуют.

Лагерь Милонов

Стол Милонов был самым популярным на фестивале, не только из-за жареного оленя Джулс. Несмотря ни на что, Арсиноя произвела впечатление на высадке. Люди толпами крутились вокруг стола и палаток, чтобы поближе рассмотреть её чёрную маску. Она не была, как другое королевы на скалах. Теперь они задавались вопросом, не большее ли она, чем казалось на первый взгляд. Не пропустили ли они что-то.

- Последний, - заявил Джозеф ртом, забитым рагу. Он кивнул на мельтешившие тела, и Арсиноя увидела поклонника с золотистыми волосами, тот смотрел на неё с того конца стола.

Она позволила себе усмешку и взгляд в сторону Билли, что наблюдал за нею совсем рядом.

- Это все они, - сказал Лука.

Арсиноя не ожидала увидеть никого. Странно было получать столько внимания.

- Если б я не знала, как приятно безразличие жителей материка, я бы так не волновалась, - она вновь посмотрела на Билли. – Младший не должен остаться в стороне. Идите и заберите его кто-нибудь, пусть храм чешет языками.

Джулс рассмеялась.

- Посмотрите, какие люди на торжестве! Ну, Арсиноя, ты нарушила достаточно много правил, - она коснулась Джозефа. – Мы с Джозефом составим ему компанию.

- Перед тем, как он начнёт борьбу с другими женихами за твоё имя, - Джозеф усмехнулся.

Перед тем, как они ушли, Джулс легонько задела плечо Арсиной. Наступала ночь. Скоро огни погаснут, и она отправится в лес за большим бурым медведем.

Арсиноя долго смотрела на Джулс. Смелая девушка. Её дар столь силён, но большой бурый медведь может оказаться куда сильнее...

- Жаль, что я нужна тут, - сказала Арсиноя. – Мне хочется пойти с тобой.

- Я буду осторожна. Не волнуйся.

Билли был угрюм, когда Джулс и Джозеф присоединились к нему под конец праздника. Он стоял со скрещенными руками, наблюдая за другими ухажёрами со скрытой враждебностью.

- Мы принесли вам немного стуженного Эллисом, - Джозеф пихнул чашу ему в руки. – Ты ж не отважишься подойти достаточно близко, чтобы взять что-то.

- Не знаю, насколько близко мне позволено подходить, - ответил Билли. – И после того, как нас нашли, мне показалось, что лучше держаться на определённом расстоянии.

- Но ты не думал, что это плохая идея – поклониться только ей? Отец оторвёт тебе голову.

- Поверь, я знаю. Не понимаю, о чём думал, - он взял еду.

- Ты помог ей, - сказала Джулс. – Посмотри на всех этих

людей. Ты приложил к этому руку. И то, что сделал раньше – попытался забрать её.

Билли опустил голову.

- Сожалею, что не сказал вам. Надо было сделать это, учитывая то, что запланировали жрицы. И вот она, всё равно сюда вернулась... Пошло всё к чёрту!

- Всё будет хорошо. У нас есть план.

- Какой? – спросил Билли, и Джулс тихо пересказала ему всё. Его лицо просветлело. – Джозеф всегда говорил мне, что ты прекрасна... И это платье! В нём ты просто восхитительна!

- Восхитительна? Очень красивое слово. Даже слишком.

- Может быть, но это правда.

Джулс покраснела и придвинулась ближе к Джозефу, чтобы скрыться за его рукой.

- Ну... - Билли вздохнул. – Вам не нужно составлять мне компанию. Я собираюсь остаться тут на всю ночь, пока эти жрицы опять не уволочут меня обратно к кораблю.

- Ты уверен? – спросил Джозеф, но Джулс дёрнула его за руку. Они помахали рукой на прощание и скрылись в толпе.

- И что мы делаем? – спросил Джозеф, когда она сжала его ладонь.

- Думаю, это хорошая идея, если нас увидят, - сказала она. – И если я завтра не появлюсь, кто-то будет думать, что я задержалась где-нибудь в твоей палатке.

Ночь была наполнена кострами и смехом. Стройные девушки тянули парней в танец, щёки румянились, а платье Луки казалось красивее, чем все вокруг.

- Я никогда не видел тебя такой, - сказал Джозеф, и его глаза довольно скользили по её телу. – Луке стоит закрыть книжный магазин и стать портным.

Джулс рассмеялась. Она чувствовала это с начала Белтейна. Арсиноя вернулась. И они не будут стоять в стороне и не позволят её убить. Они предпримут какие-то меры, и идея захватила её настолько, что Камдэн скакала по кругу, будто котёнок.

Уголкем глаза девушка заметила голую грудь парня. Многие пары сегодня будут скрываться в палатках или на мягком грунте под деревьями.

- Как мы сюда попали? – спросил Джозеф.

Джулс уже горела в медленном круге – они оказались прямо возле своей палатки.

Она потянула Джозефа внутрь.

- Я должна извиниться, что трачу время впустую, - сказала она.

- Нет, никогда не извиняйся.

Она зажгла лампу и закрыла палатку. Её палатка была маленькой, а кровать превратилась в тонкий рулон одеял – но придётся это сделать.

Она подошла близко и скользнула пальцами по воротнику рубашки. Его пульс был безумен, когда она коснулась его губ и шеи. Он пах специями, которые использовали во время готовки, и его руки сжали её.

- Я скучала по тебе, - сказала она.

- Перед Охотой ты меня не хотела, - начал он, но она покачала головой. Это было прежде. Теперь всё иначе.

Джулс приникла к его губам и прижалась к нему всем телом. Сегодня она была смела. Может, виновато платье или сила костров?

Они целовались жадно, и руки Джозефа сжимали её с силой.

- Мне так жаль... - шептал он.

Она расстёгивала рубашку, подтолкнула его руки к завязкам своего платья.

- Джулс, подожди.

- Мы ждали достаточно долго.

Она потянула его к своей импровизированной кровати, и они рухнули на колени.

- Я должен сказать тебе... - начал он, но Джулс остановила его очередным поцелуем. Она не хотела ничего слышать о Мирабелле. Всё кончено. Мирабелла не имела значения.

Они лежали вместе, и руки Джулс скользили под его рубашкой. Она прикоснётся ко всему нему сегодня вечером. К каждому дюйму обнажённой кожи.

Джозеф крепко сжимал её, целовал плечи и шею.

- Люблю тебя, - вторил он. – Люблю, люблю, люблю...

А после он закрыл глаза, и его лицо скривилось. Он соскользнул с неё и перевернулся на спину.

- Джозеф? В чём дело?
- Мне жаль, - он прикрыл глаза рукой.

- Я сделала что-то не так? – спросила Джулс, и Джозеф крепко обнял её.
- Позволь мне просто обнимать тебя. Я просто хочу тебя обнимать.

Лагерь Арронов

После того, как праздник закончился и костры погасли, Катарина и Пьетр лежали в её палатке бок о бок, Пьетр на спине, Катарина на животе, слушая последние возгласы ночи. Воздух пах искрами и дымом, горелым деревом и разнообразным мясом. Тёплые ароматы, вечнозелёные деревья, солёный воздух над обрывами...

- Ты веришь Натали? – спросил Пьетр. – Относительно Черноты?

Катарина барабанила пальцами по его груди.

- Она никогда не давала мне повода усомниться в ней.

Пьетр не ответил. Он был спокоен во время пира. Катарина забралась на него, чтобы заставить его ожить от поцелуев.

- Что случилось? – спросила она. – Ты сам не свой... Ты так нежен... - она подняла его руку и положила на бедро, - где твои требовательные прикосновения?

- Я был такой скотиной? – Пьетр заулыбался, а после закрыл глаза. – Катарина... Милая, глупая Катарина. Я не знаю, что делаю.

Он перевернулся на бок и сжал её подбородок.

- Ты помнишь дорогу к Достоянию Бреччии?

- Думаю, да.

- Там... - промолвил он, указывая через палатки в направлении южных лесов. – Через деревья за пятиугольной палаткой с белой верёвкой. Иди оттуда до камней с трещинами. Ты должна пересечь поток, ты помнишь?

- Я помню, Пьетр. Ты поднял меня над водой.

- Но не завтра вечером. Я не смогу.

- Что ты имеешь в виду? – спросила Катарина.

- Послушай меня, Катари... Натали считает, что сможет. Но если нет...

- Нет?

- Меня не будет вечером на Вознесении. Если она не справится, я не смогу на это смотреть.

- Ты не веришь в меня, - с болью выдохнула она.

- Это не так. Катарина, пообещай мне. Если что-то пойдёт не так завтра, я хочу, чтобы ты бежала. Прямо ко мне в Достояние Бречии. Понимаешь?

- Да, - тихо промолвила она. – Но, Пьетр, почему...

- Ничего, Катарина. Если что-то пойдёт не так. Никого не слушай. Просто иди туда. Ты обещаешь?

- Обещаю, Пьетр. Обещаю.

Вознесение

Лагерь Вествудов

Элизабет прикрепила чёрный плащ к спине Мирабеллы, Бри завязала его на груди. Он нависал над мокрой травой, пропитанной чернотой, обернулся вокруг бёдер и груди. Это всё, что будет на ней во время церемонии Вознесения, кроме огня.

- Твой молодой человек не сможет оторвать от тебя взгляда, - промолвила Бри.

- Бри! – шикнула на неё Мирабелла. – У меня нет молодого человека!

Бри и Элизабет обменялись заговорщицкими улыбками.

Они не верили ей после того, как отыскивали на краю поляны после охоты, покрасневшую и задыхающуюся. Но Мирабелла не смогла заставить себя рассказать им о Джозефе. Он – Природа, и верен её сестре. Это слишком даже для Бри.

Снаружи загорелся оранжевый свет, окрасил небо розовым и голубым. Церемония начнётся на пляже на закате.

- Ты видела Луку? – спросила Мирабелла.

- Она ходила по пляжу сегодня. Она много должна сделать.

Не знаю, увидит ли она тебя раньше срока, - Элизабет ободряюще улыбнулась. Да, Верховная Жрица занята. Она не злится на Мирабеллу за то, что та вмешалась в казнь Арсиной.

- Ты должна сердиться на неё! – промолвила Бри.

- Да, - кивнула Мирабелла, но не могла. Лука была дорога

ей эти годы. Привыкнуть к пропасти между ними в последние месяцы было трудно.

- Что со жрицами, Элизабет? – спросила Бри, выглядывая из щели между тканями. – Они странны. Прижимаются друг к другу, бормочут....

- Не знаю. Я одна тут, они знают это. И мне ничего не говорят.

Мирабелла повернулась, чтобы посмотреть. Бри была права. Жрицы весь день вели себя странно. Более жестокие и остранившиеся, чем обычно. И некоторые казались испуганными.

- Что-то в воздухе... - выдохнула Бри. – И мне это не нравится.

Лагерь Милонов

Арсинья застёгивала пуговицы жилета и чёрной рубашки, поправила ленту маски. За её спиной Мадригал ёрзала в мягком чёрном платье.

- Джулс говорила? – спросила Мадригал. – Что видела меня с Мэтью?

Арсинья замерла. Она повернулась к Мадригал, удивлённая и разочарованная.

- Мэтью? – переспросила она. – Мэтью Караф?

- Не называй его так.

- Он её, вот кто он. Думаю Джулс была недовольна.

Мадригал пнула подушку и отбросила её в сторону.

- Никто не обрадовался. Я знала, что ты тоже не обрадуешься, знала, что ты скажешь.

Арсинья вновь отвернулась от неё.

- Если бы ты знала, что я скажу, то всё равно б не остановилась. Ты всё равно сделала бы это.

- Не борись со мной сегодня, я тебе нужна!

- Почему ты сказала мне сейчас? – спросила Арсинья. – Чтобы я не успела тебя попрекнуть?

Но ей нужна Мадригал. На небольшом круглом столе начиналось плетение заклинания, маленькая каменная чаша с водой, которую прокипятители и охладили, с ароматом трав и лепестками красной розы. Мадригал зажгла свечу и нагрела край ножа в пламени.

- Я ещё не видела Джулс, - Арсиноя сменила тему. – Если она не сделает это вовремя...

Мадригал взяла миску и направилась к ней с ножом.

Арсиноя закатала рукав.

- Не думай об этом, - она разрезала руку Арсинои. – Она будет тут.

Кровь Арсинои стекала в миску, словно мёд. Рацветала краснотой в воде, будила лепестки и травы. Кровь её и медведя, половина воды, половина крови. Она не могла представить себе, как выпьет это.

- Магия будет работать, если я швырну это на сцену?

- Тише, - сказала Мадригал. – Теперь ты не можешь вырезать руку на руке. Тут слишком много старых, нельзя сделать их мутными. Тебе придётся. После надавишь на голову медведя под зельем. Оставь достаточно, чтобы можно было выпить остальное.

- Уверена, что я должна выпить всё? Медведю не надо?

Мадригал прижала ткань к разрезанной руке Арсинои.

- Хватит шутить! Это не мелкое заклинание! Может быть, он не будет дружелюбен. Если Джулс недостаточно сильна, чтобы удержать его и провести через долину, то он ещё может разорвать тебя на куски на глазах у всех.

Арсиноя закрыла рот. Она не должна была просить Джулс делать это. Джозеф прав. Медведя привести слишком трудно. А уж держать его спокойным перед ревущей толпой и пылающими факелами и вовсе нереально.

- Если б мы только могли выкрасить волосы Джулс в чёрный и позволить ей быть королевой... - проронила Арсиноя.

- Да, - кивнула Мадригал. – Если б только.

За границами палатки залаял Джек.

- Арсиноя, - промолвил Эллис. – Пора.

Мадригал взяла молодую королеву за плечи и успокаивающе встряхнула её.

- Когда Джулс придёт, она даст мне кровь, и я отправлю её средство на сцену. Всё будет хорошо. Ещё есть время.

Арсиноя вышла из палатки, комок застрял в горле. У её палатки стояли не только Сандрины, Лука и Милоны, а ещё добрая половина Природы этой долины.

- Что они тут делают? – шепнула Джозефу Арсиноя.

- Что? – Джозеф улыбнулся. – Кажется, кто-то пустил слух о тебе. Королева Арсиноя и её огромный бурый медведь.

- И как же?

- После того, как Лука об этом услышал, долина узнала за час.

Арсиноя посмотрела на людей. Кто-то улыбался за своими факелами. Всю жизнь её считали неудачницей, но при первом намёке на надежду они пошли за нею, словно желали этого всегда.

Может быть, так оно и было.

Сцена королевы Катарины

Храм постановил порядок выступлений. Катарина шла первой. Жрицы поставили длинный стол из красного дерева с пира отравителей. Горели факелы. Ей нужно было только подняться на сцену и начать.

Катарина повернулась, чтобы посмотреть на толпу. Море лиц, море чёрного простиралось вокруг – вдоль побережья и в долине. Катарина была по центру. Перед нею сидели женихи – и верховная жрица Лука.

- Столько жриц... - пробормотала Натали рядом с нею.

- Да, - кивнула Катарина. Живот сжался. Натали была сильным источником уверенности, но она хотела, чтобы Пьетр тоже поменял своё мнение.

- Хорошо, Катарина, - проронила Натали. – Пошли.

Они шагали вместе. Катарина лучезарно улыбалась, как умела, понимая, что не должна быть жёсткой и формальной, как её сестра-элементаль. Но взгляды толпы были мрачны. Когда Мирабелла доберётся сюда, без сомнения, они будут глупо улыбаться.

Женевьева и Лукиан были в первом ряду. Она кивнула им, и Женевьева не хмурилась.

Катарина и Натали заняли свои места во главе стола.

- Верь мне, - сказала Натали. – Говори.

Платье Катарины шелестело у её ног. Это была слишком тонкая одежда, чтобы портить её пятнами Черноты. Она может только надеяться, что пятна будут не от её рвоты.

Перед ними жрицы сняли крышки из каждого ядовитого блюда и огласили содержание. Грибы, фаршированные козьим сыром и волчьими ягодами. Треска, тушёная в тисовых ягодах. Тарталетки с беладонной. Скорпионы в сахаре, намазанные маслом, лядом с олеандром со взбитыми сливками. Вино с Кантареллой. Большой золотой пирог в форме лебедя.

Воздух наполнился вкусными запахами. Первые три яда отравителей подняли носы, словно бездомные кошки у окна кухни.

- Вы голодны, королева Катарина? – спросила Натали, и Катарина глубоко вдохнула воздух.

- Я голодна.

Катарина стояла по ту сторону от Натали. Сначала она кусала понемножку, словно не верила. Но по мере продолжения, когда захлопали отравители, она становилась увереннее. Розовый соус стекал по её подбородку.

Материковые мальчики на возвышении облизывали губы.

Удивительно – что ж чувствовать, глядя на девушку, что не может умереть. Не имеет значения, что это нереально.

Катарина отодвинула тарелку засахарённых скорпионов.

Она съела три, достаточно умная, чтобы оставить хвосты в жёлтом сахаре. Остался только пирог-лебедь.

Натали провела Катарину вокруг стола, и королева потянулась за мясом. Вот и всё. Катарина запила это кубком вина, опустошила его до последней капли.

Она ударила руками по столу. Толпа орала. Кажется, из чистого удивления.

Натали подняла глаза на помост и встретила холодные, каменные глаза Луки.

Натали улыбнулась.

Сцена королевы Арсиной

Её место было после выступления Катарины, и Чернота оказалась более гротескной, чем ожидалось. Арсиноя смотрела на это пиршество ядом. Она не знала многие яды, перечисленные в блюдах, но даже она была впечатлена, когда бледная, миниатюрная Катарина их глотала. К тому времени,

как она закончила, она была вся в глазури и подливе, а толпа кричала.

Арсиноя стиснула кулаки, а после вспомнила о руне на ладони. Нельзя её загрязнить или помутить. Это не самый лучший день просить ладони не потерять.

- Арсиноя.

- Джулс! Слава богине!

Джулс втиснула маленькую чёрную чашу в руку Арсинои, и та скривилась.

- Притворись, что это вино, - сказала Джулс.

Арсиноя посмотрела на него. Выпить казалось нереальным. Хотя тут было не более четырёх глотков, это были четыре глотка солёной, металлической на вкус, тёплой жидкости. Кровь её и медведя.

- Мне кажется, я вижу кусок меха, - промолвила Арсиноя.

- Арсиноя! Пей!

Она наклоняла чашу, пока та не ударилась о маску.

Зелье на вкус было столь же отвратительно, как она боялась.

Удивительно тёплое, и травы с розами не помогли, только добавили чего-то. Горло Арсинои сдавливали, но ей удалось глотнуть, не забывая сохранять чистоту её рун на руках.

- Я буду рядом со сценой, - промолвила Джулс и пропала.

Жрицы огласили Арсиною, и она зашагала вверх. Глаза толпы были холодны, как и когда она была на скале, но она об этом не думала. Совсем рядом был медведь.

Она шла к центру сцены по наспех собранным плитам, что скрипели под ногами. Привкус крови ещё жёг язык и сжимал желудок. Она осторожно держала раненную руку, обхватила себя. Это сработает. Будет казаться, что она молится.

Призывает фамилиара.

- Медведь, медведь, медведь... - бормотала Арсиноя, закрыв глаза.

Сначала было тихо. А после он заревел.

Люди закричали и бросились в стороны, когда он шагал к сцене со стороны скал. Он поднялся вверх к ней без колебаний. Вид его огромных когтей заставил раненную часть лица зудеть.

Справа от неё зашипела Камдэн

Арсиноя имела мало времени. У Джулс нет столько сил. Ей

нужно прижать руно к его лбу.

Она подошла ближе. Его мех касался её бедра, и она мёрзла. Его челюсти были достаточно велики, чтобы перекусить её грудную клетку пополам.

- Давай, - промолвила она, слыша, как надтреснулся голос.

Медведь повернул морду, чтобы посмотреть на неё. Его нижняя губа свисала, как у всех медведей. Дёсны были розовыми. На кончике языка было чёрное пятно.

Арсиноя протянула руку и вжала кровавую руно в мех между глазами медведя.

Она задержала дыхание и смотрела в коричневые с золотыми крапинками глаза медведя.

Медведь обнюхивал её лицо, пускал слюни на маску, и Арсиноя рассмеялась.

Толпа орала. Даже сомневающаяся Природа вскинула руки в воздух. Она хватала коричневый мех медведя и сжимала его немного.

- Давай, Джулс, - промолвила она, раскидывая руки. – Подпрыгивай!

Медведь откинулся назад, а после встал на задние лапы.

Пляж наполнился возгласами и криками, лаем и карканьем счастливых фамилиаров. А потом медведь вновь встал на четыре лапы, и Арсиноя протянула руки и крепко его обняла.

Помост

Верховная жрица наблюдала за девушкой в объятиях медведя, за ударом другой. У неё не было выбора. На фоне возгласов и празднования её глаза искали Ро, что стояла с глазами, полными крови. Лука покачала головой. Всё кончено. Они всё потеряли.

Ро покачала головой в ответ. Она обнажила зубы и потянулась к ножу на боку.

Сцена королевы Мирабеллы

- Никто не ожидал такого от Катарини и Арсинои, - промолвила Сара Вествуд, поправляя одеяния Мирабеллы. – Но это неважно. Они ещё не видели тебя.

Мирабелла вытянула шею туда, где Катарина сидела на

своей сцене, по центру стола с ядами, потом туда, где стояла Арсиноя, спокойно поглаживая огромного бурого медведя. Она не была уверена, что Сара права, но сделает всё, что может. Барабаны заиграли до того, как жрицы вызвали её на сцену. Они потушили все факелы, чтобы было темно – кроме того, что горела одна жаровня.

Мирабелла поднялась по ступенькам за три быстрых шага. Она отбросила в сторону свой плащ, и толпа умолкла. Тишина была абсолютной.

Барабаны бились быстрее, в такт её пульса. Она потянулась к огню, и тот прыгнул ей на руки. Ропот качнулся по толпе, когда пламя полезло по рукам и обвило живот.

Огонь плыл медленно и чувственно. Он был более контролируем, чем ветер и буря. Пламя яркое. Оно не жгло её, но кровь чувствовала кипение.

Она вращалась. Толпа охала, а огонь трещал в её ушах.

Сквозь толпу к ней рвался Джозеф. Увидев его, она почти оступилась. Его лицо, лицо, как в ту ночь, когда они встретились, освящённое пламенем на тёмном плаще... Она желала вытащить его на сцену. Облечь их в огонь. Сжечь их вместе, а не далеко друг от друга.

Она запрокинула голову назад, когда он назвал её имя.

- Мирабелла.

Сцена Королевы Катарины

Натали смотрела на огненную девушку. Толпа пустых, покоренных лиц. Мирабелла подхватила их на свои ладони. Что-то изменилось в многочисленных рядах жриц, что выстраивались. Их пальцы скользили под плащи, чтобы замереть на рукоятках ножей. Одна жрица, с красными, как кровь, волосами, смотрела на Натали таким взглядом, что та вынуждена была отвернуться.

Сила Мирабеллы была невероятной. Даже Натали чувствовала притяжение к её сцене.

Она моргнулась и повернулась к Луке, увидела жжение в её глазах. То, что сделали Натали и Природа, не имеет значения. Храм не будет колебаться. Жертвенный год наступит.

Сцена королевы Арсинои

Джулс вряд ли могла держать медведя и смотреть на танец Мирабеллы одновременно. Шум толпы и движение заставляли его нервничать, рядом с Арсиной он бодался головой и царапал доски.

Джулс сфокусировалась.

- Всё в порядке, - шепнула она, и по лбу стекали капельки пота, в голове бился медведь. Было трудно.

Толпа тянулась к Мирабелле, и Джулс стиснула зубы. Когда она закончит? Танец тянул навсегда, но людям было плевать. Джулс сделала глубокий вдох и попыталась найти Джозефа. Он где-то рядом, гордится тем, что она сделала с медведем. Вот только он вообще не смотрел на Джулс. Он был рядом с Мирабеллой. Пробрался через толпу.

Джулс было трудно смотреть на него. Если б она выкрикнула имя со всех сил, он бы не услышал её. Он не услышал бы, если б она кричала ему в ухо. Похоть на его лице сжала живот Мирабеллы. Он никогда не смотрел на неё так, как смотрел на Мирабеллу.

В разгаре танца Мирабелла потянулась к Джозефу сквозь пламя. Все видели это. Все знали, что они вместе. Это Джулс дура.

В её груди сердце превратилось в осколок стекла, что-то щёлкнуло. И это было то, что держало медведя.

Арсиная поняла, что что-то не так, когда медведь испуганно покачал головой. Его глаза из безмятежных стали испуганными, а потом сердитыми.

Она отступила назад.

- Джулс, - промолвила она, но не смогла привлечь внимание Джулс. Та пристально смотрела на Мирабеллу, как и остальные. Медведь впился когтями в деревянные доски.

- Тихо, - прошептала Арсиная, но низменная магия была не тем, что связь с фамилиаром. Медведь боялся, и Джулс потеряла контроль.

Не было времени предупредить кого-либо, когда он зарычал и прыгнул со сцены в народ, ударяя острыми когтями и запрокидывая голову назад. Никто не успел отступить. Они стояли слишком плотно, потому что тянулись к Мирабелле.

Даже его когти не могли прорезать путь, и медведь вертелся на месте.

- Джулс! – закричала Арсиноя, но её крик потерялся в шуме, когда толпа поняла, что случилось.

Медведь поднялся на среднюю ступень, и Катарина вскрикнула. Он вскочил на стол Черноты, разломил его на куски, превратил в пыль, но не рванулся к Катарине. Она успела нырнуть в сторону.

Жрицы вырвали свои ножи и выставили их с испуганными лицами. Медведь напоролся на один, и белые одежды не смогли скрыть красноту внутренностей и его лап. При виде такого количества крови мужество остальных потерпело неудачу, и они помчались назад.

Верховная Жрица Лука кричала. Женихи смотрели в ужасе. На той сцене Мирабелла прекратила танцевать, но огонь ещё был на груди и бёдрах. Не потребовалось много времени, чтобы медведь сосредоточился на ней. Он рванулся, отбрасывая всё, что возникало на его пути. Мирабелла не могла двигаться. Даже кричать.

Джозеф прыгнул на сцену, на путь медведя. Он закрыл Мирабеллу своим телом.

- Нет! – прошептала Арсиноя. – Нет.

Джулс должна знать, что это Джозеф. Должна видеть. Но, может быть, слишком поздно тянуть медведя обратно.

Этап королевы Мирабеллы

Жрицы бросились защищать королеву. Но Мирабелла слышала только рёв медведя. Всё, что она чувствовала – только руки Джозефа вокруг неё.

Медведь не убил их. Он поднялся на задние лапы. Ревел. А после на его морде появилось выражение боли, и он спрыгнул со сцены, убегая на пляж.

Мирабелла подняла голову и посмотрела на паникующую толпу. Большинство из них спасались на скалах или в долине. Но несколько тел неподвижно лежали. Молодая жрица, что присутствовала на сцене Катарина, валялась у подножия, её руки были согнуты, а живот разорван. Множество раненых...

- Всё в порядке? – прошептал ей на ухо Джозеф.

- Да, - она прильнула к нему.

Он целовал её волосы и плечи. Жрицы в белых мантиях окружали их со своими ножами.

- Успокойтесь! – закричала Лука, вставая на возвышение с двумя испуганными женихами. – Он ушёл.

Мирабелла смотрела через руку Джозефа на разрушенную сцену. Арсиноя стояла одна, её руки дрожали. Может, она не понимала, что натворила.

- Она послала медведя на меня, - прошептала Мирабелла. – После всего, что я сделала, чтобы спасти её... Она позволила бы ему разорвать меня на части, если бы не ты.

- Это не имеет значения, - ответил Джозеф. – Ты в безопасности. Всё в порядке, - он сжал её лицо в своих руках и целовал её.

- Где королева Катарина? – закричала Натали Аррон. – Лука! Где она?

- Не паникуйте! – промолвила Верховная Жрица. – Мы её найдём. Её нет среди павших.

Натали дико осматривалась, может быть, собиралась сама начать поиски. Но все отравители сбежали. Стоны вспыхивали у подножия сцены, и она кривилась.

Медведь сбросил Черноту на толпу. Отравленная еда валялась на песке, и собаки-фамилиары жадно её ели.

- Они съели немного... - рыдала женщина. – Остановите их! Отозвите!

Натали быстро зашагала вперёд.

- Изолировать пищу, - уравновешенно промолвила она, голос был ровным и глубоким. – Собаки должны быть в моей палатке для лечения. Быстро. Держите их подальше от остальных.

Через сцену Арсиноя отступала в компании Милонов. Её маска делала любое выражение нечитаемым.

- Как она могла? – спросила Мирабелла, убитая горем. Но даже для её ушей это был слишком глупый вопрос.

Джозеф обнимал её, целовал её волосы.

- Отойди от неё, Природа, - Ро протянула руку и попыталась оттащить Джозефа. Он не сопротивлялся, увидев в её руке нож.

- Оставь его в покое, Ро, - промолвила Мирабелла. – Он меня

спас.

- От нападения его собственной королевы, - Ро дёрнула головой, и ещё три жрицы вышли, чтобы оттащить Джозефа. Ро схватила Мирабеллу за руку. Её пальцы впились с такой силой, что Мирабелла закричала.

- К палатке, моя королева. Вознесение закончилось. Год Вознесения начался!

Достояние Бречии

Ветви царапали лицо Катарины, когда она мчалась через деревья южных лесов. Её сердце билось, колено пульсировало после удара о сцену. Она вновь упала, юбка запуталась в терновнике. Без факела у неё был только лунный свет в качестве руководства, а его так мало среди деревьев.

- Пьетр! – слабо, задыхаясь, позвала она. Она сделала, как ей сказали, сбегала с Вознесения к пятисторонней палатке и бросилась в лес.

- Пьетр!

- Катарина!

Он вышел из-за дерева, держа в воздухе маленькую лампу.

Она натолкнулась на него, и он прижал её к своей груди.

- Я не знаю, что случилось, - промолвила она. – Это было так ужасно!

Медведь убил бы её. Разорвал бы, как бедную жрицу.

Пройдёт слишком много времени, прежде чем она сможет забыть безумие в его глазах и его огромные когти.

- Я надеялся, что этого не будет... - промолвил Пьетр. – Что Натали права. Что она всё контролирует. Мне так жаль, Катари. Она положила голову ему на плечо. Он был так добр, чтобы встретить её тут, вдали от всех, успокоить за пару минут. Его руки согревали её кожу, а странный запах Достояния Бречии успокаивал её дыхание.

Пьетр приблизился к скалам. Он подходил так медленно, словно в танце, их ноги скользили по гладкой поверхности скалы по бокам расщелины.

- Может быть, следовало остаться с Натали... - промолвила Катарина. – Она могла пострадать.

- Натали может позаботиться о себе, - сказал Пьетр. – Она не одна в опасности. Ты поступила правильно.

- Они скоро меня найдут. Ищут! Меня давно нет...

Пьетр поцеловал её в макушку.

- Я знаю, - с сожалением промолвил он. – Кровожадный храм...

- Какой?

- Я не должен тебя любить, Катари? – он взял её лицо в свои руки.

- Но любишь?

- Да, - он поцеловал её. – Люблю.

- Я тоже люблю тебя, Пьетр, - сказала Катарина.

Пьетр отступил назад. Он нежно сжимал её плечи.

- Пьетр? – спросила она.

- Мне жаль, - сказал он, а после толкнул её. Вниз, вниз, вниз, в бездонное Достояние Бречии...

Начало года Вознесения

Лагерь Арронов

Через полтора дня после катастрофы Вознесения Айнисфил почти опустела. Природа и Элементали ушли. И бездарные. Даже отравители вернулись в дома, кроме Арронов и самых верных им семей.

Многие жрицы ещё оставались тут, и Лука тоже, организовывали поисковые группы, прочёсывали скалы в поисках Катарини. Но они обошли всю долину, берег, лес со всех сторон. Бедный Пьетр без остановок искал после пропажи Катарины.

И не было ни тела, ни ответов.

Натали одна сидела в своей палатке. Она не искала со вчерашнего дня, но поиск продолжался – и она не хотела её найти. Тело Катарини... Скоро оно раздуется, после распадётся. Натали не знала, вынесет ли она, если обнаружат маленькие кости Катарини, что держатся сухожилиями, и гнилое чёрное платье.

Она опустила голову на руки, слишком уставшая, чтобы встать. Слишком уставшая, чтобы снести палатки и вернуться в Индрид-Даун. Для того, чтобы возглавить совет и делать вид, что ей ещё есть что делать.

Открылась палатка, и внутрь вошла Верховная Жрица Лука в своём белом плаще с чёрным воротником. Натали выпрямилась – но это не могли быть новости о Катарине. Если так, Лука бы не пришла сюда без сопровождения.

- Верховная жрица... Прошу, проходите.

Лука обернулась и прикрыла палатку, а после принялась.

- Эта палатка, Натали, провонялась мёртвыми псами.

Натали поджала губы. Псы-фамилиары были тут с тех пор, как оказались на Вознесении. Не было времени подбирать интересный яд, она использовала тот, что был под рукой, и они бились в конвульсиях, их рвало на ковры и подушки.

Лука сняла капюшон и расстегнула воротник, демонстрируя морщинистую шею и тонкие седые волосы.

- Мне скоро надо будет отправиться в Роланс к Мирабелле. Я должна...

- Должна, - с горечью ответила Натали.

- Несколько жриц останется тут. Они будут искать, пока не найдут юную королеву.

На мгновение две женщины смотрели друг на друга, а после Натали указала жестом на стул напротив неё.

Лука прищёлкнула пальцами, и ей принесли чай. Когда они ушли, она вздохнула и откинулась на спинку стула.

- Один сбежал, - промолвила Лука. – брюнет с красным цветком на куртке. Его семья суеверна. Сказали, что это поколение проклято.

- Это не самый успешный Белтейн, - сказала Натали, и Лука хохотнула.

- Если б мы отрубили голову и руки этого отродья, то у нас был бы шанс.

- Если б только ваша Мирабелла вам позволила.

Лука добавила сливки и два куска сахара в чай и положила тонкий бисквит на тарелку.

- В нём нет яда, - криво улыбнулась Лука. – Может быть, опустишь змею в свою чашку?

Натали ухмыльнулась и отпила.

- Что можно сделать с Арсиной?

- А что?

- Она напала на Королев до конца Вознесения. Перед тем, как

начался Год Вознесения. Это преступление, да?

- Нарушение на один день. Демонстрация силы, нравится нам это или нет. Люди свергнут нас, если публично её наказать.
- Что хорошего в храме, если он не может обеспечить выполнение собственных законов, - проворчала Натали.
- В самом деле... - Лука сделала глоток и посмотрела на Натали над чашкой. – Эта прекрасная чернота... Яд упал в песок. И я попробовала немножко во время обеда, дала жрице, точнее. И, ох! – лицо Луки на мгновение загорелось. – Она выжила! Даже не заболела. В отличие от бедных собак. Что ты им дала, Натали? Мышьяк?
- Натали забарабанила пальцами по столу. Верховная Жрица изогнула бровь.
- А теперь не скули о нашей слабости. Мы то, что вы с нами сделали, когда превратили людей в это...
- Если люди отворачиваются от проповедей, это не наша вина. Мы не пытались навязать Совет храму.
- Нет. Только вынудили замолчать, - она спокойно изучала Натали. Они много лет были противниками, но мало времени провели наедине друг с другом, и никогда не спорили.
- Странно, - сказала Лука, - что вы отвернулись от Богини. Она создаёт королев. Её власть на острове сохраняет наш образ жизни. Я знаю... - промолвила она, когда Натали закатила глаза.
- Ты думаешь, это ты. Но кто тебе это дал? Она источник почтения, пока ты считаешь её! В своей гордости ты забыла, что она дала это, что может это отнять.

Роланс

Из окна подпрыгивающей повозки улицы Роланса казались тихими. Мирабелла ждала триумфа. Когда его не было, в воздухе пахло потерей. Магазины в центральном районе опустели, осталось только несколько лент и венков. Не избыток, точно. Но её выступление на Вознесении имело успех. Почти. Но благодаря Арсиное она даже не дошла до конца. Осталось немного, и они доберутся до Вествуд-Хаус. Но всё будет не так, как прежде. Теперь, когда Катарина пропала и считается погибшей, храм займёт оборонительную позицию, пока не поймут, что случилось. Ро будет держать рядом с

Мирабеллой

маленькую

армию.

Вооружённые

жрицы

окружают повозку, Сару и дядю Майлза.

Мирабелла сомневалась, что Арсиноя атакует так быстро. Но храм будет готов к чему угодно.

- Я замерла, когда помчался этот медведь, - прошептала

Мирабелла, и Бри с Элизабет подняли голову, оторвались от окна. – Мне казалось, это ошибка, но он шёл на меня...

Её друзья с сожалением отводили глаза. Они не будут говорить, что Арсиноя этого не хотела. И она этого не желала.

Прошли дни, и она вновь пережила ужас, а боль в сердце обратилась в гнев. Может, Арсиноя убила Катарину. Может, там, в лесу, её ждало какое-то другое существо.

Милая маленькая Катарина. Вот кого надо было защищать от Арсинои.

- Элизабет... - промолвила Мирабелла. – Ты природа. Ты бы могла сделать то, что сделала Арсиноя с медведем?

Элизабет покачала головой.

- Никогда. Даже пятьдесят человек не смогли бы. Она сильнее, чем все, кого я когда-либо видела.

- Или даже слышала, - промолвила Бри с широко раскрытыми глазами. – Мира, что делать? Если б не тот парень, Джозеф, ты бы была мертва.

Мирабелла рассказала им, кто такой Джозеф и что между ними случилось. Он выбрался в её палатку, когда она была с разбитым сердцем... Преданная Арсиноей и навеки спрятанная от Джозефа.

- Дорогой Джозеф... - промолвила Элизабет. – Его любовь к тебе может вновь спасти тебя. Если он хороший друг Арсинои, он её остановит. Поможет нам.

- Я не буду просить его встать на нашу сторону, - сказала Мирабелла.

- Но кто-то будет. Арсиноя. Лука. Не думаю, что кто-то такой сильный, как Арсиноя, не воспользуется преимуществами.

- Хорошо, - кивнула Мирабелла. – Не хочу, чтобы она

смущалась. Хочу, чтобы она толкала меня, пока я её не возненавижу.

Она смотрела в окно, пытаясь избежать печали в глазах Бри и Элизабет. Они знали, что к этому шло. Все, кроме Мирабеллы. Но она была так сентиментальна. Но медведь и холодное лицо Арсиной за маской показало ей правду.

Сестры, которых она любила в Чёрном Коттедже, пропали. Арсиноя увидела шанс и использовала его. Потому в следующий раз Мирабелла тоже не будет стоять.

Грэйвисдрейк-Мэнор

Спустя неделю поисков Пьетр вернулся в Грэйвисдрейк с Натали. Но после прибытия он не остался. Без Катарины не хотел.

Натали не пыталась его остановить. Парень был несчастен. Предпочтительнее даже его тусклый загородный дом, чем Грэйвисдрейк, где всюду бродил призрак Катарины.

Перед тем, как он ушёл, у них был последний разговор.

- Не стоило так меня убеждать о жертвенном годе храма... Я думал, они отрубят ей голову. Я даже не думал, что Арсиноя...

Теперь он ушёл в коляске, и Натали осталась одна.

Женевьева и Антонин отправились в свои дома в городе, опасаясь её настроения. Они не посмели бы вернуться без приглашения.

Слуги тоже отказывались смотреть ей в глаза. Было б хорошо, если б все они были достаточно приличны, чтобы делать вид, что всё хорошо.

Натали спустилась в главный зал и слушала то, как гремел в окнах осенний ветер. Поместье провевалось сквозняками. Ей понадобятся мастера, что осмотрят окна и двери. Он недолго ей принадлежит, но она не позволит пропасть такому дому.

В длинном красном коридоре, что вёл к лестнице в её спальню, она заметила пыль на подсвечниках, небольшую стопку одежды, сложенную и поставленную у двери зала ванной. Она наклонилась, чтобы поднять её, и замерла.

Она была не одна. В фойе стояла девушка.

Её платье развалилось, волосы были грязны. Она не двигалась. Она могла стоять там очень долго.

- Катари? – спросила Натали.

Она не отвечала. Когда Натали подошла ближе, то побоялась, что это плод её воображения. Что она сошла с ума, и девушка вот-вот распадётся или обратится в гору насекомых. Натали протянула руку, и Катарина посмотрела ей в глаза.

- Катарина, - выдохнула Натали и прижала девушку к груди. Это была Катарина, грязная и холодная, но живая. Порезы были на каждом дюйме её кожи. Изуродованные руки висели по бокам, превратились в красные, ногти были сломаны.

- Я не упала, - прохрипела Катарина. Её голос был груб, словно горло наполнилось грязью.

- Тебя надо согреть! – промолвила Натали. – Эдмунд! Одежда и ванная!

- Я не хочу, - промолвила Катарина.

- А что ты хочешь? Что ты хочешь, дорогая?

- Я хочу отомстить, - прошептала она, и пальцы скользнули по кровавым полосам на руках. – А потом я хочу свою корону.

Волчья весна

Хотя горожане хотели её видеть, Арсиноя проводила время в доме Милонов или в саду. Она не скрывалась. Но было легче там, где никто не смотрел с новообретённым уважением, где не надо было пояснять, где её медведь.

Рассказывать людям, что медведь – не её фамилиар, будет трудно. Они могут быть поражены её хитростью, но разочарованы слабостью.

- Вы принимаете посетителей? – спросил Билли, выскальзывая из сада.

- Младший, - проронила она и улыбнулась. Он оправился после тумана и моря, выглядел очень хорошо в своей светло-коричневой куртке. Молодые листья прилипли к его плечу, и он совсем не походил на человека с материка.

- Никогда не услышу, что ты рада меня видеть.

- Не уверена, что ты тут. Думала, отец тебя упакует и отправит домой.

- Нет, нет, я официально начинаю ухаживания, как и другие женихи. Он упорный, мой отец. Он не сдаётся. Ты узнаешь о нём.

Он протянул руку. Он держал что-то завернутое в синюю

бумагу и завязанное чёрно-зелёной лентой.

- Он отправил это, видишь? В знак мира, - он пожал плечами.

- Не так и много. Конфеты из нашего любимого домашнего магазина. Шоколадные конфеты. Орехи. Немного тоффи.

Думаю, тебе понравится, ведь ты часто ешь.

- Подарок? В самом деле? – Арсиноя приняла коробку. – Я думаю, медведь передумал.

- Это изменило мнение всех о тебе, - он вздохнул и кивнул на дом. – Как дела?

Арсиноя нахмурилась. После Вознесения Джулс была несчастна. Она ни с кем не говорила.

Джозеф подошёл к Билли, сунув руки в карманы. Взгляд его был мрачным и решительным.

- Что ты тут делаешь? – спросила Арсиноя.

- Я тут за Джулс. Мне надо поговорить с ней о случившемся.

- Ты должен извиниться перед нами обеими.

- Обеими? – растерянно спросил он.

- Действительно! Это моя сестра-элементаль. И ты забыл обо всём, что обещал! Джулс. Мне.

- Арсиноя.

- Ты хочешь, чтобы я умерла вместо неё? Это тебя порадует?

Она прошла мимо него в дом. Она много чего хотела сказать Джозефу, но начать должна Джулс.

- Позволь мне положить их на место, - она встряхнула коробкой конфет. – А после я найду её для тебя.

Это не заняло много времени – найти Джулс на южном поле с Эллисом, где она обсуждала растения. Когда Джулс увидела её, то погрузилась, словно всё поняла.

- Ты должна будешь с ним когда-то поговорить, - промолвила Арсиноя.

- В самом деле?

Эллис положил руку на плечо внучки и провёл по спине, потом схватил Джейку. Маленький белый сеттер не отходил от него ни на шаг во время костров. Эллис был счастлив, что тот ничего не съел, в отличие от тех несчастных на Черноте.

Джулс позволила Арсиное обойти дом, добраться до Билли и Джозефа.

Арсиноя взяла Билли за локоть и увела его. У Джулс и

Джозефа есть право на личную жизнь.

- Хорошо, - кивнула Джулс. – Давай поговорим.

Джулс пустила Джозефа в спальню, что делила с Арсиной, и закрыла дверь перед мордой Камдэн. Она не знала, рассердится ли, но если Камдэн его ранит, то потом будет жалеть об этом.

Джозеф казался напряжённым, но собранным, словно много раз репетировал то, что скажет. Внутри он сжимался. Он смотрел на её кровать, где они так часто валялись вместе.

- Как ты смогла это сделать? – тихо спросил он. – Как отправила этого медведя.

- Я остановила его, нет? – щёлкнула пальцами Джулс. – И ты пришёл сюда за этим? Обвинить меня? Не сказать, что кого-то там полюбил?

- Джулс, погибли люди.

Она отвернулась. Она знала. Он думает, она глупа? Это случилось так быстро. Она держала медведя, а потом... Это было самое сложное, что она когда-либо делала, возвращать его под контроль. Но она не могла позволить ему убить Джозефа.

Она прислонилась к письменному столу и толкнула синюю коробку.

- Что это?

- Билли принёс для Арсиной. Коробка конфет.

Джулс сняла крышку. Она не любила сладкое так, как Арсиноя.

- Хорошо выбрал.

- Джулс, ответь на вопрос. Зачем ты это сделала?

- Я не делала! – воскликнула она. – Я не хотела его отпускать!

Была с ним! Пока не посмотрела на её танец, не увидела, как ты смотрел на неё... На меня ты так никогда не смотрел!

Плечи Джозефа упали.

- Это не так. Я смотрел на тебя. Я видел тебя, Джулс, всегда!..

- Не верю, - покачала головой Джулс. Она видела медведя.

Она не знала, остановила б его от убийства Мирабеллы. Она помнила гнев, боль, то, как мир стал красным.

Джулс потянулась за конфетой и положила её в рот. На вкус казалась пустотой, но он не сможет задавать ей вопросы, пока

она жуёт.

- Ночь высадки, - прошептала она, - в моей палатке, когда ты не коснулся ко мне. Из-за неё, да?

- Да.

Он так просто ответил. Одно слово. Словно не надо было больше ничего пояснять. Оправдываться. Словно голова Джулс не закружится.

- Разве ты не любил меня больше? Ты когда-нибудь... - она оттолкнулась от письменного стола и спотыкнулась, желудок сжался. – Я идиотка, да?

- Нет, - ответил Джозеф.

Джулс мигнула. Перед глазами всё почернело, стало ярким, опять чёрным. Ноги затекали.

- Джулс, я...

- Джозеф... - прошептала она, голос был пустым. Он протянул руку и подхватил её, когда она упала. – Джозеф... Яд. Его глаза расширились. Он посмотрел на коробку конфет, когда Джулс принялась падать, и закричал.

- Это моя вина.

- Закрой рот, - сказала Арсиноя. – Как это может быть твоя вина?

Они сидели рядом с кроватью Джулс, когда ушли целители. Но ничего не могли сделать, сказали, надо смотреть и ждать, пока яд парализует лёгкие или сердце. Каит их оставила. Оставила и плакала много часов над кухонным столом.

- Проклятье, где Мадригал... - Джозеф сжимал мех Камдэн, что лежала в ногах Джулс.

- Она не может справиться с этим, - сказала Арсиноя, но она знала, где Мадригал. Ушла к изогнутому дереву, молиться и подписывать сделку. Ушла спасать дочь.

Эллис тихо постучал и просунул голову.

- Арсиноя, материковец там, просит тебя.

Арсиноя встала и вытерла глаза.

- Не оставляй её, Джозеф.

- Не буду. Никогда. Больше никогда.

Во дворе её ждал Билли. Он повернулся, когда услышал

шаги, и на мгновение она подумала, что он попытается её обнять, но он этого не сделал.

- Я не знал, Арсиноя, поверь. Не знал.

- Верю.

Его лицо озарило облегчение.

- Мне так жаль... Она выздоровеет?

- Не знаю. Я так не думаю.

Билли обнял Арсиною медленно и неуверенно, словно она могла укусить. Вероятно, она бы и укусила, если б о него не было так удобно опереться.

- Они все заплывут за это, - прошептала она. – Они будут истекать кровью и кричать, получают по заслугам...

Спустя два дня после отравления Джулс открыла глаза.

Арсиноя была так истощена, что не знала, не привиделось ли ей, пока Камдэн не забралась на грудь Джулс и не лизнула ей лицо.

Мадригал рыдала от радости. Эллис сидел у кровати и молился. Каит отправила свою ворону, Еву, к целителям.

Джозеф мог только плакать и гладить Джулс по щеке.

Арсиноя перенесла ещё один кувшин с цветами от Джозефа в спальню и поставила его на подоконник. Места не хватало. Столько всего, что он походил на теплицу. Когда она разложила цветы, несколько бутонов вдруг открылись. Она повернулась к Джулс, что сидела на подушках.

- Тебе лучше? – спросила Арсиноя.

- Просто хотела понять, могу ли я...

- Конечно, можешь. Всегда можешь.

Она подошла к кровати и присела, подвигая ноги Камдэн.

Джулс сегодня выглядела куда лучше. Наконец-то достаточно сильная, чтобы услышать, что Арсиноя скажет, и не умереть.

- Что? – спросила Джулс. – Что? Ты выглядишь так, как Камдэн, когда она ворует яйца.

Арсиноя выглянула в коридор. Дом пустовал. Каит с Эллисом в саду, Мадригал в городе с Мэтью.

- Я должна тебе кое-что сказать, - промолвила Арсиноя. – О конфетах.

- Что? Речь о Билли? Он сделал это?

- Нет, не знаю. Я так не думаю, - она сглотнула и посмотрела на Джулс горящими глазами. – Я тоже их ела.

Джулс испуганно смотрела на неё.

- Когда поставила коробку на стол... До того, как нашла тебя в поле... Съела три штуки. Две шоколадные и ириску.

- Арсиноя...

- Ты ж знаешь, как я люблю конфеты.

- Я не понимаю.

- Я тоже. Но... Ты так заболела, а Джозеф сказал, ты съела лишь одну. Я так волновалась, что не думала об этом. Но ты проснулась. И я поняла.

Арсиноя подалась вперёд.

- Я не была бездарной королевой всё это время, Джулс. Бессильная в проращивании бобового стебля или помидора, приручения птички, чтоб села на плечо... - её голос становился громче и громче, пока она не поймала себя на этом и не вынудила успокоиться. – Всё это время я не была пустышкой. Никогда.

Арсиноя улыбнулась.

- Я отравительница.

Document Outline

THE_QUICKENING

THE_ASCENSION_YEAR_BEGINS